

на грани:
роман-исповедь

МЕЛАНИ РААБЕ

ИСТИНА

Немецкий ответ «Исчезнувшей»

821. 112. 2-31

P-12	2018/12
	991

Dante Alighieri

2018/12
991

МЕЛАНИ РААБЕ

.....

ИСТИНА

.....

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
P12

DIE WAHRHEIT
by Melanie Raabe

Серия «На грани: роман-исповедь»

Печатается с разрешения издательства btb Verlag, a division of Verlagsgruppe Random House GmbH, München, Germany и литературного агентства Prava I Prevodi International Literary Agency

Перевод с немецкого Анны Бровот

Оформление обложки Екатерины Ферез

Фотография автора на обложке Christian Faustus

Раабе, Мелани.

P12 Истина / Мелани Раабе; [пер. с нем. А. Г. Бровот]. — Москва : Издательство ACT, 2017. — 416 с. — (На грани: роман-исповедь).

ISBN 978-5-17-103120-6

Во время командировки в Южную Америку бесследно исчез богатый бизнесмен Филипп Петерсен. Его жена Зара семь лет ждала хоть каких-то известий о нем. Однажды ей звонят из Министерства иностранных дел и сообщают, что ее муж жив и возвращается в родной Гамбург. Зара очень взволнована, вся она — комок нервов. Как они встретятся? Что будет дальше? Где был Филипп все эти годы?

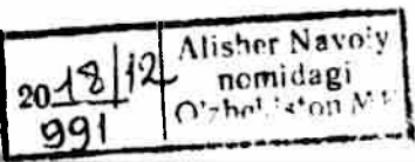
...По трапу самолета спускается большая делегация. Зара напряженно вглядывается в лица. Но среди них она не видит своего мужа. К ней подводят незнакомого мужчину. И Зара понимает, что это — не Филипп.

Кто этот незнакомец, что ему нужно? И почему он угрожает ей?

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-103120-6

© 2016 by btb Verlag, München,
a division of Verlagsgruppe Random
House GmbH, München, Germany
© Бровот А.Г., перевод, 2017
© ООО «Издательство ACT», 2017

Да что мне истина? Я счастья хочу.

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Мир померк. Померкло надо мною солнце.

Стою, запрокинув голову. Смотрю во все глаза. Изо всех сил стараюсь вобрать в себя всю полноту момента. Запечатлеть его в памяти. Стараюсь отмести все прочие мысли. Тихо, почти торжественно, шумят деревья. Только птицы в верхушках крон совершенно равнодушны к происходящему. Они отчаянно пронзают темноту своим пением, как будто сейчас для них решается вопрос жизни и смерти. Померкло солнце, а я так и стою, я наслаждаюсь его созерцанием. Все тепло ушло. И свет тоже.

Это не первое солнечное затмение, какое мне довелось пережить. А то, первое, я вспоминаю с улыбкой вопреки всему. Тогда Филипп порывался сбежать от городской суеты в лес. Ему не терпелось проверить свою теорию о том, что птицы с наступлением затмения разом умолкают. А мне хотелось остаться в городе. И наслаждаться зрелищем в компании приятелей. Хотелось, чтоб мы собирались, — молодые, безрассудные и взволнованные происходящим, да нацепили бы на нос специальные очки. Мне удалось его переубе-

Мелани Раабе

дить. Это было нетрудно. В то время Филипп с удовольствием поддавался на уговоры, о чём ни попроси. Он предпринял последнюю попытку: мол, одним в лесу куда романтичнее.

— Не будь пошляком! — сказала я, и он рассмеялся. Мы остались. В городе, с друзьями.

Странно, но я уже не помню, как выглядело потемневшее солнце. Прекрасно помню все, что творилось вокруг, помню несусветную чушь, какую несли друзья, помню музыку, доносившуюся из радиоприемника. Помню запах сгоревших колбасок — кто-то из нас затеял гриль, а потом о нем благополучно забыли, я помню руку Филиппа в моей руке. Помню, мы в какой-то момент сняли очки, потому что они мешали целоваться. Мы держались за руки и пропустили самое главное. Тогда мы впервые заговорили о будущем. Прежде я старалась избегать разговоров на эту тему, я не верила, что будущее и впрямь наступит. Следующее затмение в наших широтах ожидалось вроде бы в 2015 году, а потом — только в 2081-м. Цифры несли в себе что-то конкретное, цифрам я доверяла. Мы прикинули: Филиппу стукнет тогда почти сороковник, ну, а мне всего-то тридцать семь. Неужто мы доживем до такого возраста, предложение показалось нам абсурдным и вызвало приступ смеха. Мы дали друг другу слово в следующий раз быть внимательнее и увидеть черное солнце непременно, и непременно в лесу, чтобы Филипп проверил свою теорию. Ту самую, о птицах.

Я стою в лесу, посреди небольшой поляны. Одна. Мне тридцать семь. Не отрываясь, смотрю на гигантское черное солнце, которое тоже буравит меня своим

Истина

оком, и задаюсь вопросом: а видит ли Филипп этот шар? Виден ли он вообще оттуда, где Филипп сейчас находится? Я думаю о том, что следующее затмение наш сын встретит в семьдесят пять. Что не будет уже меня, не будет уже Филиппа. Что этот день и этот час — наш последний шанс. Не схожу с места, наблюдая, как месяц закрывает собой последние миллиметры солнца, и тут меня осеняет: Филипп оказался не прав! Трели, которые выводил вездесущий пернатый оркестр, не утихли ни на миг. Интересно, порадовалася бы этому Филипп, или огорчился бы? Не все ли равно, — отвечаю я сама себе. Филиппа больше нет. Филипп канул в воду. Филипп исчез. Филипп дошел до края мира и упал.

И в эту секунду птицы умолкли.

2

У парикмахера было красивое лицо с выдающимися скулами и тонкие, почти женственные руки. Войти в салон я решилась не сразу. Прежде чем переступила порог, раз-другой сознательно прошла мимо.

И вот я сидела здесь, на крутящемся стуле, и чувствовала, что выдала себя с головой. Растопыренные пальцы парикмахера, напоминавшие пальцы пианиста, скользили по моим волосам, ниспадавшим почти до бедер, раз, другой, третий, прочесывали их от корней волос до самых кончиков. Восхищение его казалось нескрываемым, подошла напарница, называлась Катей и тоже принялась терзать мои волосы. Прикосновения обоих вызывали во мне неприятное чувство,

Мелани Раабе

слишком они были интимные, все эти долгие годы только одному человеку позволялось трогать мои волосы, он любил их, он зарывался в них лицом, он осушал ими слезы. Но я смирилась — пусть тешатся, и делала вид, будто их комплименты мне приятны. Когда-нибудь они успокоятся, Катя вспомнит про клиентку и снова займется удлинением волос.

— Итак, — сказал парикмахер, в очередной раз запустив руку в мои волосы. — Подровнять кончики?

В горле у меня пересохло, и я, с трудом сглотнув, уточнила:

— Все состричь.

Парикмахер, чье заковыристое имя я не могла запомнить, издал короткий смешок, но тут же смолк, сообразив, что я ему не компания, что мне не до шуток. Он внимательно смотрел на меня. Я копалась в сумочке, я ведь подготовилась, и наконец-то нашупала страничку, вырванную из журнала мод. Выудила ее и протянула парикмахеру, ткнув пальцем в фотографию на самом верху.

— Вот так, — выпалила я. И для поднятия духа еще раз повторила: — Так. Я хочу так.

Мастер взял листок и стал внимательно его изучать, он было нахмурился, но постепенно вертикальная морщинка, разрезавшая его лоб пополам, разгладилась. Посмотрел на меня, потом опять на картинку, и, в конце концов, согласно кивнул.

— О'кей.

Я вздохнула с облегчением, к счастью, никого не пришлось убеждать. Я уже взрослая женщина. Терпеть не могу, когда другие воображают, будто им виднее, что для меня лучше. Патрис, я вдруг вспомнила, как

Истина

зовут парикмахера, его звали Патрис. Он достаточно опытен и даже не подумал меня отговаривать. Приготовился, разложил перед собой инструменты: ножницы самых разных видов и расчески, щетки, волшебные жидкости, спреи и фен с причудливыми насадками. Ручное зеркало скользнуло с гладкой поверхности на пол. Патрис чертыхнулся, поднял его, повернул и увидел лопнувшее стекло.

— Разбитое зеркало предвещает семь лет неудач, — возвестила я.

Взгляд, испуганный как у серны, остановился на мне, и парикмахер засмеялся нервным смешком. Я уже жалела о том, что брякнула, могла бы обойтись без комментариев, хотела сострить, но, кажется, только напугала беднягу. Здорово, наверное, когда есть чего бояться. Ведь это, в конце концов, только означает, что беды еще не начались. Меня бы ничуть не тронуло, расколоти я хоть всю зеркальную комнату.

Семь лет назад мой муж бесследно пропал во время командировки по Южной Америке. С тех пор жизнь моя стояла на паузе, я ждала. Семь лет надежд, тревог и чувства абсолютной потеряности, порой настолько сильного, что больше всего на свете мне хотелось вырвать с корнем любое воспоминание о Филиппе. Хотя это вряд ли бы помогло. Ощущение утраты стало частью моего ДНК.

Семь лет неудач уже позади.

Патрис молча принес другое зеркало. Потом осторожно собрал большие осколки и метелкой замел остальное. Я больше не произнесла ни слова, пусть делает свое дело. Внутри меня шла другая борьба. Я закрыла глаза, провела пальцами по волосам, так нежно, словно касалась самого драгоценного. Осто-

Мелани Раабе

рожно. Как это делала много лет назад мама, как это делал Филипп — но после него не делал никто. Филипп играл моими волосами.

Мне вспомнилась наша первая ночь: весь ее драматизм, вокруг вода и звезды над головой, мои мокрые волосы, словно занавесом упавшие на обнаженные плечи. Я увидела Филиппа, капли воды в волосах. Тишина, только наше дыхание и темень. Мир сделался вдруг маленьким, сжался настолько, что в нем осталось место только для нас двоих. Кокон из тишины и звезд. И рука Филиппа в моих волосах.

Я стряхнула воспоминания и вернулась к реальности, увидела себя в зеркале, те же волосы, как тогда, но другую женщину. Патрис собрал все осколки и стоял теперь за моей спиной. С ножницами наготове. Левой рукой он подхватил мои волосы и приподнял. Потом отыскал в зеркале мои глаза.

— Вы уверены?

— Абсолютно, — подтвердила я.

Он без лишних слов пустил ножницы в ход.

Волосы мои вскрикнули, я услышала это совершенно явственно. Звук серебристый и ломкий, похожий на хныканье ребенка, почти шепелявящий. Я закрыла глаза.

Патрис работал молча. Ловко и продуктивно. Скоро не осталось уже ничего, никаких волос, по которым хотелось бы мечтательно провести рукой.

Я оплакивала их, три крупные немые слезы упали на пол, как первый снег. Я вытерла слезы, расплатилась, встала и покинула салон. Жизнь пошла дальше. Наконец-то.

Чувство подступающей тошноты, подобное тому, какое испытываешь на американских горках, охватывает тебя тогда, когда ты совершил нечто необратимое — разбил в полном уме и памяти бесценную семейную реликвию, выложил, наконец, какую-то страшную правду или отрезал косы — это чувство еще не отпустило, когда я входила в дом. Я не могла описать его по-другому, я не сильна в словах. Но оно, как самогон, вызывало теплое бурление в области живота. Я слышала эхо своих шагов, отражавшееся от стен. Особняк, который остался мне от Филиппа, на долгие годы сделался моим домом, но я по-прежнему не чувствовала себя здесь полной хозяйкой. Вся обстановка, выдержанная с ганзейской хладнокровностью, так же мало подходила ко мне, как и прическа маленького эльфа, которую я всю жизнь носила. Может, лучше съехать отсюда, подумала я. Поселиться в каком-нибудь другом месте. Более подходящем для Лео и для меня.

Я отогнала эту мысль.

Вошла в ванную комнату и стала отмывать с рук город, изучая в зеркале над раковиной свое отражение. С тех пор как я носила в себе тайну, меня не покидало чувство, что ее запросто может прочесть каждый встречный, прочесть по моим глазам — но глаза обманчивы. И они, по крайней мере, ничуть не изменились. Я примерилась, одарив улыбкой коротко стриженную брюнетку, которая походила уже не на фею, но скорее на мальчишку, и мне ответили тем же. А почему бы и нет? — заключила я, бросив еще один взгляд

Мелани Раабе

на свою мальчишескую прическу, вышла из ванной, отволокла сумки с покупками на кухню и только собралась заняться приготовлением ужина, как тут же вспомнила про него. Про пластиковый пакет, который всучил мне парикмахер.

Я направилась к гардеробу, взяла сумочку и достала из нее пакет с волосами. Разумеется, я совершенно не представляла себе, как поступить с этим трофеем. Ясно было одно: я не собираюсь хранить такое как сентиментальная идиотка. Стоит только начать и тогда... Мне не хватало сил додумать мысль до конца. И без того в доме обитало достаточно духов, волосы для забав им не нужны.

Больше не колеблясь, я спустилась по черной лестнице на улицу и взяла курс под маленький навес, к мусорным бачкам. Странное ощущение — нести свои собственные волосы, держать в руках то, что когда-то было частью меня.

Только не разводи нюни, никакой сентиментальности, приказала я самой себе. Потом развязала слабый узел, затянутый парикмахером, и вытряхнула волосы в бак для органических отходов. На несколько секунд я закрыла глаза и снова увидела руку Филиппа в моих волосах, в маленьком углублении между шеей и затылком. И вдруг почувствовала, как стеснило грудь, как разгорячились щеки, и перехватило дыхание. Я поскорее отогнала мысли, посетившие меня в первый раз на поляне. Лесные духи. Они исчезли, внутренне сопротивляясь, что-то бормоча, хихикая. Дыхание восстановилось. Я снова пришла в себя. Увидела, что все еще топчусь за домом и держу в руке крышку от мусорного бака. Отрезанные волосы валялись теперь где-то там, в куче завядших цветов, ко-

Истина

фейных фильтров, апельсиновой кожуры, картофельных очистков и яичной скорлупы. Я отвела взгляд, закрыла бачок и вернулась в дом.

Я ждала солнечного затмения с некоторой опаской. Ждала невыносимо долго, часто думая о том, какие чувства будут меня обуревать. Пугали старые раны, старые вопросы, которые в этот день непременно грозили выплыть на поверхность как разный скарб во время опустошительного потопа. И вот этот день наступил, и, казалось, шел своим чередом вхолостую, подобно бесконечной веренице других дней, ему предшествовавших. Он не унес меня с собой, я все еще здесь. И больше я не чувствовала ни боли, ни горечи. Вышла из парикмахерской в полной уверенности, будто натворила что-то ужасно волнующее, запретное. Как подросток, выкуривший тайком свою первую в жизни сигарету. Я чувствовала легкую слабость в животе, а еще — как же иначе — головокружение и свободу.

Я разобрала покупки, сложила в большой бумажный пакет то, что предназначалось для соседки, госпожи Тайс, и поставила его в сторону. Позже попрошу Лео, и он ей все занесет. Вот уже почти год я закупала продукты для этой пожилой женщины, которая с трудом ходила и не имела своей машины, и попутно развлекала ее всякой болтовней; она, конечно, немного странноватая, да что с того. Но сегодня я не испытывала ни малейшего желания вести с ней беседы.

Предстояло еще кое-что сделать. Приготовиться к ужину и потом забрать Лео от Мириам. Хорошо бы застать лучшую подругу одну. Пока не вернулся домой Мартин. Я ощущала потребность кому-нибудь рассказать о том, что сделала. Или, вернее, чего не сделала.

Мелани Раабе

Значит, самое разумное — поторопиться. Я взяла курочку, только что купленную в магазине здорового питания, и положила ее на доску. Курочка едва не выскользнула у меня из рук. Сказывалась нервозность. Я попробовала себя утешить: мол, ничего сверхъестественного тут нет. Просто парочка приятелей придет на ужин. Ничего сверхъестественного. Вообще-то. Если не считать того, что вот уже несколько лет никто из приятелей сюда не приходил.

Все меняется, ободряюще сказала я самой себе и достала бутылку оливкового масла, соль, перец, пучок тимьяна, за которым специально ходила на рынок, несколько стебельков петрушки, дольку чеснока, бачочку с семенами фенхеля и два лимона, — теперь все готово. Я рассматривала продукты, аккуратно разложенные на доске, будто солдатики для игры. Подвергла экспертизе курочку. Я не готовила это блюдо уже целую вечность. Лео не любит курицу, да и вообще не слишком-то уважает мясо, в этом он совершенно походил на Филиппа, своего отца, который заделся вегетарианцем еще в юности, а я, когда мы стали жить вместе, под него подравнивалась. На мгновение я ощутила укол совести. Но потом все прошло. Теперь уже все равно. Я ждала гостей. И знала: среди них нет вегетарианцев, а значит будет курочка, салат и картошка.

Я сделала глубокий вдох, заправила за ухо несуществующую прядь, распаковала курочку. Во всей своей откровенной наготе она имела грустный и до смешного нелепый вид — без головы, без перьев. Несколько секунд во мне шла внутренняя борьба, но потом, набравшись храбрости, я положила руку на мертвую кожу и не почувствовала ничего, только холодок, труп-

Истина

ный холодок. Жизнь, когда-то теплившаяся в этой маленькой нескладной тушке, давно улетучилась, куда — бог его знает. И я вдруг подумала: как странно, я стою здесь и собираюсь приготовить блюдо из того, что еще недавно бегало и клевало зернышки. Я поскорее отогнала эти мысли. Это мысли Филиппа, не мои, после стольких лет в моей голове все еще сидели мысли Филиппа. Хватит уже, покончим с этим.

Я взяла курочку двумя руками, промыла ее под водой, слегка промочила бумажным полотенцем. Мельком посмотрела в рецепт, который раскопала в какой-то старой поваренной книге, удостоверилась, что ничего не напутала.

Потом оторвала листочки тимьяна, добавила их вместе с солью и оливковым маслом в ступу и стала растирать. Когда я закончила, кухня наполнилась терпким запахом трав, я обмакнула руки в заправку и принялась натирать курицу. Мне казались противоестественными все эти архаичные, оккультные действия, травы, масла и мертвые звери. Ведьмино ремесло. Я наблюдала за собой, за всеми своими движениями, словно в кино.

Тщательно натерев курочку со всех сторон, нарезала лимон, выдавила дольку чеснока, оборвала листочки со стеблей петрушки. Осталось только начинить всем этим тушку. Прежде, много лет назад, когда запеченная в духовке курица занимала первую строчку в списке моих любимых блюд, я проделывала все это машинально. Теперь же мной овладевали сомнения. Но я взяла себя в руки. Стала начинять курочку лимоном, травами и чесноком, пока не забила под завязку. Внутренности у нее холодные, холодные и мертвые, то что от курочки осталось, набили цитрусовыми,

Мелани Раабе

но это ее ничуть не смущало. Мертвое, значит, мертвое. Мертвое не чувствует боли. Мертвое не страдает. Мертвое неуязвимо.

Я так часто задавала себе один вопрос: умер ли Филипп. Но по-настоящему представить себе этого не могла. Иногда, особенно в такие ночи, когда царил необычно густой мрак, мне почти хотелось, чтобы он умер. То есть хотелось знать об этом наверняка. Не только смутно догадываться. Проехали.

Я поставила противень в горячую духовку, принялась за картошку и тут вдруг вспомнила, как оно называется.

Как называется то совершенно необычное, наполнившее меня чувство.

4

Грядут перемены.

Лето вернулось. В небе резвились на ветру черные стрижи. Палисадник у Мириам отдаленно напоминал мне сад любимой бабушки — великое и беспорядочное разноцветие из тюльпанов и георгин, роз, магнолий, форзиций. На крошечном газоне валялся синий детский велосипед. Я с облегчением отметила: машины Мартина перед домом нет. Значит, я успела и застану подругу одну. Я нажала кнопку звонка. Под ней висела глиняная табличка с изображением ежика и с неуклюжими, выведенными рукой первоклассника буквами: *мама, папа, Юстус и Эмили*. Я еще не успела убрать со звонка руку, а в дверях уже показалась Мириам.

Истина

— Боже правый, — вырвалось у нее. — Ну и видок у тебя!

Я не стала возражать, я предвидела такую реакцию: удивление, возможно, даже шок. Прическа говорит о многом.

Но Мириам справилась с собой и сказала:

— Прости. Я имела в виду другое. Ты выглядишь...
Она помедлила.

— Ты выглядишь потрясающе. Совсем по-другому. Вроде бы старше, и в то же время моложе. Даже не знаю, как сказать, но мне нравится.

Я благосклонно улыбнулась.

— Спасибо.

— Заходи для начала, — пригласила Мириам. — Мальчики наверху.

Я переступила порог красивого и чуточку хаотичного дома, который так безгранично любила. Здесь всегда спотыкаешься об игрушки, здесь непременно стоит где-нибудь на полу ваза с пестрыми цветами из собственного сада. Навстречу мне тянулся легкий запах приготовляемой пищи, с верхнего этажа долетали громыхающие звуки, типичные для мальчишеских игр, участники которых того и гляди взорвутся от переизбытка энергии.

— Эй, ребята, утихомирьтесь! — крикнула Мириам, но ответа не последовало.

Она закатила глаза, и это вызвало у меня невольную улыбку. Я любила приходить сюда. Это был совершенно нормальный дом. Совершенно нормальная семья. Эмили, шестимесячная сестра Юстуса, наверное, уже мирно спала в своей кроватке, не проявляя никакого интереса к проказам восьмилетнего братца и его закадычного приятеля.

Мелани Раабе

— Это Зара? — вдруг услышала я голос Мартина, а уже через секунду из-за угла появился и он сам, с дрелью в руках.

Я разочарованно вздохнула. Но может, оно и к лучшему.

— Вот это да! — воскликнул Мартин, увидев меня. — Короткие волосы, вот это круто!

Я засмеялась.

— Ишь ты, — откликнулась Мириам с притворной обидой, — когда я хочу подстричь только самые кончики, ты идешь на меня войной, а у Зары, значит, это круто?

Мартин добродушно рассмеялся. И тут же спохватился, вспомнив про дрель, которую все еще держал в руках.

— Вот, я достал ее, как и обещал.

Он потряс дрелью в воздухе, а потом положил возле двери, чтобы я ее не забыла.

— Отлично, спасибо, — поблагодарила я.

Если в моем доме назревали какие-нибудь ремесленные работы, Мартин всегда вызывался помочь, но я предпочитала все делать сама. Мне нравилось забивать гвозди в стены, сверлить дырки, я любила дюбеля и шурупы. Любила всякие инструменты. Любила, когда совершается некое действие и получается ясный, заранее предсказуемый результат. Так создается порядок. Так устанавливается контроль над вещами. Я любила порядок. Любила контроль.

— И какие у нас новости? — спросил Мартин, все еще улыбаясь.

— Что ты имеешь в виду?

— Разве не говорят, что если женщина остригла волосы, значит, тут замешан мужчина? «Новая любовь — это как новая жизнь», или вроде того?

Истина

— Мартин! — возмутилась Мириам.

Она знала: с тех пор как Филипп пропал, у меня никого не было. И она считала своим долгом за меня заступаться.

— Да все в порядке, — сказала я. — Мартин известный сплетник, любопытства ему не занимать.

Мартин, довольный моей реакцией, удовлетворенно хмыкнул.

— Тренируешься? — спросил он.

— А как же!

На пару с Мартином я когда-то готовилась к своему первому марафону. Но потом из-за проблем с коленями он покончил с бегом, и с тех самых пор я переключилась на триатлон.

— Ты просто молоток, — заключил он.

— Да ладно тебе.

Я мельком взглянула на Мириам, иногда меня серьезно беспокоило, не действует ли ей на нервы чрезмерное внимание со стороны Мартина, но ничего такого. Мириам вроде бы даже рада. Наверное, все еще жалела меня, хотя прошло уже столько лет. Скорее, подруга сама попросила мужа обращаться со мной поласковее и немного пособлять по хозяйству.

— Поужинаешь с нами? — спросила Мириам.

— Нет, у меня же сегодня гости, — ответила я. — Я только хотела забрать Лео.

— Ну конечно же, вечеринка с коллегами, — вспомнила Мириам.

Я начинала нервничать. Но Мириам как будто ничего не замечала.

Сверху послышался приглушенный смех.

— Пойду-ка взгляну. — С этими словами Мартин стал подниматься по лестнице, насыпывая песенку

Мелани Раабе

«Новая любовь как новая жизнь», потом подмигнул мне и скрылся.

Мириам закатила глаза, показывая, до чего муж ей действует на нервы, но на самом деле она его любила, таким, какой он есть. Мартин — весельчак. Она знала, кто он. Не искатель приключений, не романтик, не соблазнитель. Зато он, ее Мартин, — весельчак. Мартин большой охотник до гриля. Мартин, хотя и приближается к полтиннику, все еще носит дома футболки с символикой своих рок-кумиров, любит детей и откалывает шуточки, над которыми сам громче всех смееется, но никто на него не в обиде, потому что он ужасно милый. Одним словом, Мартин. Он не из тех, кто подарит цветы или огорожит тебя романтическим сюрпризом, и Мириам иногда на это жаловалась. А я тогда думала: не каждый мужчина такой, как Филипп. Но отвечала ей: «Да кому нужны букеты от флористов, когда у тебя целый сад, полный чудесных цветов».

На лестнице показался Лео, прервав мои мысли.

— Привет, мам, — бросил он мне, подбежал, прижался, но только на секунду, и напрочь проигнорировал мою стрижку.

Потом он увидел дрель, и я опять оказалась вне игры.

— Клево, — завороженно выдохнул он, вскинул дрель как лазерный пистолет, навел на воображаемого противника и выстрелил. — Пиф-паф! Пиф-паф!

— Ладно, — сказала я подруге, целуя на прощание. — Нам пора идти.

— Счастливо! — воскликнула Мириам.

Я с улыбкой посмотрела на нее, забрала у сына дрель и крикнула:

— Пока, Мартин!

Истина

Из-за перил на верхнем этаже показалась голова Мартина.

— See you later, alligator!* — крикнул он мне.

Я уже не видела, но знала наверняка, что в эту секунду Мириам усмехнулась и закатила глаза.

И чувствовала легкость, когда вместе с Лео, сидевшим сзади, катила по городу, хотя выговориться и облегчить душу так и не получилось. Да и вряд ли я смогла бы. Некоторые вещи чертовски трудно произнести.

5

Гости пришли вместе, все трое: Клаудия и Мирко, мои коллеги, а также Вернер, муж Клаудии. Странно было видеть их здесь, будто вырванных из контекста, да и разве возможно иначе, ведь место им в школе, а не в моем доме. Мирко принес цветы, Клаудия с Вернером вино.

Я чувствую: все трое немного скованы, ума не приложу, с чего бы это. Может, все дело в огромном старинном доме, может, это из-за него они робеют. Может, инстинктивно ощущают присутствие духов прошлого, которые тут живут, со мной и с моим сыном. Или им так же странно видеть меня в моих четырех стенах, а не в школе, как и мне непривычно принимать их за обычных людей, а не за коллег.

— Здесь так прохладно, просто фантастика, — заметила Клаудия. — На улице жара совершенно невыносимая, вам не кажется?

* Увидимся позже, крокодил! (англ.)

Мелани Раабе

Мужчины согласились, завязался разговор, лед тронулся. Я выслушала комплименты по поводу новой прически — никто из гостей даже не удивился, а может, не подал виду, взяла цветы и вино, поблагодарила, отметив про себя выбор Мирко — красные розы — на мой взгляд, не совсем уместный, но, разумеется, оставила это без комментариев, провела всех в гостиную, предложила аперитив и, извинившись, удалилась — поставить в воду цветы и проверить, все ли в порядке на кухне. Лео уже поужинал и играл у себя в комнате. Все шло хорошо.

Когда я подавала угощение, гости мои обсуждали последнюю серию «Места преступления», но, казалось, только затем, чтобы потом поскорее переключиться на новых студентов, проходивших в нашей школе педагогическую практику. Я отчетливо ощущала, как сильно истосковались старинные стены этого особняка по жизни. Когда-то, очень давно, она наполняла все его пространство.

— Если хотите знать мое мнение, то поведение ее просто волнище, — заявила Клаудия. — Она вечно на больничном, а если изволит явиться, то подготовлена хуже некуда. Для нее суть биологии как предмета заключается в том, чтобы из урока в урок крутить одну и ту же пластинку о зарождении жизни.

Клаудию просто распирало от возмущения.

— Но почему она отсутствует так часто? — поинтересовался Вернер, который наверняка даже понятия не имел, о ком идет речь, но все равно хотел участвовать в разговоре.

— А в прошлом году она вообще выпала на шесть месяцев. Нервный срыв, видите ли, — не унималась Клаудия.

Истина

— Ты говоришь так, как будто убеждена, что все это сказки, — вступил за коллегу Марко.

Клаудия пожала плечами.

— Разумеется, не сказки. Откровенно говоря, я тоже чувствую себя эмоционально выгоревшей. Но это не значит, что я считаю себя вправе просиживать задницу дома. Возьми, к примеру, хотя бы Зару. Уж если кому и трудно, так это ей! Мать-одиночка, да еще такая трагедия с мужем. Но почему-то Сара ходит на работу!

Взгляд Клаудии остановился на мне, моля о поддержке. Я молчала.

— Или ты думаешь иначе? — не унималась она.

— Я не уверена, — сказала я. — Мне кажется, я не особо в курсе, что там у Катарины в жизни, и не могу судить.

Клаудия усмехнулась. С тех пор как с моим мужем «произошла вся эта штука» — так она выражалась, со мной никто не конфликтовал. Никто никогда не говорил, что я не права. Люди вокруг меня все как один только согласно кивали. Словно обрушившееся на меня горе и сам факт того, что я его вынесла, уже превратили меня в некую моральную инстанцию. Даже те, кто любил поспорить, вроде Клаудии, ко мне прислушивались.

— Ты просто слишком добра, — заключила Клаудия. — Ума не приложу, как это тебе удается.

Я убрала со стола, а когда вернулась с десертом, меня затянули в игру — «Правда или ложь», очень популярную среди учеников нашей школы. И, судя по всему, среди учителей тоже.

— Мой ход, — сказала Клаудия. — Сейчас посмотрим. Во-первых, я уже прыгала с парашютом. Во-вто-

Мелани Раабе

рых, в юности я после концерта переспала с рок-звездой. В-третьих, на левой ноге у меня шесть пальцев. Одно утверждение ложно.

— Рок-звезда! — предположила я.

— Нет, — сказал Вернер с наигранно расстроенным лицом. — Про рок-музыканта это правда.

Все засмеялись, и пока Клаудия снимала лодочки, чтобы предъявить нам свой шестой палец, я подумала про себя, что получаю от сегодняшнего вечера большое удовольствие.

— Это было довольно эффектно, — сказал Марко, когда мы все немного успокоились. — Ну, хорошо. Теперь я на очереди.

Он поразмыслил немного, взглянул на меня и, приведя рукой по светлым волосам, наконец, произнес:

— Во-первых, я бегло говорю по-японски. Во-вторых, еще подростком я спас из горящего автомобиля человека. И в-третьих, я влюблен! Одно из трех ложно.

Я почувствовала, как он скользнул взглядом по моей щеке, но предпочла не смотреть в его сторону.

Вернер и Клаудия возликовали, я открыла новую бутылку.

— Хм, — задумался Вернер, — скажи что-нибудь по-японски!

— Что сказать? — спросил Марко.

— Да что-нибудь.

Марко развел руками, признавая себя побежденным.

— Подрубил на корню, — сказал он.

— Но это же ясно: ты обречен всю жизнь ходить холостяком, или я не права, Ромео? — вставила свое замечание Клаудия. — В противном случае ты разобьешь сердце всем выпускницам!

Истина

Я подлила гостям вина, посмотрела искоса на Марко, который сидел слева и, улыбаясь, меня разглядывал.

— Зара, ты следующая! — сказала Клаудия, я уже приготовилась было ловко выкрутиться, как вдруг услышала сзади тихий голос:

— Мама?

Я обернулась и увидела Лео, босиком, в пижаме.

— Дорогой, что случилось? — спросила я машинально и отставила бокал с вином в сторону.

Сын, широко открыв глаза, разглядывал компанию взрослых за столом. Клаудия и Вернер тоже смотрели на него и улыбались, Марко встал, подошел к Лео. Наклонился и протянул руку, назвав его «хозяином дома», что показалось мне совершенно нелепым, впрочем, только до тех пор, пока лицо моего сына не озарилось улыбкой.

— Ступай наверх, я сейчас поднимусь и уложу тебя, — сказала я. Лео еле волочил ноги, и несколько секунд я провожала его взглядом.

Потом извинилась перед гостями, пообещав скоро спуститься.

— Послушай, честно говоря, мы все равно уже собирались идти, — опередила события Клаудия. — Вернеру завтра с утра на службу.

— Как вам угодно.

Я посмотрела на часы и только тогда поняла, что уже очень поздно. Время и впрямь пролетело незаметно. Похоже, я чудесно развлеклась, похоже, вечер действительно удался.

— Великолепный вечер, — подытожил Вернер, и Клаудия добавила:

— Да, просто замечательный. В следующий раз соберемся у нас. Я приготовлю мое коронное — говядину по-бургундски.

Мелани Раабе

Оба встали, поцеловали меня в щеку. Мирко тоже поднялся. Я прошла к дверям, попрощалась с коллегой и ее мужем, поблагодарила за визит, мол, как прекрасно, что они пришли, и отметила про себя, что слова мои искренни, и потом еще некоторое время смотрела, как гости удалялись, постепенно поглощаемые темнотой.

— Сильная женщина! — услышала я и поняла, что эти слова Вернера, обращенные к жене, относились на мой счет. От таких выражений у меня, по правде сказать, все внутри переворачивалось. Сильная женщина. Как будто другие женщины не сильные.

Я повернулась к Мирко. Поблагодарила за вечер и за цветы. Мирко посмотрел мне в глаза, неловко похлопал по плечу, словно хотел сказать: «Ты справилась».

Из всех троих только Мирко знал, что сегодня я в первый раз за семь лет принимала в своем доме гостей. Такие вещи Мирко можно доверять.

На несколько секунд воцарилось молчание.

— Просто время пришло, — сказал он, и я кивнула.

Он повернулся и ушел, мне оставалось только смотреть, как растворяется в потемках его фигура.

6

Лео меня ждал. Сидел в кровати, укрывшись одеялом, хотя в доме тепло, подбородком уперся в колени. Лео любит всякие истории. Сделка, которую мы заключаем заново каждый вечер. Будем спать ночью? Да, но только в обмен на историю. Что он, что я. Я делаю вид, будто читаю вслух ради Лео. А на самом деле для меня этот вечерний ритуал — прекраснейшее со-

Истина

бытие за весь день. Сказки мне нужны не меньше, чем сыну. Весь прошлый год мы осваивали братьев Гримм, теперь вот дошли до Ганса Христиана Андерсена. Не нравятся мне его истории, мрачные и странные, совсем не такие, как у братьев Гримм, где Добро и Зло столь ясно различаются, где у них не существует оттенков. Ясность братьев Гримм для меня утешительна, я лучше снова послушала бы печальную историю про Гусятницу, а то и просто про Золушку да про Спящую красавицу, но Лео в настоящее время страшно увлечен «Снежной королевой» Андерсена. Сначала я думала, что его завораживает сам образ таинственной Снежной королевы. Но потом поняла: он очарован волшебным зеркалом, о котором речь в самом начале.

Я примостилась на краешке кровати, Лео ничего не сказал, только посмотрел на меня. Спокойно, невозмутимо, и до того похоже на отца, что иногда это невозможно вынести. Погладила его по головке, убрала прилипшую ко лбу прядку.

— Тебе не жарко, детка? Хочешь, принесу одеяло полегче?

Лео отрицательно помотал головой. Похоже, он представляет себя во дворце Снежной королевы, выстроенным из снега и льда, и уж там ему точно требуется одеяло, хоть лето в разгаре, хоть нет.

— Ну, про что сегодня хочешь послушать? — спросила я для проформы.

— Про Снежную королеву, — ответил Лео.

— Ладно.

Открыла книгу и начала читать. Произносила вслух больше, чем там написано, до того уж хорошо выучила я этот текст. Рассказывала, как злобный тролль однажды изготовил зеркало, в котором все красивое

Мелани Раабе

искривлялось до неузнаваемости, а в то же время все дурное, отражаясь в нем, становилось еще хуже. Лео сделал большие глаза, а стоило мне упомянуть «злобного тролля», раскрыл глаза еще шире.

— И вот однажды, — продолжала я рассказ, — разбилось зеркало вдребезги и понадело множество бед. Потому что осколки его разлетелись по белу свету, и кому попадет такой осколок в глаз, тот видит все навыворот и замечает в любой вещи только дурное. А некоторым людям осколки заколдованных зеркал попадали прямо в сердце, и тогда сердце у них замерзло, превращаясь в кусок льда.

Дойдя до этого места, я всякий раз умиляюсь, потому что Лео невольно хватается за сердце и начинает часто-часто моргать, как будто хочет удостовериться, что сердце у него не ледяное и с глазами все в порядке.

— Мама, а как... — перебил он меня, а я, оторвавшись от книги, на него взглянула. — А как узнать, что сердце стало куском льда?

Поначалу я не нашлась с ответом.

А так, — подумалось мне, — что чувства твои уже не те, что прежде. Что радость выражается уже не восторгом, а слабой улыбкой. Что гнев у тебя уже не кипучий, а тепленький. Что все краски поблекли, и не понять тебе людей, когда они рассказывают про свое счастье.

Я прижала ладонь к груди маленького сына. Почувствовала, как колотится его сердечко — так быстро, так живо. И слезы начали вскипать во мне, отчего — и сама не знаю, но я сумела взять себя в руки, пока они не покатились из глаз, пока Лео, чье лицико так близко к моему лицу, чьи глазки глядят на меня так искренне и так прямо, не успел их заметить.

Истина

— Куски льда не могут биться в груди, — произнесла я, подтверждая эти слова улыбкой.

Лео кивнул, объяснение показалось ему убедительным. И вдруг к моей груди он приложил ладонь. Уж не знаю, что такое со мной случилось, но на миг меня охватил иррациональный страх, что он не почувствует сердцебиения, что и меня настиг осколок дьявольского зеркала, а я и не заметила, что в груди у меня не сердце, а ледяной обломок размером с кулак. Лео водил и водил рукой по моей груди и, наконец, лицо его прояснилось. Ничего не сказав, он просто убрал руку и откинулся на подушку. А я боролась с комком в горле.

— Мама, читай дальше, — попросил он.

Конечно, пришлось доставить ему это удовольствие, и мы помчались вместе со Снежной королевой сквозь холодную и опасную зимнюю ночь. И сердца наши стучали вместе.

Тишина вернулась в мой огромный пустой дом. Лео наконец-то заснул, а я легонько поцеловала его в лобик, выключила свет и вышла из комнаты, бесшумно закрыв за собою дверь.

Лежу в кровати и вдруг слышу...

...странный, неопределенный звук.

Похожий на глухой удар.

В доме кто-то есть!

Тотчас я вскочила. Сразу нашла брюки, я ведь только что их сняла, пошарила в поисках мобильника, потом только сообразила, что он остался на обеденном

Мелани Раабе

столе. А городской телефон стоит на базе в другом конце дома. Вот проклятие.

Осторожно я открыла дверь спальни. Остановилась, прислушалась. Стою как вкопанная, все чувства на пределе. И ничего не слышу, кроме собственного дыхания и привычного скрипа в старом доме. Ничего и не было! Я просто переутомилась. Закрыла глаза, глубоко вдохнула и выдохнула... и опять услышала те же глухие удары. У меня перехватило дыхание. Это ветер, сказала я себе. Просто ветер. Или кошка. Кошка забралась в дом и что-то там задела, опрокинула.

«Ничего страшного!» — так я решила. И сама себе не поверила.

Знала, что так поступать не следовало, но все равно пошла на звук. Сама не понимала, зачем, но все равно двинулась вперед по тускло освещенному коридору. Остановилась в неуверенности, вдруг я выбрала неверное направление? На сей раз долго ждать не пришлось: я опять услышала этот звук. Голову сдавила боль. Как же мне страшно! Звук идет из гостиной. Что там, прямо за дверью? Я затаила дыхание, замерла возле этой двери, но там тишина, я ничего не слышу, даже собственного дыхания, и не знаю, что теперь делать, ведь повернуться и уйти я не могу, и не знаю, откуда я это знаю, но знаю я одно: надо открыть дверь. И не знаю, откуда я это знаю, но еще я знаю, что выбора у меня нет.

Снова раздался глухой удар, непонятный и страшный. Рука, кажется, сама потянулась к дверной ручке, а ведь я ей не отдавала такого приказа! Дверная ручка пошла вниз будто против моей воли, а звуки за дверью стихли. Что бы ни было там, за дверью, оно меня ждет. Нажимаю на ручку, тяну дверь на себя. Знаю, нельзя

Истина

мне видеть то, что за дверью, оно меня уничтожит, но рука меня не послушалась и распахнула дверь настежь. Смотрю во все глаза, дверь на меня летит, и стук налетает на меня громом, и я уже в ожидании грядущей минуты, я слышу свой крик — и просыпаюсь, наконец-то.

Сначала я, по-прежнему затаив дыхание, вглядывалась в темноту. И повторяла себе: только не думай про этот сон! Ложись и спи себе дальше!

Но не получалось, у меня никогда не получается, ночью мрачные мысли одолевают меня с особой силой. Лежу в постели, а они так и подкрадываются. Вспоминала про солнечные затмения — то, первое, много лет назад, и нынешнее; вспоминала, как сынок маленькой потной ладошкой водил по моей груди, хотел удостовериться, что сердце мое не заледенело; вспоминала все двери и все скрытые за ними опасности, от которых не смогу защитить ни себя, ни его. И еще думала о том, как же опасен, до чего же опасен мир — и одной мне в этом мире не выстоять.

Давно уж мне не снился сон про полтергейст за закрытой дверью. Я пыталась сообразить, что именно вызвало опять этот кошмар к жизни, да еще так неожиданно. Мне ведь казалось, я знаю, что скрывается за дверью. И я заерзала на кровати, опять зарылась в одеяло, словно резкие движения могут спугнутьочные мысли, как будто стаю ворон.

Зажгла свет. Но сказала себе, что нужно спать, и снова нажала на выключатель. Закрыла глаза. И подумала:

Во-первых, я обманщица.

Во-вторых, я кого-то убила.

Мелани Раабе

минала, ни аэропорта, ни Гамбурга, ни всей страны, а были только они одни, и тепло, и влажность, и дыхание, и губы. Завершающий этап, невесомость.

Да, конечно, там всего лишь происходит биохимический процесс, по сути, эти двое, обмениваясь слюной, инстинктивно проверяют совместимость своих генов, и нет ничего больше в поцелуе, остальное — эзотерика, пустой звук. Так думал Филипп, когда, наконец, отвел от них взгляд. И тотчас отчетливо зазвучали вокруг него шумы аэропорта, словно кто-то прибавил им громкости. Разом донеслись до его слуха приглушенные разговоры, объявления по громкоговорителю, стук каблуков, звонки мобильных телефонов и смешки. Филипп встал со своего сиденья у выхода на посадку и сделал несколько шагов вперед.

Сегодня я живу на этом свете одиннадцать тысяч восемьсот семьдесят пятый день, подумал он. Одиннадцать тысяч восемьсот семьдесят пять раз я просыпался, открывал глаза с одной только мыслью: что принесет сегодняшний день? Проживал его от начала до конца и снова ложился спать. Одиннадцать тысяч восемьсот семьдесят пять раз я лежал в постели и видел сны.

С тех пор как один друг его юности вместо дня рождения отпраздновал одиннадцать тысяч сто одиннадцатый день пребывания на свете, Филипп тоже время от времени занимался такими подсчетами.

Глядя на самолеты при взлете и посадке, он размышлял о себе нынешнем. Подвести баланс — вот что для него всегда имело значение.

Детство мое можно считать счастливым. Подростковый период я преодолел безо всяких значительных

Истина

катастроф. До встречи с будущей моей женой влюблялся семь раз. Изучал экономику. Похоронил отца. Женился, у меня есть сын. Руковожу крупным предприятием, причем весьма успешно.

Полноценная жизнь.

Но ведь это не все, думал он. Я ведь делал еще и другое.

Филипп пригладил волосы и вдруг затосковал по сигарете, хотя бросил курить вот уж сколько лет назад.

Купил себе пачку и присоединился к прочим молчаливым существам в отгороженной зоне для курения.

Прощание с Зарой никак не выходило у него из головы.

Опять он ей ничего не сказал. Пил свой обычный кофе, наблюдая, как малыш с помощью Зары топает через кухню пухлыми своими ножками, вызывающими у дам преклонного возраста восторженные восклицания. Смотрел, как тот едва не споткнулся о край коврика кремового цвета, но удержал равновесие и потопал вперед. Мелькнула у него мысль, что жена и здоровый ребенок есть истинное чудо, но, как и всякое другое светлое чувство, мысль эта задержалась в его голове ненадолго.

Вот оно, наказание, подумалось ему. Знал ведь я, что буду каким-то способом наказан за то, что сотворил, и вот оно — наказание.

Зара обернулась, будто почувствовав его взгляд, и с усилием выдавила из себя улыбку.

«Задай вопрос! Спроси, все ли у меня в порядке! — обращался он к ней про себя в эти минуты. — Что угодно, только спроси. Задай любой дурацкий вопрос, который прежде доводил меня до белого каления».

Мелани Раабе

Но Зара молчала. Опять она молчит. Занимается ребенком, а на него даже не смотрит. В ее длинных распущеных волосах все еще виднелся след резинки, которой она собирает волосы на ночь. Ох, вот бы сейчас дотронуться до копны ее волос, да погладить... На столе стояли цветочки, кажется, лютики — единственное яркое пятно в одноцветно-кремовой кухне. Весь этот дом утопает в цвете беж, вот ужас, и как оно раньше не бросалось ему в глаза? Будто явился кто-то, да вытянул все краски из всех предметов. Долгое время они ничего не меняли в интерьере, устроенном его матерью по собственному вкусу, из уважения к ней. А Констанция, перебравшись в небольшую квартирку, более соответствующую ее возрасту, то и дело набивалась к ним на чай и сокрушалась по поводу малейших перемен «в ее доме». И тогда они попросту сдались, они свыклись с проживанием в ганзейской холодности, в благородстве кремовых оттенков, очень подходящем Констанции, но не ей самому, и уж тем более не его жене, крепко стоявшей на земле и предпочитавшей сочные краски. Мебельная обивка цвета беж, изобилие старинного дерева, на стенах — обрамленные гравюры на морские сюжеты.

Лишь цветы, которые Зара каждую неделю приносила с рынка, оживляли красками эти монотонные залы.

Он удивлялся, как это она находит время для подобных мелочей. Милые и бессмысленные занятия. Купить цветы, подрезать стебли, расставить по вазочкам. Впрочем, не исключено, что именно такая незначительная и, по видимости, бессмысленная деятельность помогала Заре держаться.

Истина

...Внешне все шло по-прежнему, но многие вещи утратили свою естественность после... после той истории. Ничего он теперь не мог. Не мог погладить жену по голове, не решался поцеловать ее на прощание, не умел поиграть со своим годовалым сыном, иногда даже не знал, как это — вдохнуть и выдохнуть. Он спрашивал себя, когда же это началось, когда же он утратил власть над событиями? Неужели после той единственной, но роковой ночи? Или все-таки раньше?

Прощаясь, Филипп боролся с собой.

Сказать ей или не говорить? Борьба шла нешуточная. Он до тех пор смотрел на стрелку кухонных часов, методично выполнявшую свою работу, пока не стало поздно заводить тот самый разговор. Поцеловал Зару в лоб и тронулся в путь.

У Зары давно вошло в привычку провожать его до дверей и смотреть ему вслед, когда он отправлялся в долгое путешествие. Сколько уж раз жена стояла в дверях и махала ему рукой, пока он не скроется из виду. Садясь в машину, он чувствовал ее взгляд. Потом, отъезжая, наблюдал в зеркале заднего вида, как все меньше и меньше становится ее фигурка. Сначала ему это нравилось, потом стало безразлично, далее — показалось нелепым, а, в конце концов, он перестал это замечать. Но в тот день обрадовался установленному ритуалу. Раз так, то она все еще любит его. А ведь теперь он знал, что бывает и по-другому.

Перед этой короткой, но трудной командировкой он с удовольствием представлял себе, что сейчас будет. Вроде бы незначительный, хотя и ласковый, жест означал: не важно, каких грубостей мы наговорили

Мелани Раабе

друг другу, не важно, сколько палок в колеса нам по-наставила Констанция, все не важно, что бы ни происходило, но мы — это мы. И он с благодарностью думал сейчас об этом и радовался, что еще способен на подобное чувство.

Ступил за порог, ощущая взгляд Зары, как и всегда, но решил на этот раз совершить нечто такое, чего никогда не совершал, считая это нелепостью. Он решил, как обычно, сесть в свой «Мерседес», как обычно завести двигатель, как обычно тронуться с места, а затем опустить водительское стекло и помахать Заре в ответ. И она увидит, и она поймет, что он все еще любит ее. И улыбнется. Беззаботно. Как раньше.

Филипп спустился от входной двери по ступенькам, обернулся к Заре, улыбнулся... И увидел, как та закрывает дверь, уходя в дом. Просто так. Ни взмаха рукой, ни Зары. Никакого ритуала. Никакого утешения. Только белоснежное дверное полотно, а рядом — число «11», номер дома.

Спускаясь по ступенькам дальше, к улице, Филипп вдруг почуял в воздухе дыхание осени — первый легкий морозец и запах увядших листьев. Говорят, так кошки чуют приближение смерти к безнадежному больному. Пока он ехал на машине в аэропорт, с неба полило. Дождь связал небо с землей серыми нитями, плотными, как прутья решетки.

Филипп загасил сигарету, от которой ему стало не по себе, и снова нашел себе место в зоне ожидания, на сей раз подальше от влюбленной парочки. У выхода на посадку ряды сидений из черного пластика занимали, в основном, деловые люди, подобные ему

Истина

господа в сером, держа в руках ноутбуки или мобильники. Между ними как пестрые экзотические птицы там и сям виднелись туристы, это уж непременно.

Чуть раньше он, пока рылся в поисках билета, обнаружил, что Зара сунула ему в сумку яблоко. Вот и не поймешь, то ли злиться, то ли радоваться. Хотел бы он прихватить яблоко в дорогу, так сам бы его и уложил в сумку. Какая странная смесь преувеличенной заботы и холодности. Зачем это?

Он наблюдал за пассажирами, которые перемещались по аэропорту, каждый навстречу неведомой своей судьбе, и в который раз за последнее время его пронзила мысль о том, что свободная воля — лишь иллюзия, что он сам идет по жизни вовсе не свободно, а будто по рельсам, ведущим то в одну сторону, то в другую без всякого его вмешательства. И нет у него возможности выбрать то или это направление, правду или ложь, благородство или подлость, любовь или ненависть. На одно он способен: крепко держаться, когда поезд заходит на крутой поворот, да еще высовывать голову из окна, наслаждаясь попутным ветром, если позволяет участок дороги. Все и вся неудержимо движется навстречу давно предопределенному концу. Он сам, Зара, Лео, все и каждый.

Прежде его никогда не посещали подобные мысли, все началось с той единственной и проклятой ночи. Впрочем, может, и это ему только мерещится. Может, все началось намного раньше. Он снова, не в первый раз за последние месяцы, внутренне проработал сложившуюся ситуацию шаг за шагом и вновь почувствовал себя побежденным мощью происходящего. Как будто его сбил на ходу многотонный товарняк. Поезд,

Мелани Раабе

который ничем не остановишь. Но в ретроспекции он не сумел обнаружить ни единой секунды, когда мог бы действовать по-иному, не так, как получилось. В какой же момент тронулся поезд? В тот роковой вечер, когда они двинулись в путь? Или еще раньше? На этот вопрос он не находил ответа.

И все-таки Зару следовало бы ввести в курс дела. Пусть она этого и не заслужила.

Филипп достал мобильный телефон, набрал номер Зары. Но, не дождавшись соединения, отключил и снова спрятал аппарат. Такое по телефону не обсуждают.

Он скажет ей, разумеется. Скажет сразу по возвращении.

Одннадцать тысяч восемьсот семьдесят пятый день, опять вспомнилось ему. День, который он почти полностью проведет на борту самолета.

Со своего места Филипп снова видел самолеты на старте и при посадке. Откинувшись на сиденье, он наблюдал, как тяжелые машины разгонялись на полосе и взлетали, преодолевая силу тяготения. Дождь прекратился, небо пестрело грязными серыми и ярко-синими пятнами.

А ведь я могу остаться! Неожиданная эта мысль стукнула ему в голову.

Вот уже несколько недель он мечтал лишь об одном: прочь, скорее прочь отсюда. И вдруг мысль о том, что вот-вот он поднимется на борт самолета, а тот с каждой секундой будет уносить его все дальше от самого дорогоего, представилась ему невыносимой. Южная Америка. Какого черта он позабыл в этой Южной Америке?

Истина

«Я ведь могу остаться, не садиться в самолет, не бежать отсюда! — думал Филипп. — Раз в жизни поступлю правильно».

Поглядел на те места напротив, где обосновалась влюбленная парочка, будто там и кроется ответ. Но парочки и след простыл.

«Могу полететь следующим рейсом, — продолжал он размышлять. — А могу вообще никуда не лететь».

Одннадцать тысяч восемьсот семьдесят пять, подумал он.

Я обладаю многим. Я многое могу потерять.

Чего же я хочу?

Что принесет сегодняшний день?

Львы устали. Лениво валяются они под летним солнышком, брюхо вздымается в ритм с дыханием. Мой сын, поглядев на них несколько минут, потянул меня дальше, к сурикатам, они уж куда веселее скучных львов. Сурикаты хоть чем-нибудь, да занимаются.

Ненавижу зоопарки. Ненавижу смотреть на запертых в клетках зверей, но Лео так давно просил меня, даже умолял, что, в конце концов, я сдалась. В школе каникулы, большинство его друзей разъехались с родителями кто куда, а посещение зоопарка — тот минимум, на какой способна я. Да я и сама люблю куда-нибудь ходить. Не выношу скуки, а в летние каникулы изо всех сил стараюсь найти себе занятие. Вслух никогда этого не произношу, чтобы не показаться странной, но каникулам я никогда не радуюсь. Я предпочитаю ритм, заданный моей работой дням, неделям и месяцам. Мне нужен порядок и уверенность в том, что я, проснувшись, бегаю по утрам, принимаю душ, готовлю завтрак, отвожу Лео в школу, иду на работу. С понедельника по пятницу я преподаю немецкий и английский, а в пятницу еще рисование. Потом прихожу домой, делаю уроки вместе с Лео,

Истина

навожу в доме порядок, мою, стираю, готовлю. А потом — в зависимости от дня недели — помогаю в лагере для беженцев, встречаюсь с Мириам или занимаюсь спортом.

Лео, нетерпеливо дернув мою руку, вернул меня к действительности. Я посмотрела в ту сторону, куда он показывал, и тоже посмеялась забавной возне суприкатов.

Несколько минут мы молча наблюдали за ними, стоя в плотной толпе посетителей, заполонивших зоопарк в летние каникулы, но тут Лео обратился ко мне с вопросом:

— Мама, а мороженое ты мне купишь?
— Конечно, деточка.

Осмотревшись, я догадалась, что надо обойти вольер со слонами, именно оттуда идут детишки, перепачканные розовым и шоколадным мороженым, там находится заветная будка. А перед нею очередь, состоящая из взволнованных детей и нервных родителей. Но вот какое чудо, всего в нескольких метрах от этой будки я увидела свободную скамейку! Дала Лео деньги, сама уселась на эту скамейку, а он — охваченный беспокойством, но гордый — пристроился в конец очереди. Закрыв глаза, я наслаждалась солнышком. Ужас прошедшей ночи улетучился, стоило первым солнечным лучам оповестить о наступлении дня.

Открыв глаза, я увидела прямо перед собой слонов. Они теснились в каком-то пыльном павильоне, некоторые собрались группками, подобно курильщикам, у которых подходит к концу время перекура и пора им уже возвращаться к тоскливой работе. Слева от меня, прямо у стенки, стоял один-единственный слон,

Мелани Раабе

я видела его со стороны. Крутил туда-сюда головой, то влево качнет, то вправо, дергался, как заброшенный, одичавший, определенный в приют ребенок, который никак не готов согласиться с нынешним своим состоянием. Я нахожусь в африканской саванне, я не здесь, я не в этом крошечном пыльном загоне, нет, я не здесь, нет, нет, нет, нет, нет — и нет. Оторвав взгляд от этого зрелища, сбивающего с толку, я поискала глазами Лео. Тот продвинулся в очереди далеко вперед, но до цели ему пока оставалось немало. Улыбнулся мне, продемонстрировав все дырки в ряду зубов, и даже будь у меня кусок льда вместо сердца, как в любимой его сказке, он растаял бы тотчас.

Я вновь принялась наблюдать за животными. Хуже нет, чем жизнь взаперти, вот что я думала. И вообразила, как вернусь сюда ночью. Как открою дверцу загона, как все звери выйдут из клеток и рванут на волю, как они заполонят весь город. Как наутро павианы попрыгают на автомобили, застрявшие в пробках, и начнется хаос. Как леопарды бесшумно вскарабкаются на деревья в городских парках и, прищурив глаза, нацелятся на джоггеров и гуляльщиков, пока ни о чем не подозревающих. Как слоны целыми семействами затопают по широким торговым улицам, отражаясь в сверкающих, до блеска отмытых витринах. Как жирафы огромными своими глазами под длинноющими ресницами станут заглядывать в окна небоскребов, а офисная публика от ужаса станет проливать кофе на белые свои рубашки.

— Мама, у тебя телефон звонит, — окликнул меня Лео.

Я чуть вздрогнула от неожиданности, не заметив, что он, с целой башней мягкого мороженого в руках,

Истина

уже уселся рядом. Быстро, не теряя времени на паузы, он лизал это мороженое наперегонки с солнцем, нещадно пытавшимся растопить башню.

Нашупала в сумке мобильник, вытащила. Конечно, это Мириам или кто-то из моих вчерашних гостей — наверное, Клаудия, она забыла у меня шелковый шарфик, или Мирко — он ведь такой вежливый, наверное, хочет снова поблагодарить за приятный вечер. Но нет. Номер мне незнаком.

Как тут не встревожиться! Я было решила дождаться, пока в телефоне включится автоответчик. Но затем подумала: Лео рядом со мной, у Лео все в порядке, очень даже в порядке, вон, гигантское его мороженое течет по рукам. А раз уж Лео сидит рядом и сражается с мороженым, то ничего катастрофического произойти не может. И я нажала кнопку приема:

— Да, алло?

В трубке послышался звучный официальный голос:

— Здравствуйте, я говорю с Зарой Петерсен, верно? Это Вильгельм Ханзен.

Я наморщила лоб и ответила сдавленным голосом:

— Да, я слушаю.

— Госпожа Петерсен, я сотрудник Министерства иностранных дел. Рад, что вы взяли трубку. Мы пытались дозвониться вам на домашний телефон, но потом мне, к счастью, удалось узнать ваш мобильный номер. У нас имеется для вас важное сообщение, ни в коем случае мы не хотели бы, чтобы вы узнали новости из прессы.

От неожиданности у меня пересохло во рту. Я спросила:

— Вы не хотите, чтобы я узнала из прессы... что именно узнала?

Мелани Раабе

Понятно, что он сейчас скажет. Из Министерства иностранных дел мне могут звонить только по одной причине. Этого звонка я ждала семь лет. Все понятно, но поверить все же невозможно. Мне снится сон. Точно, это сон, и сейчас я окажусь в коридоре, дрожа и умирая от страха возле закрытой двери, за которой что-то глухо постукивает.

— Госпожа Петерсен, вы там сидите?

— Да. Сижу.

Я взяла себя в руки. Целых семь лет я готовилась к этому звонку. И я готова. Вильгельм Ханзен из Министерства иностранных дел не может сообщить мне ничего такого, к чему я не была бы готова. Ему не удастся нарисовать мне картину страшнее той, что я сама себе нарисовала бессонными ночами. Сейчас он мне это скажет, и я смогу все начать с начала. Грядут перемены. Вот оно, верное слово.

Откашлявшись, я попросила:

— Ну же, говорите!

Последовала короткая пауза, затем Ханзен начал свою речь. Молча я его слушала. Когда мы закончили разговор, я нажала на блокировку телефона, сунула его обратно в сумку, закрыла ее на «молнию» и положила рядом с собой на скамейку, а сама наклонилась, охваченная приступом неудержимой рвоты.

Я бродила словно в тумане. Мир преобразился, он больше не такой, как прежде. Кто-то наложил на него фильтр, и все изменилось. Небесная синева теперь гораздо насыщеннее, это кобальтовая синева. Листья

Истина

на деревьях светятся неоново-зеленым, солнечный свет так ярок, что режет глаза даже через темные очки.

Мне вспомнилось, что когда мой мир тускнел, а такое случалось, Филипп умел расписать его пестрыми красками, зарядить наводящие уныние дождливые дни и душевную хмурь искрометной жаждой жизни, юмором и энтузиазмом. Он, как ребенок, склонившийся над альбомом, раскрашивал мою жизнь восковыми карандашами.

Я сидела в саду под любимой яблоней. Меня бил озноб, несмотря на жару. Вокруг ни души, и это радовало. Я чувствовала потребность побыть одна. Немного побыть одной и дать мозгу шанс все осознать. Я сидела под яблоней, как Будда под деревом бодхисаттвы в ожидании просветления. В голове словно мантра крутилось только одно:

Филипп жив.

Он жив.

Вдоль забора, крадучись, бежала пестрая кошка, но вдруг в растерянности застыла, посмотрела на меня, решила все-таки не обращать внимания и скрылась в направлении соседского участка.

Интересно, где ее брат. Они всегда носились вместе, два легкомысленных малыша одного помета, — я так и не знала, кому из соседей они принадлежат. Филипп любил их.

Я просто сидела и пыталась во всем разобраться. Вдруг что-то стеснило мою грудь, стало разрастаться, сделалось несоразмерно большим для моего тела, для грудной клетки, почти нестерпимым, я подумала, что меня вот-вот разорвет, и уже не могла усидеть на месте, поднялась и пошла обратно в дом, к телефону.

Мелани Раабе

Держать все это в себе нестерпимо, надо обязательно с кем-нибудь поделиться, рассказать, а если нет, то разорваться как бомба.

Но стоило взять телефонную трубку, возник новый вопрос — что дальше?

Кому позвонить?

Первый порыв — набрать номер Мириам. Мириам единственная преданная подруга, я всегда к ней обращалась, когда испытывала потребность выговориться. Но Мириам не знала Филиппа, она никогда его не видела, наша дружба завязалась уже после его исчезновения. Я чувствовала: это не то, что нужно, — сразу впутывать подругу в эту историю будет неправильно.

Родные, подумала я. Прежде всего следует известить родных. Но кроме Лео и меня никого нет. Отец Филиппа, от которого он получил по наследству гигантский концерн, умер уже много лет назад, мать страдала Альцгеймером и вот уже много лет жила в роскошном доме престарелых, братьев или сестер у мужа не было. По этой части мы друг на друга походили. Я тоже вековала свой век одна, без семьи, пока не встретила Филиппа и не появился на свет Лео.

Палец мой все еще блуждал над кнопками телефона. Я не могла решиться. И вдруг почувствовала сильную потребность позвонить Иоганну. Иоганн Кербер, старый друг семьи Петерсен, человек, на которого Филипп смотрел с восхищением и к которому всегда обращался за советом. А потом, когда Филипп пропал, мне самой приходилось доверяться здравомыслию и осмотрительности Иоганна и искать его отеческого совета. Все финансовые и хозяйственные вопросы, не терпевшие отлагательств, улаживал он. Ведь Филипп, основной совладелец концерна с миллиардным обо-

Истина

ротом, неожиданно канул в воду. И улаживать приходилось немало. Известие о возвращении Филиппа обрадовало бы Иоганна больше всего на свете. Я уже набрала его номер, но вдруг почувствовала укол совести и передумала. Ведь это ясно как день: кому как не матери полагается первой узнать такую новость. Узнать о том, что сын ее жив. Что он возвращается. Альцгеймер там или нет — не все ли равно. Будет серьезной ошибкой не поставить ее в известность первой. Я принялась листать маленькую записную книжечку, где содержались все важные номера, — я набирала их постоянно, но запомнить никак не могла, — нашла телефон дома престарелых, где жила Констанция, и позвонила.

Трубку сняли сразу после первого гудка, на другом конце раздался энергичный женский голос.

— Добрый день, это Зара Петерсен, — представилась я. — Мне хотелось бы поговорить со свекровью.

— Ах, госпожа Петерсен, — ответил голос, — мне очень жаль. Но вашей свекрови сегодня совсем не здоровится, она навряд ли способна вести беседы по телефону. Но, если угодно, вы можете зайти. Повидаться со свекровью можно в любое время, никто не будет возражать.

Мне стало стыдно. Я уже давно не навещала Констанцию. Слишком увлечена была собой и своими проблемами.

— Большое спасибо, — поблагодарила я. — Я зайду, как только появится возможность.

Я положила трубку и сразу набрала номер Иоганна. Услышала гудок, — первый, второй, четвертый, седьмой, после чего оставила свою затею. Набрала номер мобильного, который знала наизусть, и пока устанав-

Мелани Раабе

ливалось соединение, переминалась с ноги на ногу, не находя себе места. Но мобильный оказался выключен. Я тихо чертыхнулась. Снова взяла книжечку и нашла номер офиса, — Иоганн дал мне его на всякий пожарный, и вот этот случай наступил.

Только я набрала последнюю цифру, в трубке опять послышался женский голос, такой же приятный и деловой.

— Здравствуйте, меня зовут Зара Петерсен, — сказала я. — Я могу поговорить с господином Кербером?

— Господин Кербер в командировке, за границей, — ответила женщина на другом конце.

— Ах да, конечно, — выпалила я, вспомнив, что он собирался на несколько дней по делам в Пекин.

— А когда он вернется? — спросила я.

— Господин Кербер возвращается через три дня. Хотите оставить для него сообщение?

— Нет, спасибо, — ответила я. — Вы не знаете, могу ли я как-нибудь с ним связаться?

— Я не имею права давать номер его личного мобильного. Зайдите лучше еще раз, когда...

— Не стоит, — перебила я, — у меня есть его мобильный. Попробую позвонить ему еще раз, попозже. Благодарю вас.

Я положила трубку, не дождавшись ответа. Снова набрала номер мобильного, в нелепой надежде, что Иоганн, пока я говорила с его секретаршей, уже успел все-таки включиться.

— Ну давай же, давай, — умоляла я, пока устанавливалось соединение.

Но совершенно равнодушный голос сообщил, что абонент находится вне зоны действия сети. И тогда

Истина

меня затрясло по-настоящему. Желание говорить с Иоганном сделалось нестерпимым. Я снова выругалась, потом немного подумала, кому бы еще позвонить, но так и не пришла ни к какому решению. Оставалось одно — набрать Мириам. С нетерпением ожидала я гудка, мысленно приготовившись, что раздастся «занято», или никто не снимет трубку, но в конце концов услышала знакомый голос.

— Мартин Бекер.

— Мартин, привет! Это Зара.

— Супер-Зара! — провозгласил Мартин.

Он смаковал каждое слово, словно я и впрямь была супергероем. В порядке исключения я не обратила на его юмор никакого внимания.

— Можно поговорить с Мириам?

— Не знаю, получится ли, — ответил Мартин. Я совершенно отчетливо представила себе, как расплывается в кривой улыбке его лицо.

Обычно я очень терпеливо сносила все его выходки, но не сегодня. Меня буквально разрывало от желания с кем-то поговорить, причем немедленно.

— Она дома или нет? — спросила я, стараясь сохранять самообладание.

Мартин понял: мне не до шуток.

— Нет, Мириам ушла в магазин. А я сижу с детьми. У тебя все в порядке?

— Все замечательно. Просто думала ей кое о чем рассказать, но это терпит.

— Как хочешь, — сказал Мартин.

Я попрощалась и положила трубку. Стало трудно дышать. Я решила снова попытать счастья с мобильником Иоганна и на этот раз услышала прерывистые гудки. Вышла из дома в сад.

Мелани Раабе

День раскалился еще больше, по небу лениво плыли редкие облака — предвестники хорошей погоды, я узнавала в них животных, которых видела сегодня в зоопарке: слоненка, тигра, белого медведя. Солнце ударило в голову, едва я вышла за порог, у соседей никакого движения, все окопались по домам, пережидая нестерпимую жару. Никаких визгливых подростков, гудящих в соседском бассейне, никакого тарахтения газонокосилки, никаких детей на качелях, подвешенных к ветвям вишни. Все, что я слышала, — тихое жужжание пчел, которые, перелетая с цветка на цветок, делали свое дело, их не могли вывести из равновесия ни жара, ни летние каникулы.

Меня настолько переполняли эмоции, что снова стало казаться, будто я вот-вот разорвусь. Желудок бунтовал, как давеча в зоопарке. Я уперлась ладонями в бока, наклонилась вперед, закрыла глаза, отсчитывая вдохи, почувствовала, как режущие позывы к тошноте отступили и осталось только легкое головокружение. Но тут в моей груди начало твориться что-то неладное: закипать, подниматься вихрем все выше и выше и, наконец, прорвалось. Мне стало смешно. Сначала я только тихонько хихикала, но потом смеялась уже во весь голос, как долго — да бог его знает.

Вдруг справа от меня, из-за забора, который отделял наш участок от старенькой соседки госпожи Тайс, раздался голос, и он заставил меня вздрогнуть. Госпоже Тайс за восемьдесят, это крепкая, прямая и довольно-таки чудаковатая старушка. Она не любит детей, за исключением Лео, и говорит, что с тех пор как стала вдовой, чувствует себя гораздо счастливее. Нет-нет, к мужу у нее нет никаких претензий, но просто некоторые люди созданы для одинокой жизни, и вот к та-

Истина

ким она, мол, и относится. В ее доме всегда стоял на-готове кошачий корм, для какого-нибудь голодного бродяжки, хотя вообще-то кошечки у нее не водилось. Она не жаловала пироги, но регулярно их стряпала, просто потому, что любила запах свежей выпечки. Госпожа Тайс мне очень нравилась.

— Я так рада слышать ваш смех, что прервать его было бы грех, — сказала соседка.

— Здравствуйте, госпожа Тайс, — откликнулась я. — Как ваши дела, все хорошо?

— Да, потихоньку-полегоньку, все в норме, — ответила она, показывая мне маленькую корзиночку с малиной, которую, судя по всему, только что собрала. — Садовые работы держат меня в форме!

Она протянула мне через забор корзинку, я взяла одну ягодку и положила в рот.

— С ума сойти, — удивилась я. — Уже такие сладкие! Спасибо.

— Простите, как прикажете это понимать? — зартачилась госпожа Тайс. — Уж не смешите. Не одну, а больше берите.

Она прервалась на полуслове, казалось, что-то взвешивая, но потом возвестила:

— Вот, возьмите корзинку, вам с Лео на двоих. Я же знаю, как любите вы малинку!

— Это очень мило! Огромное вам спасибо, — искренне поблагодарила я. — Лео будет в восторге.

Госпожа Тайс махнула рукой и снова вернулась к работе в саду. Некоторое время я молча наблюдала за ней. Мы не родственники, но для Лео она как бабушка. Да и для меня тоже. С другими соседями она не особо зналась. Примерно год назад она решила для тренировки мозга изъясняться исключительно риф-

Мелани Раабе

мованными фразами, и с тех пор ее слава тихой сумасшедшей в округе только укрепилась.

— Мой муж возвращается, — вдруг выпалила я. — Филипп жив. Его нашли!

Держать все это в себе сделалось невыносимо, и больше всего на свете мне хотелось выговориться, — так почему бы и не перед безумной госпожой Тайс? Старушка нахмурила брови, казалось, она решала для себя: верить или не верить. И очевидно, решила поверить.

— Батюшки-светы, радость-то какая! — продекламировала она наконец. И в ту же секунду, поняв, что по прошествии почти целого зарифмованного года не имеет права так запросто скатиться до прозы, добавила:

— Да как же ты узнала, дорогая?

— Меня известили, — ответила я. — Филипп жив. Он возвращается домой.

Сейчас я поняла, что в первый раз произнесла это вслух и что в эту секунду во мне что-то повернулось. Я начала всхлипывать, но потом вдруг разрыдалась и уже больше не могла остановиться. Госпожа Тайс молча смотрела на меня, — наверное, не знала, что сказать, или же не находила рифмы.

Через некоторое время я справилась с собой и извинилась:

— Простите. Я пойду. В доме много дел. Еще раз спасибо за вкусную малину.

По дому разливалась прохлада, меня все еще зноило. Я пошла на кухню, высыпала половину ягод в маленькую миску и поставила в холодильник, для Лео. Потом села на пол и одну за другой отправила в рот оставшиеся ягоды.

Истина

10

Лео смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Слова мои еще отдавалось эхом в комнате. Я много думала, как лучше сыну обо всем поведать. Где. И какие слова подобрать. «Твой отец», а может, «папа», «приедет» или «жив»?

Я изо всех сил старалась припомнить, какие чувства обуревают тебя в восемь лет. Как ты забираешься на самые высокие каштаны, не испытывая при этом ни малейшего страха, — тебе еще не приходилось сталкиваться со смертью, и ты не знаешь, что такое травма спинного мозга и паралич. Как вдохновенно и ни о чем не думая расшатываешь уже слабые молочные зубы, пока они не выпадут. Как копаешь крохотные могилки для птиц, которых нашел в траве, изготавливаешь миниатюрные надгробия и во время погребального обряда то строишь наигранно серьезную мину, то стыдливо хихикаешь, потому что на настоящих похоронах еще никогда не бывал. Ты все, везде и всегда делаешь бегом, потому что зачем ходить из пункта А в пункт Б, когда можно бегать.

— Папа приезжает, — повторил сын так, словно собирался распробовать эти слова хорошенько, а потом уже решить, как поступить дальше.

Отец был для него только мысленным образом, не более, одним из фантастических героев тех историй, которыми потчевала его по вечерам мама, сидевшая на краю кровати. Отец был героем из сказки, которого держали под замком среди черных значков, рассыпанных на белых книжных страницах.

Мелани Раабе

Сейчас Лео совершенно сбит с толку, и нельзя его за это упрекать. Будь у меня больше времени. Больше времени, чтобы спокойно, без спешки все ему объяснить, чтобы он постепенно мог свыкнуться с этой мыслью. Но времени нам не дали — ни ему, ни мне.

Филипп приезжает.

И не в каком-то там неопределенном будущем, Филипп приезжает завтра.

Лео, не говоря ни слова, обнял меня. И некоторое время мы так сидели. Бедняжка, наверно, трудно так сразу все переварить. Я только было собралась спросить сынишку, что он обо всем этом думает, что чувствует, но тут заметила, как медленно и спокойно он дышит. С изумлением я поняла: Лео уснул.

11

Я разделась и теперь разглядывала себя в зеркале, стараясь быть беспристрастной.

На меня смотрела женщина, невысокая, но и не коротышка. Стойная, с короткой стрижкой, придававшей всему ее облику что-то мальчишеское, но именно из-за стрижки женщина выглядела моложе своих лет. Кожа загорелая, грудь маленькая. На левом бедре крошечная, как будто размытая, татуировка. Маленькая бабочка. Взгляд не очень уверенный.

Я пыталась понять — что изменилось во мне за последние годы.

Эту ли женщину помнит Филипп?

Я постарела?

Сильно ли я постарела?

Ответа я не находила. Да и что проку думать об этом?

Истина

...Когда-то, незадолго до своего исчезновения, Филипп признался мне, что вообще-то не верит в любовь. Ее якобы попросту не может быть. И он понятия не имеет, как мы до такого додумались. Помнится, я тогда еще наморщила лоб и уничтожительно на него посмотрела.

— Когда нам кажется, что мы любим другого человека, действительно ли мы любим человека? — спросил Филипп. — Или мы любим просто чувство, которое он в нас вызывает?

Я закатила глаза и сказала:

— Разумеется, любовь существует.

— Но если любовь существует, — ответил Филипп и с удовлетворением ослабился, словно я, как и следовало ожидать, угодила в заранее расставленные сети, — можно ли тогда перестать любить? Если мы любим не просто чувство, какое конкретный человек в нас вызывает, но и впрямь любим человека... А раз так, разве можно когда-нибудь перестать его любить?

Я не знала ответа — тогда. Филипп засмеялся и пренебрежительным жестом отбросил свой мысленный эксперимент, но я с тех пор все время об этом думала.

Я с трудом оторвалась от зеркала и оделась. Лето было в разгаре, а значит, воздушного платья и невысоких сандалий вполне достаточно. Напоследок я еще раз мельком посмотрела в зеркало. Подумала, что в белом летнем платье немножко похожа на невесту, только фаты не хватает. Я и вправду ощущала себя невестой. Ощущала волнение, какое охватывает молодую девушку, — той тоже немного боязно, ведь страсть как хочется узнать, что тебя ждет там, на пороге новой жизни.

Мы мчались по городу на джипе, кондиционер работал немилосердно. Я окончательно пророгла в своем белом летнем платьице и уже откровенно стучала зубами. Человек из Министерства иностранных дел выглядел в точности таким, каким я себе его представляла. Высокий, подтянутый, элегантный, лет около пятидесяти, маленькие очки. На водителе — темный костюм и зеркальные солнцезащитные очки, всей своей осанкой он походил на героя голливудской кинокартины.

Ехали молча. Вчера я опять говорила с Ханзеном по телефону, разговор длился недолго, и я узнала не так уж много нового. Да, Филипп был похищен в Колумбии. Нет, им пока неизвестно, почему сразу не потребовали выкупа и не организовали передачу. Может, возникли трудности при установлении контакта. Может, похитителей что-то напутало. Да, все это, конечно, проверят. Да, южноамериканские коллеги упорно над этим работают. Да, виновных привлекут к ответу. Да, Филипп сейчас в безопасности. Да, здоровье удовлетворительное, конечно, есть заключение. И о психическом состоянии тоже. Нет-нет, ему нечего опасаться. Да, это чудо.

Ханзен еще предупредил, чтобы мы готовились к осаде со стороны журналистов и фотографов. Бедный Филипп, думала я. Он всегда старался держаться от прессы подальше, и ему это вполне удавалось, он на дух не выносил, когда его фотографировали и задавали вопросы. Приемы и пресс-конференции фирмы, на которых требовалось его присутствие, он принципиально перекладывал на других. Если верить словам свекрови, он с самого детства робел перед объективом.

Истина

Филиппа не прельщала роль общественной фигуры, и это мне всегда нравилось. Мне нравилось, что не было фотографий, где бы он фальшиво улыбался и пожимал руку политикам и инвесторам. Что он, в сущности, принадлежал только мне, мне и своей работе. И как оно будет теперь? Будут ли нас теперь осаждать, потрошить и разбирать по косточкам?

Я почувствовала, как Лео нащупал мою руку. Он смотрел в окно. Мы были всегда вдвоем. Ничего другого я, кажется, уже не знала. Может, лучше всего еще насладиться этими мгновениями.

И вдруг впереди, словно фата-моргана, замаячил гамбургский аэропорт. Мы приехали.

13

Иногда мне кажется, что мир вокруг меня, — это декорация. Мы вышли на летное поле — ума не приложу, как Ханзену удалось получить разрешение. Я подумала, что маленький частный самолет с Филиппом и командой сопровождающих лиц на борту наверняка приземлится чуть в стороне от больших пассажирских лайнеров, ведь речь шла не о рейсе повседневного воздушного сообщения. Все потели, но меня был озноб. Я провела рукой по коротким волосам. Лео возбужденно прыгал, — он обожал самолеты. Несмотря на предельное напряжение, я невольно улыбнулась. Я имела счастье встречать самолет, видеть, как он приземляется, и благодарила за это судьбу, я старалась по возможности игнорировать тот факт, что тут же на летном поле уже выстроилась в боевую позицию добрая дюжина журналистов.

Мелани Раабе

Я еще раз прокрутила в голове заготовленные фразы. Но сейчас, в этом месте они казались мне фальшивыми, неискренними и напыщенными, как строчки из театрального монолога. Но что еще могла я сказать? Вспомнив о разговоре с Лео сегодня утром, я решила послушаться сердца и говорить просто то, что чувствовала.

Какое счастье, что ты вернулся, подумала я.

Да, это звучит куда правдивее.

Какое счастье, что ты вернулся.

Я беззвучно повторяла эти слова, как мантру, приносящую счастье.

— Вы в порядке? — обратился ко мне Ханзен, и я кивнула.

Не понимаю, почему в последние дни мне все задают этот вопрос. Мириам, Мартин, госпожа Тайс, даже Лео. Мой муж жив. Разумеется, я в порядке.

Мы молча стояли, не зная, куда себя деть и что говорить.

— Вон там. — Ханзен, стоявший рядом, показал жестом в небо.

Я проследила за его взглядом и увидела идущий на посадку самолет. Взяла Лео за руку, и мы оба обратились туда, откуда приближалась стальная птица.

Какое счастье, что ты вернулся, думала я, пока самолет снижался.

И вот он приземлился, на полных парах проскочил мимо нас, почти остановился. Но потом снова покатился в нашу сторону, медленно, невыносимо медленно. Наконец-то занял нужную позицию и замер. Я пыталась хоть что-нибудь рассмотреть в крохотных оконцах, — затея, разумеется, просто идиотическая. Но я

Истина

знала: где-то там внутри Филипп, и ничего другого мне больше знать не требовалось.

Какое счастье, что ты вернулся, думала я. Какое счастье, что ты вернулся.

Мы топтались на одном месте бесконечно долго, по крайней мере, мне так казалось, но даже Лео не дергал меня и не ныл, он тоже стоял и смотрел — весь в напряжении.

И тут дверь самолета стала открываться. Невыносимо медленно. Мое сердце замерло, почти остановилось, я так крепко стиснула зубы, что даже подумала: еще немного и челюсти треснут, постаралась расслабиться, но ничего не вышло. И тут показались люди. Филипп, где Филипп? Я заправила за ухо несущуюся прядь волос. В дверях началось движение. Я окаменела, а вокруг разразилось настояще светопреставление. Крики и град вспышек, толчья и давка, я чувствовала, как обратились ко мне камеры, слышала, как фотографы выкрикивали мое имя. Но не придавала им никакого значения, я держала сына за руку и, не отрываясь, смотрела на дверь самолета — только бы не пропустить, не пропустить этот момент, когда Филипп покажется в проеме и снова войдет в мою жизнь. Я буквально пожирала эту дверь глазами, и, когда в течение ничтожных секунд ничего не происходило, уже было подумала, что все это просто недоразумение, что где-то случилась осечка, и Филиппа вообще нет в самолете, что тот пустой: ни пилотов, ни стюардесс, ни пассажиров, что этот рейс — призрак. Но только я все это представила, как вдруг... Из самолета вышла небольшая группа, медленно, один за другим люди спускались по трапу. Я почувствовала, как забилось сердце, все быстрее и быстрее. Люди шли.

Мелани Раабе

Впереди статная блондинка в черном костюме, за ней мужчина в сером, лет шестидесяти, далее — удивительно безвозрастная, седая как лунь дама с короткой стрижкой, стюардесса, потом другая, и еще, какой-то мужчина и женщина, судя по форме, — пилоты. Нервы мои напряглись до предела. Где же Филипп? Пока маленькая группа спускалась на летное поле, я старалась дышать ровно, уверяла себя, что ждала семь лет и как-нибудь перебьюсь еще несколько секунд. Я не слышала крики фотографов и журналистов, которые становились все громче. В преддверии надвигающейся бури во мне воцарилось спокойствие. Я не обращала внимания на людей вокруг, не видела группы, которая к нам приближалась, взгляд мой был прикован к двери самолета.

А потом произошло нечто — такое банальное, будничное, что в первое мгновение я даже не поняла, что все это означает. Дверь самолета захлопнулась. Трап отъехал.

Я нахмурилась. Почему закрыли дверь, это же противоречило всякой логике, ведь этот самолет привез Филиппа, просто Филипп еще не вышел, а теперь, когда дверь закрыли и отогнали трап, как, скажите, пожалуйста, ему выбраться из этой чертовой машины? Я не сводила глаз с двери самолета. Филиппа не было. Филиппа не было. Филиппа нет.

Кто-то взял меня за локоть, и это легкое прикоснение заставило меня вздрогнуть. К нам приближалась небольшая группа, я неохотно отвела взгляд от двери и обратилась к тем, кто стоял передо мной.

Где Филипп?

Почему его не было на борту?

Истина

Что с ним?

Что с ним случилось?

Разве с ним может еще что-нибудь случиться, это исключено, — после всего того, что было, после всего, что он вынес, это исключено.

Темноволосый мужчина и статная блондинка были уже совсем близко. Мне что-то сказали, но я не разобрала, я только заметила, как шумят и суетятся все вокруг.

— Вот он, — снова услышала я рядом чей-то голос. Я не поняла, что этот человек имеет в виду, и проследила за его взглядом, растерянная, сбитая с толку совершенно. Возгласы фотографов раздавались все громче: господин Петерсен, господин Петерсен! А я все еще недоумевала, ведь господин Петерсен — это Филипп, госпожа Петерсен — это я, девичью фамилию я ему проиграла в споре перед свадьбой. «Господин Петерсен, господин Петерсен!» — надрывались журналисты. И в эту секунду темноволосый незнакомец слева от меня вскинул в приветствии руку, кивнул фотопротерам, после чего обратил все свое внимание на меня. Его примеру последовали остальные, и я ощутила тяжесть от направленных в мою сторону человеческих взглядов. Единственное, что я могла — стоять. Я все еще ничего не понимала. Только чувствовала: все от меня чего-то ждут, каких-то слов, реакции, хоть чего-нибудь. Но я просто стояла. В голове гудело. Это лишь недоразумение. Вопиющее недоразумение. Я застыла, втянув голову в плечи, словно хотела защитить себя от бури, которая неотвратимо приближалась и о которой знала только я. Человек, стоявший рядом, прервал мое молчание:

Мелани Раабе

— Господин Петерсен. Меня зовут Вильгельм Ханзен. От имени всей команды хочу вам сказать: добро пожаловать домой.

И человек ответил:

— Большое спасибо, господин Ханзен.

Только это. Четыре слова.

Голос его был тихий и скрипучий. Это был голос чужака.

Мир затих. В нем больше не действовали законы времени и пространства. Я почувствовала легкость. Опустила глаза и увидела, что ноги мои уже не касаются земли, попыталась вытянуть их и нашупать опору, но не находила. Попробовала хоть за что-то зацепиться, но все парило в воздухе вместе со мной. Вещи, люди. Меня отделяли от земли то всего несколько сантиметров, то метр, два, а потом вдруг — десять. Я отчаянно гребла руками и ногами и не видела ничего, за что могла бы ухватиться, но кругом — ничего твердого, одна пустота. Я поднималась все выше и выше и вот уже добралась до макушек деревьев, равнялась с крышами небоскребов, медленно и неудержимо тянуло меня вверх, и мир подо мной неумолимо мельчал.

А потом вдруг сила тяжести вернулась, и меня потянуло вниз. Мир устремился мне навстречу, и я впечаталась в него со всей силы.

Я снова стояла здесь, на летном поле. На двух ногах.

Передо мной — незнакомец. Во взгляде его читалось ожидание. Я не шевелилась, и тогда незнакомец, не говоря ни слова, сделал шаг в мою сторону, — движения угловатые как у робота, и я еще подумала: он

Истина

даже не похож на человека, это автомат! А потом он притянул меня к себе. Я стала задыхаться, хотела оттолкнуть его, но не могла пошевелиться. Меня словно парализовало. Незнакомец не отпускал.

Я пристально всматривалась в человека, стоявшего со мной, изо всех сил стараясь найти что-нибудь знакомое, но ничего не находила. И дело даже не в том, что Филипп был высоким и сильным, а этот — немногим выше меня. Дело даже не в бороде, покрывавшей щеки, так что проверить было невозможно, есть ли у него ямочки на щеках, как у Филиппа. И даже не в манере себя держать.

Все дело было в глазах, — они не излучали ни малейшей теплоты и в то же время казались гораздо темнее тех глаз, в которые я влюбилась много лет назад. Я почувствовала, как встали дыбом волосы на моем затылке. Каким бы изможденным ни представлялся этот человек, от него исходила тревожная энергия.

ЭТО НЕ ФИЛИПП.

Я находилась в плена кошмара. Все происходящее здесь чудилось таким странным и гротескным, что мой мозг просто отказывался видеть в этом хоть какой-нибудь смысл.

Кто этот человек?

Почему он сжимает меня в объятиях?

Почему его называют «господин Петерсен»?

Я тряхнула головой, как пугливая лошадка. Незнакомец все еще крепко сжал меня.

Неужели они и впрямь считают, что это Филипп?

Я едва переводила дыхание.

Они действительно считали, что это Филипп.

Мелани Раабе

Что тут происходит?

Я не понимала, что все это значит, почему он это делает, кто этот человек, я видела его впервые в жизни, что он здесь забыл, почему выдает себя за Филиппа, как у него хватает наглости прикасаться ко мне, и где, где, черт возьми, мой муж?

Меня все еще сжимали в железных тисках, сердце билось неровно, и мне уже не хотелось, чтобы оно вообще билось, воздуха не хватало, меня охватили паника и ужас: а что если незнакомец меня задушит? Прямо здесь, у всех на глазах.

Но потом хватка ослабла, я стала жадно глотать воздух, краем глаза отметила умножающиеся светлые точки, предвестники близкого обморока. Но нет, я все еще в сознании, я должна что-то сказать, и это важно, очень важно — но что сказать, когда мозг отключен, когда ты не в силах сформулировать ни одной ясной мысли, когда способность говорить тебя покинула. Я словно в оцепенении тряхнула головой, силясь заявить свой протест, но не находила слов, чтобы выразить весь ужас и шок и сформулировать крутящиеся в голове вопросы, и тогда я выдала то единственное, что пришло мне на ум:

— Какое счастье, что ты вернулся.

От этих слов во рту загорчило, как от миндаля.

Незнакомец удовлетворенно улыбнулся, — похоже, я сказала именно то, что ему хотелось услышать. Потом он присел возле меня на корточки, и только теперь я вспомнила, что все еще держу Лео за руку, и его ладошка пронизывала влажным теплом мою, сухую и более крупную. Потом сын отделился и позволил незнакомцу взять себя на руки. Чужак с моим сыном на руках повернулся к прессе. Вспышки защелкали с

Истина

невообразимой частотой. Я впала в транс, слушая будто издалека, как незнакомец вещал о том, что очень рад вернуться домой. Он поблагодарил всех за оказанное внимание, но также выразил надежду на то, что пресса признает его право на приватную сферу, поскольку это необходимо для возвращения к нормальной жизни.

Я посмотрела вокруг. Что это? Шутка? Я знала, такое нельзя выдать за шутку, ни один человек не шутит так жестоко. Но я все равно уповала на развязку и продолжала оглядываться. По моей спине пробежал ледяной холодок, я почувствовала его от затылка до ягодиц.

Люди вокруг стояли возле незнакомца и улыбались. Тот смотрел на меня.

И на лице его не было даже тени улыбки.

14

Тело мое опять как будто стало легким-легким.

В отчаянии я осмотрелась вокруг. Не может такого быть! Не может быть, чтобы я единственная заметила: это не Филипп. Но я взгляделась в людей вокруг — в лица представителей прессы и официоза, и мне стало ясно, что я одна знала Филиппа лично, а, следовательно, знала и как он выглядит. Вот проклятие, ведь нет ни одной его официальной фотографии.

Ноги у меня подкосились. Я споткнулась, но все-таки удержала равновесие. Нельзя мне падать на колени. Нельзя — перед всеми этими камерами, перед

Мелани Раабе

всеми этими людьми, перед моим сыном, перед этим незнакомцем.

— Все в порядке, госпожа Петерсен? — заботливо спросила статная дама, блондинка, которая тоже находилась на борту самолета.

Я пыталась шевелить мозгами, чтобы осознать ситуацию, в какой оказалась, но это было ох как нелегко. Я стою на летном поле аэродрома. Я нахожусь в самом центре урагана. Вокруг меня шум и гам. Фотографы кричат, камеры щелкают.

Сегодня тот самый день, когда должен был вернуться Филипп. Но этого не произошло. Он по-прежнему пропал без вести. Это не мой муж. Человек, который держит моего сына и устало, но все-таки удовлетворенно улыбается фотографам, готовым как угодно извернуться ради такой картинки — давным-давно исчезнувший отец с сыном на руках! — не мой муж. Но он держит на руках моего сына.

Просто волосы дыбом. Но я сбросила с себя оцепенение, я готова действовать. Сделала шаг к незнакомцу, чтобы забрать у него Лео — кстати, он вообще-то уже большой, таких на ручки не берут, что это значит, что за нелепость, Лео уже восемь лет — но тут этот человек как раз спустил мальчика с рук поставил его на землю. Я потянула Лео к себе, наверное, слишком резко, потому что он поднял на меня изумленный взгляд, но кроме нас с ним никто этого не заметил, все глаза были обращены к незнакомцу, и я чуть с ума не сошла от того, что его называют Филиппом.

Я все еще пыталась разобраться в своих мыслях, когда наша небольшая группа, состоявшая из чиновников Министерства иностранных дел, нескольких сотрудников службы безопасности и одного полицей-

Истина

ского, двинулась по летному полю в сторону здания аэропорта. Журналисты наседали сзади, несколько фотографов обогнали нас быстрым шагом, чтобы сфотографировать при входе в терминал.

Незнакомец шел впереди меня, беседуя с той седовласой женщиной без возраста, которая вместе с ним сошла с самолета. Поспешно оглянувшись, я увидала вокруг лишь чужие лица. Но где же Ханзен? Надо поговорить с Ханзеном!

Плотным кольцом нас окружила целая толпа журналистов, мне не удавалось сориентироваться и преодолеть клаустрофобию, я с трудомправлялась с одышкой, стараясь не потерять из виду Лео, выпустившего мою руку. За мной шли какие-то двое мужчин, и вдруг в просвет между ними я разглядела благородное, спокойное лицо Ханзена. Поисками глазами Лео, к нему как раз наклонилась любезная блондинка, прежде заговорившая со мной, и что-то на ходу сказала — так, как разговаривают со взрослыми, а не с маленькими детьми. Лео ей ответил, гордо улыбаясь, он любит, когда к нему обращаются по-взрослому. Пусть я и не расслышала из-за шума вокруг, что они там говорят, но с Лео все в порядке, уже хорошо. Я пропустила нескольких человек впереди, чтобы добраться до Ханзена, принялась расталкивать остальных локтями, прорываясь к нему. На меня смотрели возмущенно, но молчали. А Ханзен удивленно поднял брови. Дыхание у меня перехватило настолько, что я едва сумела выкрикнуть:

— Это не мой муж!

Ханзен наморщил лоб, и буквально на миг меня посетила ребяческая мысль, что все вот-вот наладится, раз уж он займется этим делом и скажет сейчас, де-

Мелани Раабе

скать, и у него были некоторые сомнения, но он исправит свою ошибку.

Ханзен слегка покачал головой и, стараясь перекрыть вопли фотографов, прокричал:

— Что, простите?

И закрыл одно ухо рукой, сигнализируя мне: не понял, не разобрал.

Я набрала побольше воздуху, готовясь прореветь ему в ответ, что это не мой муж, что все это чудовищное недоразумение, как вдруг вся группа резко прекратила движение, разом встала.

Ханзен отвел от меня взгляд, я тоже посмотрела вперед и поняла, что мы дошли до здания аэропорта, но вход перегородили несколько журналистов. Ханзен поднял руку, показывая мне, что сейчас вынужден всем этим заняться, но тут же ко мне вернется.

— Подождите! — заорала я, инстинктивно схватившись за его руку, однако он глянул на меня с таким ужасом, что я его все-таки выпустила.

Но успела произнести:

— Это не Филипп.

— Сейчас я вернусь, — ответил Ханзен, будто я сообщила ему нечто весьма банальное, не требующее немедленного обсуждения, и тут я потеряла его из виду. Я тихонько выругалась и поспешно огляделась, приняв к сведению, что Лео по-прежнему увлечен беседой с приятной блондинкой. И вот тут я встретилась взглядом с незнакомцем. Он пристально смотрел на меня. Он сверлил меня глазами.

Я поскорее отвернулась. Увидела, как Ханзен на входе в терминал разговаривал с фотографами и не зря разговаривал, потому что они освободили проход. Группа снова пришла в движение. Тут я снова стала

Истина

пробиваться к Ханзену, добралась до него и вместе с ним вошла в здание. Он спросил:

— Госпожа Петерсен, с вами все в порядке?

— Нет! — ответила я. — Со мной все не в порядке. Это не мой муж!

Ханзен посмотрел на меня сквозь дорогие свои очки и, как мне показалось, подавил вздох.

— Понимаю, как все это для вас непросто, — произнес он. — Вашему мужу пришлось многое пережить. Сожалею, что я не сумел лучше подготовить вас к этой встрече.

Как обухом по голове. Он не понимает или не хочет понять?

— Послушайте, вы не разобрались, — снова заговорила я, как только мне удалось взять себя в руки, — это вообще не...

Но Ханзен меня перебил:

— Извините, пожалуйста, меня зовет коллега.

Он что, пытается сбежать?

— Эй, — закричала я ему вслед, — эй, хотя бы выслушайте меня!..

Но Ханзен был уже далеко. Тут я сообразила, что мы пересекли весь зал и находимся почти у выхода из здания. До меня донесся обрывок разговора:

— Ну, и каково это, вновь почувствовать себя на немецкой земле?

Я повернулась в том направлении, откуда раздался голос, и поняла, что это седовласая дама, прилетевшая в том же самолете, обращается к человеку, утверждающему, будто он Филипп.

«Нет, — снова мелькнуло у меня в голове, — не может быть, тут какая-то ошибка!»

Мелани Раабе

Кто-то мягко взял меня за локоть. Ага, это дружелюбная блондинка, которая так мило беседовала с Лео.

— В чем ошибка? — спросила она обеспокоенно. И лицо у нее такое открытое.

Мозг мой работал на высоких оборотах, но я сумела вымолвить только два слова:

— Тот мужчина.

Блондинка нахмурила брови:

— Что за мужчина?

— Вон тот, — ответила я. — Я его не знаю.

На лице незнакомой блондинки явно отразилось сочувствие. Толпа принесла нас к выходу, и вот уже мы вместе оказались снаружи, на улице. Блондинка принялась рыться в своей шикарной, цвета осенней листвы, сумочке.

— Вот моя карточка. — С этими словами она протянула мне визитку, а я взяла ее машинально и куда-то сунула. — Если вам что-нибудь понадобится, позвоните мне, договорились? Но пока вам надо просто успокоиться.

— Вы что, не поняли? — сказала, нет, прокричала я, хотя и знала, что следует хранить спокойствие, иначе никто не будет принимать тебя всерьез. Но я кипела от ярости, и ярость моя вышла из берегов. — Вот проклятие! Что, вы не понимаете? Это не мой муж! Это не Филипп!

Выкрики мои потонули в общем гвалте: фотографы сообразили, что мы вот-вот уедем, и пытались поймать последний шанс. А та блондинка, если и разобрала мои слова, то не сочла их поводом для действия.

У меня дыхание перехватывало от ярости, мне снова как-то не удавалось сориентироваться, снова я

Истина

искала глазами сына и не могла сразу найти, впала в панику, повернулась лицом к зданию, а плотная толпа тащила меня дальше и дальше, на тротуар. Где Лео? Где мой сын?

Незнакомца я тоже вдруг потеряла из поля зрения и на несколько жутких секунд представила себе, что сбывается мой ночной кошмар: явился монстр и украд у меня сына.

— Где мой сын? — Этот вопрос я задавала всем вокруг и никому в отдельности, но никто не отвечал, как вдруг за широкими спинами двух мужчин впереди я увидела его чубчик. Протиснулась к нему, взяла за руку и в ту же минуту у меня подвернулась нога, я споткнулась, кто-то взял меня за локоть, опять меня сегодня хватают за локоть, сколько народу вокруг, того и гляди задавят, а где еще этот незнакомец, не хочу, чтобы он вдруг тут появился со своим жутковатым взглядом, не хочу, чтобы он опять сцепил моего сына.

А давка была все сильнее, и вдруг я почувствовала, как кто-то положил руку мне на голову и мягко, но уверенно заставляет меня нагнуться, я сначала вообще ничего не разобрала, стала сопротивляться и скидывать эту руку, но тут люди передо мной расступились, и я поняла, что стою на самом краешке тротуара возле припаркованной машины, а нас вроде бы пытаются в эту машину загрузить. Ну и пусть, мне и надо прочь отсюда, главное — прочь, шум стоит оглушительный и давка жуткая. Почекнулась, как Лео сжимает мою руку сильнее и сильнее, хватит с него, того и гляди нас просто раздавят!

— Мамочка! — произнес Лео.

Я не услышала, я прочитала это по губам.

Мелани Раабе

— Все в порядке, детка. — Я попыталась его успокоить и успела затащить на заднее сиденье автомобиля, куда кто-то невидимый, подталкивая, заставил меня сесть. Как только мы оказались внутри, дверь захлопнулась, крики фотографов теперь звучали приглушенно. Не прошло и двух секунд, как машина тронулась с места. Выдохнув с облегчением, я закрыла глаза. Но открыв их вновь, осталбенела: в салоне автомобиля мы находились не одни. Голова пошла кругом.

Рядом со мной сидел незнакомец.

15

Я бросилась в ванную комнату и, к счастью, успела вовремя. Подняла крышку, наклонилась над унитазом. Желудок сводило судорогами, дыхание перехватывало, в глазах стояли слезы. Меня вырвало, на лбу выступил холодный пот. Каждый раз, когда меня рвет, мне кажется — вот-вот умру, никогда это не кончится, вслед за содержимым желудка выскочат все мои внутренние органы, а за ними душа, и останется от меня лишь пустая оболочка да осядет на полу, как сдувшаяся резиновая кукла.

Все, кончилось наконец-то, я с трудом выпрямилась, нажала на слив. Меня трясло и прошибало холодом, одежда липла к влажному телу, я едва стояла на ногах, как бывает при отравлении.

Я осмотрелась, и ванная комната, освещенная дневным светом из окна, своей строгой белизной вдруг напомнила мне операционную. Дрожа, я попробовала присесть на бортик, случайно задела высокую бутылочку с пеной для ванны, и та со стуком и кла-

Истина

цањем покатилась на дно. Звук показался мне неестественно высоким и громким, в ушах сначала зазвенело, потом левое ухо оглохло и я услышала в нем тонкий писк. Я наблюдала за бутылочкой, как она каталась по дну ванны и наконец замерла на месте. Писк в ухе становилось все громче, перед глазами плыли яркие пятна, и вдруг все окружающее утратило смысл. Я глядела то в одну сторону, то в другую, пытаясь осознать взаимосвязи между предметами, попадающими в поле зрения. Белое, все белое и гладкое. Белый, гладкий кафель. Гладкая, белая поверхность ванны. Белая раковина. Белая орхидея, белые полотенца, белая мыльница, белая занавеска для душа. Несколько цветных пятен. Высокая бутылочка, которая лежит на дне ванны и наполнена жидкостью сапфировой голубизны. Маленькие очки для плавания, с носом, неоново-зеленые. Крошечная пластмассовая фигурка Дарта Вейдера, черная-пречерная. Резиновая игрушка, уточка, розовая. И еще я сама. Посмотрела вниз, на свои загорелые ноги, как они торчат из-под белого платья, на вишнево-красные ногти на ногах. Заморгала. Почувствовала холодную, гладкую поверхность под ногами, почувствовала, как покрываюсь гусиной кожей и у меня на руках дыбом встают все волоски, поглядела на кафель перед глазами. Мерцающая белизна. Капает кран, плюх, плюх, плюх, плюх, капает все громче, плюх, плюх, плюх, плюх, но я не могу встать и закрыть кран, мне надо сидеть здесь и ждать, пока пройдет глухота, дрожь, головокружение. Почувствовала легкий запах ароматической свечи, она стоит на краю ванны, но я позабыла, чей это запах. Это ваниль, лимон? Или амбра?

Понемногу сердцебиение успокоилось.

Мелани Раабе

...В машине я не проронила ни слова. Сидела там — беспомощная и неспособная собраться с мыслями. Неспособная решить свою проблему.

Лео прижимался ко мне, заметив, наверное, какой-то непорядок или просто потрясенный происходящим. Его отец. Все эти чужие люди. Фотографы.

Я не знала, что делать. Как мне вести себя? Что нужно от меня этому человеку? Уже сейчас, в машине, пойти в атаку? Вышвырнуть его отсюда? Устроить сцену? Но разве такое возможно при Лео, которого я настраивала на то, что вернется папа, что папа пережил трудные времена, что мы должны быть добры к нему и осторожны? Нельзя бездействовать, но и сказать ничего нельзя в присутствии Лео. Я просто не знала, что делать.

Вот это да, думала я.

Сказывался шок.

Я заставляла себя успокоиться и дышать ровно. Вдох-выдох, спокойно, спокойно. Посидела так немного и вдруг вспомнила один из разговоров с господином Ханзеном. Я спрашивала, нельзя ли мне поговорить с мужем по скайпу или по телефону до его прибытия в Гамбург. Ханзен пообещал это устроить и связаться со мной, что он впоследствии и сделал. Явно смущенный, он сообщил мне, что Филипп не хотел бы заранее говорить со мной ни по телефону, ни по скайпу. Кроме того, муж просил не привозить нашего сына в аэропорт, он был бы рад, если бы Лео провел первые несколько дней где-нибудь в другом месте. Например, у друзей.

Каким же оскорбительным показался мне этот отказ! После стольких лет Филипп не желает услышать

Истина

меня как можно скорее? Не желает увидеть своего сына? Это ведь совершенно на него не похоже. Это что вообще такое? С другой стороны, размышляла я, предчувствуя недоброе, за семь лет всякое могло произойти. Кому это знать, как не мне? И я решила выполнить его просьбу лишь наполовину, то есть взять Лео с собой в аэропорт, но потом отвезти его к Мириам. Не люблю, когда мне отдают указания.

Поначалу я не могла понять, отчего мой муж так себя повел, отчего после стольких лет отказался поговорить со мною хотя бы по телефону, но тут мне стало ясно: этот незнакомец не собирался меня ни о чем предупреждать. Он хотел захватить меня врасплох. Поставить перед фактом.

И ему это удалось превосходно.

Уж до того я злилась на самое себя, просто лопалась от злости. Как это я там, на месте, никого не заставила меня выслушать? Эй, Зара, с каких это пор ты превратилась в тихую серую мышку? А ну-ка, соберись! Да, твоя жизнь, похоже, разбилась на тысячу крупных и мелких осколков. Но никто их не соберет вместо тебя и новую жизнь тебе не построит. Это твое дело. Значит, перестань хныкать. Вставай! Действуй!

И я встала. Подошла к раковине. Прополоскала рот, плеснула холодной воды в лицо, вытерлась полотенцем.

Уже хорошо. А теперь — думай!

И я задумалась, хотя мозги еле шевелились, а зубы стучали. Сегодня мой муж, мой самый любимый на свете, должен был вернуться домой, но вместо него на борту самолета оказался другой человек. Мне не удалось разоблачить его прямо на месте, в аэропорту,

Мелани Раабе

меня следом за ним сунули в машину. Нас отвезли домой. Теперь я здесь, дома. Я способна к действию, я взяла себя в руки.

Следует позвонить в полицию.

Немедленно.

Понятия не имею, что у этого человека на уме.

Что ему от меня нужно?

Почему ему вообще что-то нужно?

Я повернулась, взялась за ручку двери и услышала... Шаги.

Сердце сжалось в крошечный комочек страха.

Когда я, зажав рот рукой и с трудом сдерживая приступ рвоты, ворвалась в дом, не удостоив взглядом незнакомца, который остался в машине, — разве я не захлопнула за собой дверь?

Незнакомец находится в моем доме.

16

Птичий щебет доносился из-за приоткрытого окна ванной комнаты, и волей-неволей я выглянула на улицу. Сочная зелень каштановых деревьев под светом солнца казалась особенно яркой на фоне густой синевы неба. Скоро сверху на головы прохожим бомбочками полетят каштаны, а те мамы, которые еще играют со своими мальчиками и девочками, станут мастерить из них маленьких человечков и уж только потом отпустят детей на футбольную тренировку или к игровой приставке. Я и сама такая. Идиллическая картинка кажется мне сейчас просто издевательской. А что я, собственно, думала? Что окру-

Истина

жающий мир должен замереть только оттого, что мой собственный мир рассыпался на части? И я отвернулась от окна.

Мы с незнакомцем в доме один на один. Инстинктивно я потянулась за мобильником, я всегда ношу его в кармане брюк, да вот только у моего летнего платья нет карманов, значит, мобильник должен быть в сумке, я бросила ее где-то в прихожей. Тихо выругалась. Если я собираюсь позвонить, если я хочу позвать на помощь, то надо выйти отсюда. Надо выйти к нему. Вот проклятие! Я уселась на крышку унитаза, закрыла лицо руками. Ох, лучше бы я не одна поехала в аэропорт, лучше бы хоть кто-то был со мной, на моей стороне. И почему Иоганн именно сейчас уехал, нет его в стране, да чтоб ему! Прошло несколько минут, за дверью ванной комнаты тишина, но я знала, что чужак здесь. Пригладила волосы, руки дрожат. Нельзя же здесь сидеть вечно.

Вставай, скомандовала я себе. И встала. Тихонько досчитала до трех.

Открывай дверь!

Я распахнула дверь ванной комнаты. Незнакомец стоял прямо передо мной и глядел на меня своими странными, темными глазами.

Он улыбался.

Улыбка у него такая, как открытый складной нож.

Мне стало ясно, что я в ловушке. Осталось одно — идти напролом. Ярость моя пересилила страх, я сделала шаг вперед, в его сторону, это ведь мой дом. Незнакомец чуть наклонил голову, во всей его фигуре чувствовалось: он выжидает. И напряжен, несмотря

Мелани Раабе

на улыбку. Пиджак, в котором он вышел из самолета и ехал в машине, он тем временем снял, обнажив сильно загорелые руки. Короткая бородка у него неровная, под нею видно, как работают жевательные мышцы.

— Кто вы такой? — спросила я.

— Кто вы такой? — эхом ответил он.

Я возмущенно уставилась на него. И спросила:

— Что вам от меня нужно?

— Что вам от меня нужно? — повторил он, сбив меня с толку. Мою интонацию он имитировал превосходно.

— Что вы делаете в моем доме?

— Что вы делаете в моем доме? — отозвался он.

— Вон отсюда! — завопила я.

— Вон отсюда! — заорал незнакомец.

Потрясенная, я сделала шаг назад. Он же просто сумасшедший!

— Да кто вы такой, черт бы вас побрал? — почти шепотом выговорила я.

Незнакомец с деланным удивлением поднял брови, наигранным движением схватился за сердце, словно спрашивая: «Как это — кто?!» Открыл рот, закрыл рот, будто он поражен и даже шокирован, театрально затряс головой и, наконец, ответил:

— Но я же Филипп, твой муж!

Уголки рта опустились. В глазах мелькнула насмешка. Ситуация его явно развлекала.

Мне казалось, онемение разлилось по всему моему телу. Это сон, что ли? Нет, это не сон, а самая что ни на есть реальность. Глухим голосом я спросила:

— И что все это значит?

Ухмылка искривила его лицо, он даже не потрудился ее скрыть.

Истина

— Разве непонятно? Я из Секретной службы. Сделал целый ряд пластических операций, чтобы выдать себя за вашего мужа. Нос, лоб, губы — все новехонькое. Если приглядитесь повнимательней, пока еще увидите рубцы. Филипп Петерсен — моя новая личность. Вообще-то я могу вам раскрыть мое настоящее имя. Но после этого мне, разумеется, придется вас убить.

И он рассмеялся мне в лицо.

Рассмеялся до того отвратительно, что я сделала шаг назад.

А затем правая моя рука, как будто безо всякого моего участия, поднялась и влепила ему крепкую оплеуху. И я услышала собственный крик:

— Где мой муж? Где Филипп, что вы с ним сделали?

Незнакомец схватился за щеку, фальшивой улыбочки как не бывало. Молниеносно вцепился в мое плечо, я попыталась высвободиться, но шансов не было. Он привлек меня к себе, глянул прямо в глаза:

— А вот этого ты делать больше не будешь.

Тут вдруг он меня выпустил, и я было поплелась прочь, бессильная и почти побежденная, но он прошипел еще и такие слова, из-за которых я чуть не впала в безумие:

— Ведь я Филипп, твой любимый муж.

— Вон из моего дома! — заорала я и так съездила ему кулаком в грудь, что он на миг потерял равновесие. — Проваливайтесь!

Схватила его за руку, потащила к двери, надрываясь от напряжения, кряхтя и со слезами на глазах, но он сопротивлялся и вырвался у меня из рук. Хватая ртом воздух, я встала у двери. Все это просто невероятно!

Мелани Раабе

— Катитесь отсюда куда подальше! — опять закричала я. — Неужели вы думаете, что вам удастся такое провернуть?

Может, собственными руками я и не смогу его отсюда вышвырнуть, но мой дом ему придется покинуть, это уж точно.

А он просто наблюдал за мной. Совершенно спокойно и даже расслабленно. Вдруг стало ясно: он вовсе не сумасшедший, он прекрасно знает, что делает. Молча развел он руками, как будто хотел сказать, что провернуть это ему уже удалось.

И мне снова вспомнился аэропорт. Все эти люди, пресса, фотографы. Только представлю себе завтрашнюю газету! С фотографией, на которой этот чужой человек держит на руках моего сына. А под фотографией — имя Филиппа. Вспомнилось и то, как меня окружили журналисты. И как я допустила, что незнакомец меня обнял, а я произнесла единственную рожковую фразу: *Какое счастье, что ты вернулся*.

Тьфу, проклятие! Тьфу! Тьфу!

Я ринулась мимо него в сторону гостиной, в сторону телефона, готовая к тому, что он преградит мне путь, попытается меня остановить, физически на меня нападет, но ничего подобного не произошло. Вот я у телефона, вот я взяла трубку и только тут услышала, что мошенник последовал за мной в гостиную.

— На вашем месте я не стал бы этого делать, — произнес он спокойно.

Я было решила набрать 110, номер полиции, но вдруг вспомнила, что бывает, если в полицию звонит кто-то из известной семьи: обо всем пронюхает пресса. А мне нужно решить проблему без шума, главным образом — ради Лео. Что же делать, что же мне делать?

Истина

Прижала трубку к уху так крепко, что даже больно стало, но ничего не услышала. Нет гудка! Осмотрелась, и вот оно что: мошенник держит в руке телефонный провод. Он вытащил штекер из розетки.

Мы стояли друг против друга, как дуэлянты. Из окна позади него видна была лужайка перед соседним домом, а по лужайке ковыляли четыре вороны. Вдруг вспомнилось, как бабушка рассказывала, что терпеть не может ворон, это, мол, птицы смерти, а мама ей возражала, мол, это глупость, хотя она и сама ворон терпеть не может, они разгоняют маленьких певчих птичек, скоро уже не останется ни синиц, ни малиновок, ни воробушков, одни только вороны. Мне тогда было примерно столько лет, сколько Лео сейчас, и я очень любила малиновок и синичек, мне разрешали зимой их кормить. А после этого я стала швырять в ворон камнями, хотела всех их разогнать, но мама велела мне прекратить это дело.

Вороны издавали гортанные, хриплые звуки. Откуда они вдруг тут взялись? В испуге я отвернулась от окна.

И настоящая паника охватила меня, когда незванный гость вдруг сделал шаг в мою сторону. Мы ведь были одни в моем огромном доме, и я ничего не знала об этом человеке, совсем ничего. Кроме того, что он явно умен. И к тому же наглец. Я обвела взглядом комнату в поисках оружия, которым смогла бы защищаться. За стеклянной стеной гостиной я увидела сад своего дома, из приоткрытого окна доносился детский смех, звук газонокосилки. Сюрреализм какой-то: я

Мелани Раабе

здесь, внутри, с этим наглецом, а снаружи продолжается обычный летний день.

— Предупреждаю, что если вы подойдете ближе, я буду кричать на всю улицу. Вы и до трех не успеете сосчитать, а соседи уже вызовут полицию.

Голос мой дрожал, уж не знаю — от гнева или от страха, или от того и другого вместе. И ведь все это ложь, на улице сейчас только старуха соседка, да какие-то детишки. Соседи слева в отъезде. А у госпожи Тайс гремит газонокосилка.

— Разве ты этого хочешь? Хочешь вызвать полицию к себе домой? — С этими словами он сделал шаг в мою сторону.

— Предупреждаю! — повторила я, скорее в попытке придать мужества самой себе, чем ради воздействия на этого негодяя.

А он молча смотрел на меня. И качал головой, по-долгу, снова и снова, вдруг напомнив мне депрессивного слона в зоопарке. С той разницей, что слон выглядел очень расстроенным и совершенно не опасным. Я пыталась принять хоть какое-то решение. Надо мне выбираться отсюда, вот что.

Он сделал еще один шаг в мою сторону, а я отступила назад. Он снова шагнул в мою сторону.

— Были бы вы моим мужем, так не боялись бы, что я куда-то позвоню, — проговорила я в полном отчаяния.

Он, рассмеявшись, остановился. Вроде бы размышлял о чем-то.

Но не более секунды. В глазах его снова мелькнула насмешка. Неожиданно он принял разводить в воздухе руками, воздевать руки к небу и заговорил высоким дребезжащим голосом, изображая старуху ясновидящую:

Истина

— Смотрю в хрустальный шар... Будущее туманно, о, сколь оно туманно... Но вот! Туман проясняется! Да! Теперь я кое-что различаю! И шар говорит мне, что ты... — Он сощурил глаза, будто пытаясь рассмотреть размытую картинку, и театрально воскликнул: — О да! Шар говорит мне, что ты не станешь звонить в полицию.

Опустил руки, слегка кивнул. Сначала я не поняла, к чему это. Медленно, так медленно, будто движение доставляет ему боль, он присел на корточки. Раздался легкий клацающий звук, и я догадалась, что он вновь подсоединил телефон к розетке. Выпрямился во весь рост и глядел на меня спокойно, самоуверенно, едва ли не иронически. Так, будто хотел сказать: «О'кей, теперь твой ход».

Что-то смутно шевельнулось в моем подсознании. Незнакомец смотрел на меня своими темными глазами. Одну секунду, две секунды, бесконечно долго.

— Что ж, так я и думал, — произнес он наконец.

Незнакомец

Действовать.

Делать то, что следует делать.

Собираюсь, сжимаюсь в кулак. Отметаю все, что не на пользу ситуации.

В этом состоянии мне нет равных, ничто и никто не имеет шансов против меня.

Я действую. Я действую.

Всегда.

Присутствие этого человека — все равно, что жжение или зуд под гипсом, в таком месте, куда нипочем не проникнешь. Я стояла посреди комнаты, он стоял напротив. Мы не смотрели друг на друга прямо, но зато и не выпускали друг друга из виду.

Я не отводила взгляда от гравюры с изображением парусника, которую Констанция много лет назад подарила нам с Филиппом, она теперь висела в гостиной, хотя никогда мне не нравилась, и внимательно я рассматривала ее, наверное, в первый раз. Но в немыслимой этой ситуации она помогала мне держаться.

День уже клонился к вечеру, до того я в панике набирала телефонные номера, но мой ужас из-за со-здавшейся ситуации только увеличивался. Постепенно мне стало ясно, что от мнимого Филиппа избавиться будет не так-то просто. Особенно после того, как я перед включенными камерами фактически признала в нем своего мужа. Например, Бернарди, сотрудник кризисного штаба, с которым я вчера коротко встречалась, сегодня меня попросту отшил. Разумеется,

Мелани Раабе

личность Филиппа установлена в результате всесторонних проверок. Но если у меня все-таки возникли сомнения — пожалуйста, на той неделе Бернарди найдет для меня время.

Сомнения! Честное слово, так и сказал: «сомнения». Как будто речь шла о чем-то совершенно безобидном, а не о жизни и смерти.

Ханзен то ли скрывался от телефонных звонков, то ли его действительно не было на месте.

Так вот, мы с незнакомцем молча стояли друг против друга, а я все пыталась сообразить, каким должен быть мой следующий шаг. Разумеется, я не хочу звать полицию к себе в дом. Не сказать, что мы очень знаменитая семья, нет. Но мы действительно богаты, и мне совершенно не хотелось, чтобы пресса разнюхала о чем-то вроде скандала и принялась его раздувать.

Стоял солнечный день в разгаре лета, а у меня мороз по коже. Я стискивала зубы, чтобы они не стучали от холода. Наискось, через стекло, солнечные лучи достигли паркета, крошечные пылинки танцевали в лучах, подобно эльфам на лесной полянке. Лучше уж понаблюдать за ними, чем глядеть на этого человека. Лицо его с этими странными, будоражащими глазами на свой необычный лад красиво. Кто знает, что творится за этим лбом, что повидали эти глаза. Как я радовалась, что Лео сейчас не дома.

— Пожалуй, я сяду. — Эти его слова вырвали меня из круга размышлений.

Истина

С возмущением я следила за тем, как он медленно и осторожно шел через всю гостиную к дивану. И все поглядывал на меня, будто я перепуганный ребенок, которого ему очень не хочется напугать еще больше. Наконец, он уселся на диван. Ох, как мне это претило, ведь обычно на диване устраиваемся мы с Лео, смотрим мультики или документальные фильмы проeteorиты и динозавров. Рядом с диваном стоял багаж незнакомца — средних размеров дорожная сумка из темно-коричневой кожи, куда может поместиться лишь самое необходимое.

Вообще-то я решила не вступать с ним ни в какие разговоры, но не сумела справиться с собой, и у меня опять вырвалось:

— Что вам от меня нужно? Говорите уже. А? Что все это значит? По-вашему, это все смешно?

Он часто-часто заморгал, но затем все-таки ответил:

— В данной ситуации я не нахожу ничего смешного, Зара, тут уж ты можешь мне поверить.

Я просто вышла из себя, когда он произнес мое имя. Как будто тот факт, что он станет обращаться ко мне по имени, может способствовать нашему сближению. Противно! Просто противно. Не говоря уже о том, что Филипп почти никогда не называл меня настоящим моим именем, но этого чужой человек, конечно, знать не мог. Непонятно только, зачем ему цепляться за мое имя, неужели он не понимал, что обмануть меня не удастся? Вероятно, он опасался какого-то разоблачения с моей стороны, если он хоть на секунду выйдет из роли. Может, он думал, что я тайком веду запись? Или что его просто кто-нибудь услышит.

Мелани Раабе

Между нами вновь повисло молчание. Я пыталась составить хоть какой-нибудь план, а незнакомец смотрел на меня тяжелым взглядом. Наконец, он, поднимаясь с дивана, произнес:

— Ну, что ж. Желаю успехов в твоих телефонных развлечениях.

Взял свою сумку и направился в кухню.

Я тихонько стояла, прислушивалась. Услышала, как удаляются его шаги, а потом захлопывается дверь. Наверное, следовало пойти за ним, но ноги мне не повиновались, уж так я радовалась, что не нахожусь с ним в одной комнате. Сердце стучало, кажется, очень громко. Наконец мое поле зрения как будто расширилось. Вон там стоит диван кремового цвета, а на нем кремового цвета подушка прикрывает пятно от какао, вечерами мы часто сидим там вместе с Лео. Вон там — кресло, где я обычно читаю, а рядом апельсиновое деревцо, оно сейчас цветет и распространяет дурманящий аромат, вон телевизор, стереосистема, Филиппова полка с дисками, рядом мои книжные полки. Вон подоконник, семейные фотографии в рамочках, на них Лео, Филипп и я. Ущипнула себя за руку, зачем, вот дура какая, теперь рука болит, хотя и как под анестезией, но все равно я чувствую боль, а также — почву под ногами. Все это реально, это происходит в действительности, это не мой страшный сон, не дверь, за которой скрывается чудовище, это не полтергейст, не ночной кошмар, сдавивший мою грудь и перехвативший мое дыхание, нет, и я не проснусь сейчас, пусть даже вся в поту и с заплывшими глазами, но зато и с облегчением. Меня никто не разбудит. Это все правда, это все здесь, со мной.

Истина

Наконец-то я в состоянии думать по-настоящему, а не под пристальным взглядом незнакомца, следящего за каждым моим движением. И тут же я догадалась, что следует предпринять.

От Бернарди и Ханзена помочи ждать не приходится, в этом я уже убедилась, но как насчет той статной блондинки, которая вручила мне визитку в аэропорту? Я порылась в сумочке, нашла и достала карточку: только ее имя — Барбара Петри — и номер телефона, то и другое напечатано прямым черным шрифтом. Набравшись духу, я набрала номер. Она отозвалась после второго звонка:

— Говорит Барбара Петри. Алло?

— Алло, это Зара Петерсен.

— Зара Петерсен! — В голосе ее звучало неподдельное изумление, вероятно, мне следовало сейчас предаваться наслаждениям в углере встречи, а не утруждать себя телефонными звонками. — Чем я могу вам помочь?

Пришлось мне откашляться, в горле пересохло так, что даже говорить было больно.

— Мне срочно требуется ваша помощь. Не могли бы вы заехать ко мне ненадолго?

— Что-то случилось?

Как объяснить ей, что случилось? Нужно, чтобы она восприняла мои слова всерьез.

— Понимаю, это звучит невероятно, — начала я. — Однако человек, которого вы и все остальные считают Филиппом Петерсеном, не есть Филипп Петерсен. Я не знаю, кто он, но это не мой муж.

В трубке молчание. Я ждала, когда она спросит, что произошло. Но вместо этого она сказала:

Мелани Раабе

— Немедленно выезжаю к вам.

Я поблагодарила, чувствуя, как глаза наполняются слезами облегчения, но живо их смахнула.

— Не за что благодарить, — ответила Петри. — Это же моя работа.

И она повесила трубку, раздались частые гудки.

Усевшись на диван, я снова принялась разглядывать парусник в рамке. Мне уже казалось, он плывет по волнам. Закрыла глаза.

И в ушах опять зазвучали восклицания фотографов. Господин Петерсен! Госпожа Петерсен! А потом голос Ханзена: «С вами все в порядке, госпожа Петерсен?»

Мысленно я унеслась далеко-далеко, вот и вспомнила, как Филипп всегда обращался ко мне «госпожа Петерсен», если я его чем-то раздражала или казалась ему слишком строгой, слишком серьезной. А я каждый раз чуть на стенку не лезла, мне не нравилась моя новая фамилия, нипочем я не могла по-настоящему привыкнуть к тому, что меня зовут так, как родителей Филиппа, а не как моих родителей. Когда речь заходила о том, надо ли нам носить общую фамилию, мы никак не могли договориться. Перед свадьбой ругались夜里 напролет, спорили об этом за красным вином и пиццей из картонной коробки. В конце концов Филипп предложил игру «камень — ножницы — бумага». И с тех пор мы всегда так и поступали, если не могли прийти к общему решению. Даже собирались таким способом давать имена будущим детям, потому что Филипп невозможно было отговорить от Артура для мальчика и Линды для девочки, а мне нравились Лео и Амели. Ну, в общем, по поводу моей девичьей фами-

Истина

лии мы сыграли в «камень — ножницы — бумага», и я проиграла. А проигрывать я никогда не умела.

Вспомнила я и одну из наших вылазок на берег Северного моря. Я была беременна на позднем сроке. Сидим мы на полотенце, вокруг песок, пахнет кремом для загара и морем, а мы спорим о какой-то ерунде. Наконец, Филипп в знак капитуляции поднял руки вверх со словами: «О'кей. Ты права, госпожа Петерсен. Давай прекратим этот спор».

Но тем самым он еще больше распалил мою жажду борьбы. «Вот видишь, — сказала я. — Тут дело такое, вот прямо как с этой фамилией». Филипп буквально застонал: «Ну, послушай, Зара! Опять эта старая тема? Уму непостижимо, что ты до сих пор меня упрекаешь. Мы сыграли в игру, ты не победила. Неужели надо опять и опять к этому возвращаться?» А я ему: «Тебе как-то удалось обвести меня вокруг пальца». Филипп сказал: «Ладно тебе, это уже смешно. В этой игре обмануть никого нельзя, в том-то все и дело». — «Разумеется, — иронизировала я. — Конечно, как же». Тут он по-настоящему возмутился: «Неужели ты думаешь, что я действительно способен на такое?» Я ответила: «Знаешь, ты попросту привык получать всегда и все, что ты захочешь. В этом, возможно, и нет твоей вины». — «Что ты хочешь этим сказать?!»

Я промолчала.

Но про себя решила, что сына в любом случае назову Лео.

Хорошо бы навсегда погрузиться в воспоминания об этом дне, проведенном нами на Северном море, какая тамссора, нессора... Но пора было возвращаться к реальности.

Мелани Раабе

Наверное, не стоило мне просто так сидеть, следовало отправиться на поиски того, кто не является моим мужем, но блуждает где-то там в моем доме. Но нет. Никаких действий вслепую, подумала я. Я понятия не имела, чего хочет от меня этот незнакомый человек, но вскоре это уже не будет моей проблемой. Надо продержаться, осталось совсем чуть-чуть. Только до тех пор, пока сюда не придет Барбара Петри. Лучше я просто посижу здесь, не двигаясь с места.

Не знаю, сколько времени я вот так смотрела в стену и ждала. Негодяй не показывался. А я уже дрожала всем телом от нетерпения. Долго я так не выдержу.

Куда он запропастился?

Незнакомец

Эта женщина здесь, неподалеку.
Говорит по телефону. Пока что подожду.

Мальчика здесь нет.
Это хорошо.

Я нахожусь в кухне.
Выпиваю стакан воды.
Достаю продукты из холодильника.
Голода не испытываю, но все равно ем.
Жую. Глотаю. Действую.

Путь был долгим. Но все-таки теперь я здесь. Могу действовать. Дойти до самой сути дела.
Я чувствую себя сильным.

Что бы ни предпринимала эта женщина, ей не удастся разрушить мой план.

Я нашла его на кухне. Там, где обыкновенно читала газету и пила кофе, где варила варенье, намазывала Лео бутерброды, а по вечерам сидела с ним за столом и слушала о том, как прошел день в школе, какая учительница сморозила глупость, о новеньком, который вообще-то абсолютно нормальный парень, о том, кто кого на школьном дворе поколотил, кто из одноклассников уже обзавелся смартфоном и сколько голов он, Лео, забил.

Когда я вошла в комнату, незнакомец посмотрел на меня совершенно осоловело. Похоже, он принял душ и переоделся, еще влажные волосы блестели, он был одет в черные джинсы и черную футболку. Сидел, откинувшись на стуле и положив ноги на стол. Мне знакома эта поза. Так делают все мужчины, когда хотят занять пространство, показать, кто здесь главный. Перед ним стояла открытая бутылка пива из холодильника и лежала ветчина, которую тот уплетал прямо из упаковки. От запаха мяса (его принесла Мириам, еще совсем недавно заходившая на завтрак) мне сделалось дурно. Приблизившись к незнакомцу, я позабыла обо всем, что хотела выложить.

Истина

— Зара, — сказал тот ласково. — Присядь, наконец! Он убрал ноги со стола и придвинул через стол ветчину, после чего снова сцепил за головой руки.

— Голодная?

Вообще-то не следовало бы отвечать, но, сама не зная почему, я сказала:

— Я не ем мяса. Так же, как и мой муж.

Человек рассмеялся.

— Вегетарианка с ветчиной в холодильнике, — съязвил он.

Но прежде чем я успела что-либо возразить, раздался звонок в дверь. Я облегченно вздохнула.

Самозванец вздрогнул, его глаза прищурились до щелок. Я как на крыльях поспешила к двери, чтобы впустить Барбару Петри. В коридоре налетела на сумку и чуть не споткнулась, подхватила, повесила в гардероб, одернула платье — и открыла дверь.

Барбара Петри, невзирая на жару за окном, выглядела с иголочки. Кажется, она относилась к тому типу людей, которые никогда не потеют.

— Госпожа Петри, спасибо, что так скоро пришли, — сказала я, протягивая гостью руку. — Заходите.

Пока мы направлялись в кухню, я пыталась привести в порядок мысли. Я знала: Петри тоже принадлежит к кризисному штабу, который занимался розысками Филиппа, и о котором сейчас вовсю трубила пресса — хотя Филипп так и не нашелся. Но фактом остается то, что ее отношения с мнимым Филиппом завязались не сегодня. Это она выходила с ним из самолета, сопровождала весь полет, а значит, знакомство их состоялось, скорее всего, уже за несколько дней.

Мелани Раабе

Она наверняка перелопатила целый ворох информации о моем муже, изучила его биографию и встретилась с ним при обстоятельствах в высшей степени эмоциональных, твердо полагая, что имеет дело с жертвой похищения, на долю которой выпало столько всего ужасного и которую теперь надобно окружить заботой. Интересно, как эти двое друг друга встретят.

— Он здесь, — сказала я, входя в комнату, и замолчала.

За кухонным столом сидел совершенно разбитый, изнуренный долгой дорогой мужчина. Он сидел, весь как-то обмякнув, улыбался Барбаре Петри едва заметной, но искренней улыбкой, и от этого казался слабым, почти хрупким. Пиво и ветчина словно испарились, только едва уловимый запах копченого мяса висел в воздухе.

— Барбара, — сказал он, и голос его звучал так сладчаво, что меня чуть не вывернуло.

Он поднялся, медленно, словно страдая от боли. Сеточка морщинок показалась вокруг его глаз, когда он протягивал Петри руку, и та тоже улыбалась, видимо, совершенно сраженная его обаянием, его теплотой, всецело им очарованная. Тут я заметила, что и Барбара Петри была во всем черном, две черные фигуры против моей, в белом платьице. Настоящая шахматная партия. Сделав над собой усилие, я снова взяла ситуацию под контроль и проговорила:

— Присаживайтесь.

— Благодарю, — отклинулась Барбара Петри и села, повесив свою элегантную сумочку на спинку стула.

Истина

На секунду она повернулась к незнакомцу спиной. Тут же его ледяной взгляд резанул меня словно пуля, но когда Петри снова обратилась к нему, лицо сияло прежним радушием.

И вот мы сидим за столом. Барбара Петри во главе, незнакомец и я — друг напротив друга, по сторонам. В кухне тепло, через большое окно, выходящее в сад, лился солнечный свет, я посмотрела на улицу, и моему мимолетному взгляду предстала в натюрморте тихая летняя идиллия. Но вот в комнату влетел шмель, и я подумала: не так уж и тихо. Ворон, тем не менее, уже не видать. Я заставила себя вернуться к действительности.

Перед каждым стояли кофе и стакан воды. Мы как будто вели непринужденную беседу за чашечкой кофе. Во всяком случае, так могло показаться со стороны. Да и что тут особенно решать, дело-то верное и разрешится быстро: ведь он мне не муж. Какого черта понадобилось самозванцу в моем доме? Никакого посредника, честно сказать, и не нужно, нужен только человек, который выпроводил бы этого негодяя, чтобы я его больше никогда не видела и наконец-то могла жить своей жизнью.

Я наблюдала за тем, как незнакомец с невозмутимым видом заправил свой кофе изрядной порцией молока, бухнул три ложки сахара и основательно перемешал. И теперь маленькими глотками пил всю эту баланду, должно быть, невообразимо сладкую. Петри к черному кофе не притрагивалась и пила только воду, как птичка.

— Итак, давайте еще раз с самого начала, — сказала она. — Чем конкретно я могу помочь?

Мелани Раабе

Взгляд Петри остановился на мне, и я почувствовала, будто сижу перед экзаменационной комиссией. Учащенное биение сердца, красные уши, страх ляпнуть что-нибудь не то, а ведь я все выучила назубок — слова, формулы, времена года.

Я подавила вздох сожаления: ей же изложили суть проблемы по телефону. Только, похоже, Петри нисколечки не хотела мне верить. Однако она здесь. А значит, отнеслась к моим словам серьезно. Я взяла себя в руки, они ни в коем случае не должны усомниться в моем благородстве.

— Сперва мне хотелось бы вас искренне поблагодарить за то, что вы пришли, — сказала я. — Все получилось так быстро и без каких-либо осложнений, просто потрясающе.

Женщина одарила меня улыбкой, которая в ее глазах не отразилась. Что творится в этой головке? Я не спешила, осознавая, что сейчас особенно важно подобрать нужные слова. Несколько секунд рассматривала свои руки, — вот они, лежат передо мной на столе, взгляд скользнул по обручальному кольцу. У самозванца его не было, это привлекло мое внимание еще в машине. Я набрала побольше воздуху.

— Я понимаю, то, что вы сейчас услышите, прозвучит, наверно, совершенно невероятно. И я понимаю, мы с вами не знакомы и вам трудно судить, насколько мне можно доверять. Но уверяю вас, этот человек — не Филипп Петерсен. Он похож на Филиппа, не отрицаю. Но не до такой степени, чтобы я умудрилась их перепутать; это подтвердит вам каждый, кто знает Филиппа лично.

Незнакомец сидел неподвижно, молча уставившись в стол, один раз мотнул головой, словно не мог уразу-

Истина

меть, что за глупости я несу. Барбара Петри открыла было рот, но я предупредила ее. И так понятно, что она собиралась сказать. Дескать, личность «моего супруга», естественно, установлена, и ничего удивительного, что вся ситуация для меня как снег на голову. Такая реакция абсолютно нормальна, и она уже не в первый раз с подобным сталкивается. Мне меньше всего хотелось выслушивать эту официозную трепотню по второму кругу. И уж тем более не хотелось успокаиваться.

— Полагаю, мне не нужно вам говорить, что мой муж человек довольно высокого достатка. И вы наверняка понимаете: для преступных элементов факт этот особенно соблазнителен. А потому позволю себе выразить надежду, что к моему заявлению о том, что это не мой муж, а мошенник, отнесутся серьезно!

Какое-то время Барбара Петри, казалось, пребывала в замешательстве.

— Какой мне резон говорить неправду? — спросила я.

Незнакомец нарочито засопел, но ни я, ни Барбара Петри не обратили на это внимания.

— Хорошо, — согласилась Барбара Петри, не вдаваясь в детали. — Может, вы расскажете поподробнее о ваших сомнениях?

Краем глаза я увидела, что незнакомец оторвал взгляд от деревянного стола и посмотрел на меня.

— У меня нет на этот счет ни малейших сомнений, — заявила я, с трудом сдерживаясь, чтобы не сорваться на крик. — Я уверена. Что тут еще доказывать! Это не мой муж! Так к чему, скажите, весь этот цирк? Тут нечего обсуждать!

Пальцы Барбары Петри потянулись к вискам, словно у нее разболелась голова и она собиралась снять боль

Мелани Раабе

массажем. Но, заметив свой невольный жест, она опомнилась и снова положила руки на стол. Я поняла, что явилась для Петри разочарованием. Допустим, она была готова мне поверить, но ей требовалось доказательства.

Я вздрогнула, когда самозванец неожиданно взял слово.

— Вот ты заявила только что, будто всякий, кто меня знает, сразу поймет, что я не Филипп, — сказал он и перевел взгляд от меня на Петри и снова ко мне. — А что если кого-нибудь спросить? Кого-нибудь из тех, кто знает меня. Тогда ты успокоишься?

Я буквально теряю рассудок, когда этот человек мне тыкает, когда ведет себя так, будто мы друг с другом знакомы. Весь этот бред становится просто невыносимым.

— Ничто, ничего не заставит меня поверить, что вы Филипп Петерсен.

И это были не просто слова, это был настоящий плевок в лицо. Разумеется, он обо мне осведомлен, знает, что у меня нет семьи, что мы с Лео живем одни, подлец! Слова мои едва отзвучали, а я уже ощутила, что дала маху. Этот хитроумный негодяй только что сделал Барбаре предложение, и очень даже конструктивное, но я его отклонила. Я не решилась его принять, а значит, испугалась, и меня сочтут неправой.

— Но в принципе я, конечно, за, — поспешилоправилась я, обратившись к Петри.

На незнакомца я старалась не смотреть.

— Все равно, кого спрашивать, каждый подтвердит, что это не мой муж.

На несколько секунд воцарилась тишина.

— Хорошо, будь по-вашему, — наконец решилась Петри. — Кого вы предлагаете?

Истина

Теперь дело в шляпе. Чувство, похожее на облегчение, разлилось по мне. Почему я раньше об этом не додумалась? В чем же тогда загвоздка? Отец Филиппа умер, мать Констанция не в счет. Его прежних коллег я почти не знаю, но я знаю Иоганна! Улыбка облегчения озарила мое лицо, но в ту же секунду незнакомец спросил:

— Как насчет Иоганна?

В совершенном замешательстве я посмотрела на него. Он знает Иоганна? Откуда он его знает, с какой стати он в курсе?

— Кто такой Иоганн? — спросила Барbara Петри.

— Иоганн Кербер, старый друг семьи, после смерти отца взял меня под свое покровительство, — выпалил мошенник. — И Зара, я знаю, также ему доверяет. По крайней мере, доверяла раньше.

Внутри меня все оборвалось, разбралось на миллионы кусочков, но я не позволила ни одному выпасть наружу и наконец-то выдавила:

— Иоганн в отъезде. Он сейчас по делам в Китае. Я уже много раз пыталась ему дозвониться, хотела сказать, что Филипп жив, но мне так и не удалось с ним поговорить.

— Когда он возвращается? — спросила Петри.

— В офисе сказали: через три дня. Но я не могу ждать так долго!

— Нет, конечно, нет. Ведь упомянутый Иоганн, наверное, не единственный, кто может подтвердить личность вашего мужа.

— Это не мой муж, — упорствовала я.

Только не сдаваться, раздражают мои слова Барбару Петри или нет — до лампочки. Это не моя проблема, а ее.

Мелани Раабе

— Хорошо, — сказала она. — Наверняка есть еще кто-нибудь, кто помог бы нам... — она помедлила, — разобраться в этом деле.

Я опять подумала о матери Филиппа, единственной родственнице, не считая нас с Лео, но та даже себя в зеркале не узнала бы. Никто больше в голову не приходил. Не было никого, кто знал бы его достаточно близко — ни в семье, ни на работе. Разумеется, имелись коллеги, с которыми он тесно работал. Но сумеют ли они удержать язык за зубами перед журналистами? И вообще, что за бред? Неужели моего слова недостаточно?

Я не отвечала, и Барбара Петри тяжело вздохнула. Кажется, она уже жалела, что пришла. Вдруг у меня во рту скопилась солоноватая слюна.

— Простите, я на секундочку, — прохрипела я.

Барбара Петри и самозванец молчали.

Я выходила из кухни с высоко поднятой головой, но как только скрылась из их поля зрения, как угоревшая кинулась в ванную. Захлопнула за собой дверь.

Уже во второй раз за сегодняшний день я опустилась на колени перед унитазом и изрыгнула из себя резкие болезненные фонтаны. Потом сполоснула рот и уставилась на свое отражение, опираясь о край раковины. Глаза мои чернели от ярости.

Не со мной, подумала я. Ведь я уже натерпелась достаточно, и самого разного. Самого разного. Пожалуйста, не со мной.

Незнакомец

Расположить к себе других людей — пустяковое дело. Я сижу, согнувшись в три погибели. Так человек делается еще меньше. Не столь устрашающим. Подчеркивается его физическая усталость. Я потираю глаза, как будто они слипаются против моей воли, несколько раз моргаю, потом поднимаю взгляд и бесстрашно улыбаюсь.

Действовать. Избавиться от Барбары Петри, а там видно будет, что дальше.

— Что здесь происходит? — спросила она, понизив голос.

— Моей жене нездоровится, — ответил я неопределенно. — Я думаю, она сегодня пережила большое эмоциональное напряжение. Все, что ей нужно, это немного покоя.

Петри наморщила лоб.

— Похоже, вы не слишком удивлены поведением вашей жены.

— Увы, вы правы, — согласился я с тихим вздохом. — Меня это нисколько не удивляет.

— С ней уже такое случалось?

Я кивнул и уверенно соврал:

Мелани Раабе

— Да. И не раз, к сожалению. Но вы не беспокойтесь. Я знаю, что делать.

Выражение лица у Барбары Петри непроницаемое.

— Я бы не хотела, чтобы вы брали на себя слишком много. Вам и самому нужен покой.

— Со мной все в порядке, — сказал я. — Я только об одном хочу вас попросить: обещайте никому ничего не рассказывать. Мне было бы очень неприятно, и Заре — как только она придет в себя — тем более.

В течение секунды Барбара Петри выдерживала мой умоляющий взгляд, но потом смягчилась.

Вот оно, сострадание. Хорошо.

— Само собой, разумеется, — ответила она и одарила меня легкой улыбкой. — Разумеется.

Мой взгляд неожиданно скользнул в сторону ванны, белоснежной как цветок лотоса, и в воображении вспыхнула одна картина. Мы с Филиппом принимаем ванну, на бортике — пиво для него, яблочный сок для меня. Я беременна, и мой живот горой вздымается над пеной. Филипп, дурашливый. Счастливый. Темные глаза, ямочки на щеках, в течение нескольких секунд вижу его как наяву: он делает глоток из бутылки, в то время как пена миллиардами пузырьков стекает по его груди и...

Почему мне это не пришло в голову раньше?

Я вышла из ванной и поспешила на кухню.

— Вы скучали по семье, но чего еще вам больше всего не хватало? — долетел до меня голос Петры.

— Шницеля и шнапса, — ответил незнакомец, и Барбара Петри рассмеялась.

Я оставила этого хитреца с ней наедине минут на пять, не больше, но он уже умудрился запудрить ей мозги.

Они как будто вели непринужденную беседу за чашечкой кофе. Меня захлестнула новая волна раздражения.

Мелани Раабе

— Хотелось бы задать этому человеку несколько вопросов, — с ходу заявила я.

Вертикальная морщина прорезала лоб Барбары Петри. Она перевела вопросительный взгляд на минимого Филиппа. Тот медлил.

— Думаю, это не такая уж плохая идея, — бросил он, и от его наигранного тона, якобы исполненного понимания, мне сделалось совсем тошно. — Может, Заре полегчает, если я отвечу на некоторые вопросы.

Он провел рукой по лицу:

— Я только смертельно устал. Вся эта нервотрепка, долгий перелет, джетлаг...

Он выжимал слова по каплям.

— Вы не обязаны этого делать, — сказала Петри с сочувствием. — Ваше желание сперва отдохнуть совершенно оправданно и законно. После всего, что вы пережили.

Упрека в ее голосе не услышал бы только глухой, и я очень хорошо поняла — относился он ко мне. Надо ее убедить, но я опять начала нервничать. Если этот человек знает об Иоганне, значит, он и о Филиппе осведомлен — и обо мне?

— Все в порядке. Это поможет делу — вот что главное.

— Ну хорошо, — согласилась Петри.

Самозванец смотрел на меня вызывающе. Я сделала большой глоток кофе, но, как ни тяни время, стратегию на ходу не разработать. И тогда я стала задавать прямые вопросы.

— День рождения Филиппа?

— Я родился 27 января, — выпалил незнакомец как из пистолета и самодовольно добавил: — В один день с Моцартом.

Истина

Ну, это элементарно. Узнать такое очень просто, только набери в Гугле. Но это еще только разминка.

— Когда родился Лео? — продолжила я допрос.

Негодяй улыбнулся, но и на этот вопрос ответил высокомерно.

— Мне все еще не верится, что его следующий день рождения мы отпразднуем вместе, — добавил он. — Я думал об этом каждый год, когда...

— Когда мы с Филиппом поженились? — перебила я, не позволяя самозванцу говорить о моем сыне.

Он посмотрел на меня как будто в замешательстве, но в конце концов ответил:

— В начале лета.

— Я хочу услышать число, — настаивала я.

— Господи.

Он испугался по-настоящему. Растрепанно смотрел то на чиновницу, то на меня.

— Господи, я больше не знаю. Я... нет, знаю, но только не могу вспомнить. Я...

— Что было на мне в день свадьбы? — продолжила я, даже не думая ослаблять хватку.

Он плавал, и это хорошо.

— Где была свадьба?

— Я... — Он запнулся, опустил голову и нервно провел рукой по волосам. — Проклятие, я слишком устал.

— Какие песни звучали? — спросила я.

Незнакомец молчал.

«High and Dry» «Radiohead», думала я. Сначала имитатор Элвиса пел «Love Me Tender», а потом бэнд играл «High and Dry». Воспоминание окутало меня своей тенью, сдавило горло, но распускать юни было непозволительно, не сейчас, не сейчас.

Мелани Раабе

Барбара Петри вздохнула. Кажется, она начинала понимать бессмысленность всей затеи.

— Я думаю, достаточно, — заявила она.

— Нет! — крикнула я.

Петри встала, давая понять, что вся эта история ей порядком наскучила.

— Госпожа Петерсен, у меня такое чувство, что вас не переубедить, на сколько бы вопросов ваш муж ни ответил, — заявила она.

— Это не мой муж, — ответила я и тоже поднялась.

Тон мой и впрямь был слишком непримиримый, я сама это чувствовала, но у меня не оставалось выбора.

— Помогите! — попросила я.

Петри как будто задумалась. Потом едва заметно кивнула.

— Господин Петерсен, — наконец-то обратилась она к самозванцу, тот тоже теперь стоял. — Предлагаю вам для начала поехать со мной. До выяснения обстоятельств дела мы разместим вас в гостинице, а потом вы сможете...

— Нет, — возразил тот.

Петри удивленно подняла брови.

— Этот дом является фамильной собственностью уже на протяжении нескольких поколений, — заявил мнимый Филипп. — Сегодня я в первый раз за семь лет переступил его порог. И больше никуда не пойду и ни в какой гостинице спать не собираюсь.

Барбара Петри несколько секунд взвешивала услышанное, потом кивнула.

— Госпожа Петерсен, — в конце концов обратилась она ко мне, и в ее тоне зазвучали извиняющиеся нотки. — Не могли бы вы провести эту ночь в другом месте?

Истина

Я недоуменно на нее уставилась. Растряянности моей не было предела. Она вообще в своем уме? Нужели и впрямь считает, что я так запросто уйду из дома, а этот чужой человек останется?

— Нет, — отрезала я.

Гостья подавила очередной зевок и подвела черту:

— С учетом всех обстоятельств не думаю, что это хорошая идея, если оба вы останетесь здесь.

— Тогда уведите отсюда этого человека! — сказала я.

— Прошу вас, прислушайтесь к голосу разума, — начала Барбара Петри, но я не знала, обращены ли ее слова ко мне, к самозванцу или же к нам обоим, и потому отключилась.

Настало время выложить джокер.

— Я хочу увидеть родимое пятно, — заявила я.

Петри повернулась ко мне:

— Какое еще родимое пятно?

— У моего мужа на груди было родимое пятно, очень необычное и заметное, — разъяснила я.

Теперь-то он попался.

Кажется, Барбара Петри не совсем понимала, как лучше всего повести себя в этой ситуации.

— Даже не знаю, — обратилась она к незнакомцу. — Не могли бы вы...

— Пожалуй, с меня хватит, это зашло уже слишком далеко, — накинулся на нее тот. — Прикажете еще теперь и перед вами раздеваться?

Его глаза метнули черные искры.

— Пардон, — сказала Петри. — Не хотела задеть вас за живое. Я подумала, так, наверное, проще всего доказать вашей жене...

Мелани Раабе

— Сегодня я впервые за семь лет ступил на немецкую землю, — перебил ее самозванец. — Я уже сорок восемь часов на ногах. Устал как собака.

Он почти сорвался на крик, лицо побагровело.

— И надеюсь, дамы поймут, что сейчас мне не до стриптиза.

Барбара Петри побледнела. В первый раз ей стало не по себе. Она забормотала невнятные извинения.

Проклятие.

В течение нескольких секунд царило молчание.

Думай, Зара!

— Я провожу вас до дверей, — произнес, наконец, незнакомец.

Барбара Петри, похоже, не знала, что делать.

Думай, Зара, думай!

Я видела, как повернулась Барбара Петри, собираясь идти, и тут меня осенило. Ну конечно же!

— Я настаиваю на генном teste! — выпалила я и с торжеством отметила, как, открыв рот, смотрит на меня этот прохвост.

— Генний тест проводится только с добровольного согласия, — вставила свое слово Барбара Петри.

Я наблюдала за незнакомцем, он за мной, прошла целая вечность, и еще одна, и еще, после чего он сказал:

— Я согласен.

Незнакомец

Филипп Петерсен родился 27 января 1976 года в Гамбурге.

Зара Петерсен, в девичестве Вагнер, появилась на свет 4 апреля 1978 года в Кельне.

Дата рождения Лео Петерсена, единственного ребенка от этого брака, 28 августа 2006 года.

18 мая день рождения Констанции, матери Филиппа Петерсена. Отец Филиппа Петерсена, которого также звали Филипп, родился 11 ноября и умер в сочельник 2002 года.

Зара Вагнер и Филипп Петерсен познакомились друг с другом 2 августа.

27 января также отмечается не только день рождения Моцарта, но и годовщина освобождения Освенцима.

4 апреля 1968 года, ровно за десять лет до появления на свет Зары Петерсон, в Мемфисе был застрелен Мартин Лютер Кинг.

Лео Петерсен родился в один день с Гете.

Я всегда был силен в датах. И разумеется, знаю, что мы поженились 11 апреля. Нет, число я не забыл.

Я просто не хотел, чтобы Барбара Петри подумала, будто я выучил семейную хронику наизусть, вот и все.

Перед моими глазами качался парусник. Вперед, назад, вперед, назад — бесконечное движение на черно-белом пунктире волн. Вялость одолела меня, словно я плыла в ореховой скорлупе по открытому морю, голова кружилась так, что пришлось отвести глаза. Стало теплее, свет, льющийся с улицы, изменился, он уже не так ослепительно ярок и напоминает о том, что скоро наступит вечер.

Но как провести ночь под одной крышей с этим человеком!

Я сидела в любимом кресле, подтянув ноги, и пыталаась успокоиться. Мысли мои все время возвращались к самозванцу, который все еще находился здесь, в доме, и к Барбаре Петри.

Когда этот прохвост согласился на генный тест, я словно впала в ступор. Не знала, как мне реагировать. Наверное, пришла в ужас, потеряла всякий контроль над собой. Надменная ухмылка незнакомца. Удивленно вздернутые брови Барбары Петри, которая теперь смотрела на меня с нескрываемым недоверием. Вся ситуация в одну секунду изменилась. Если сначала чиновница не исключала моей правоты, то согласие минного Филиппа на генный тест повернуло всю ситуацию

Истина

в совершенно иное русло. Шанс был упущен. От отчаяния захотелось опрокинуть стол, но я, конечно, сдержалась. С трудом нашла силы и что-то пролепетала, уж не знаю, что именно. Мысли мои кружились вокруг одного: возможно ли это, почему он дал согласие?

Барбара Петри и самозванец, словно по обоюдному уговору, одновременно направились к двери, на несколько секунд тело мое вышло из-под контроля, а когда я очнулась, было уже слишком поздно и оставалось только поспешить за ними — и это в моем собственном доме. Он понизил голос до доверительного шепота.

— Прошу вас, простите меня, Барбара. Моей жене и в самом деле нехорошо. Я могу на вас положиться...

А потом голос Петри, вдруг такой медоточивый, словно они находились здесь только вдвоем.

— Не волнуйтесь, господин Петерсен. От меня никто ничего не узнает, если вам так угодно.

И я поняла: он все-таки добился своего.

Теперь она у него на крючке.

— Благодарю вас, — сказал он так спокойно, так задушевно, так тихо.

Я пребывала в полной растерянности. Думала: черт побери, а он неплох.

Когда Барбара Петри ушла, я снова попыталась выставить самозванца из дома, но он просто сказал «нет» и покинул комнату.

Он один из тех зверей, которые вторгаются в чужую экосистему и разрушают ее изнутри.

На коленях моих лежала книга, я взяла ее с полки бессознательно, наугад. Раньше я частенько играла в эту игру, брала вслепую книгу с полки и потом в нетерпении открывала глаза, — проверить, к какому

Мелани Раабе

что ву привела меня судьба, а потом гадать, какие послания от вселенной или от моего подсознания зашифрованы в этом выборе. Литературный гороскоп, так сказать. Вытяни я «В дороге» Джека Керуака, значит, пора отправляться в путешествие, «Фауст» Гете указывал на предстоящее важное решение, «Бойцовский клуб» Чака Паланика — определенно к ссоре. Иные книги не поддавались однозначной трактовке. «Над пропастью во ржи», к примеру, или «Мастер и Маргарита». Другие же, как «Невыносимая легкость бытия» Кундеры, напротив, всегда попадали в точку. Мои книги занимают всю стену в гостиной, я люблю их, они мне нужны. Все это малые самостоятельные вселенные за корешком переплета, я с удовольствием погружаюсь в них, если чувствую в своей жизни какую-то фальшь. Я обращаюсь к книгам, когда мне становится мало моего мира, или он ускользает, или несет боль и потери.

На моих коленях лежал том Достоевского, «Преступление и наказание». Я фыркнула, как только поняла, за что схватилась, встала, вернула книгу на место, протянула руку, чтобы дотянуться до верхних полок, не глядя, провела указательным пальцем по корешкам, наконец, выбор пал, выуживаю — Кафка, «Процесс». Тянусь еще дальше, беру соседний том, смотрю на переплет — Кафка, «Приговор».

Я убрала книги на место. Хватит уже в игры играть, пора обратиться к действительности.

Мои глаза остановились на рояле. Когда мы только переехали, Филипп часто играл. Но потом работа, в которую он погружался все самозабвеннее, с каждым разом отнимала все больше времени, обычно отводи-

Истина

мого для музицирования. Органический звук все чаще заменяли любимые группы на виниле. Я вспомнила тот день, когда он в первый раз мне играл — что-то очень милое, воздушное, кажется, Моцарта. Слушать его было наслаждением. В какой-то момент Филипп подвинулся и постучал ладонью по банкетке, приглашая к нему присоединиться. Я подсела, и он стал рассказывать, как устроен инструмент, а я радовалась за него, радовалась его ямочкам на щеках, которые появлялись всякий раз, когда он испытывал удовлетворение. Легкая Филиппова улыбка — признак всецелого довольства собой. Он научил меня какой-то вещице, совсем незамысловатой, мы могли играть ее вдвоем, и все, что от меня требовалось, — это лишь нажимать в нужный момент на одну клавишу. Мы хихикали, раз-другой я оплощала, это было так чудесно. Разумеется, в детстве я тоже несколько лет брала уроки фортепиано и с закрытыми глазами могла сыграть «Собачий вальс», но Филиппу я не обмолвилась об этом ни слова. Ему слишком нравилось обучать меня, нравилось быть экспертом. Часто я только притворялась, дескать, чего-то не знаю или не могу, ведь он с таким вдохновением показывал и растолковывал мне разные вещи. Объяснял, как менять колеса на автомобиле. Или управляться с дрелью. Как понимать классическую музыку или современное искусство. Я постоянно приижала себя, потому что тем самым возвышала его, и делала это с удовольствием. Какая глупость, по прошествии времени думала я.

Но тут явилось озарение, и я вскочила. Рояль! Как же мне это раньше не приходило в голову, пока Барбара Петри еще здесь торчала, разозлилась я на себя.

Мелани Раабе

Рояль его разоблачит! Неужто он играет так же хорошо, как Филипп, насколько велика такая вероятность? Он, конечно, ловкач и может вежливо отказаться, как только что отказался признавать родимое пятно.

Вся надежда теперь — на генный тест. Но придется запастись терпением. Барбара Петри «этим займется», так она сказала, прежде чем наконец-то покинула мой дом, короче говоря, надо «несколько дней подождать». Разумнее всего сейчас, наверное, вообще с этим человеком не пересекаться. Но тут в моем воображении всплыла увиденная давеча картина. Как негодяй сидит, развалившись, у меня на кухне и пьет пиво. И все мое существо мгновенно получило новый заряд энергии. Этот тип не должен вообразить, что ему позволительно здесь поселиться.

Молнией взлетела я через две ступеньки на верхний этаж, где скрылся незнакомец.

И там остановилась. Где же он? Меня инстинктивно потянуло в комнату для гостей. Когда бы я сюда ни заходила, проветрить или вытереть пыль, мне всегда немного не по себе, здесь, как и в других нежилых комнатах особняка с их странным запахом, веяло тревогой, как и ото всего, что не выполняет своего назначения. Если где-то и обитали духи, тогда тут. Комнатенка крошечная, окно выходит в сад, кроме кровати,очной тумбочки, небольшого платяного шкафа и журнального столика там ничего не увидишь, да и зачем — у меня же никогда не бывает гостей.

Я рванула дверь и, хотя ожидала найти его здесь, все равно испугалась, столкнувшись с этим человеком лицом к лицу.

Истина

Я успела заметить, как он бросил что-то в кожаную сумку и резким движением застегнул «молнию». Сумка стояла на кровати.

— Что там у вас? — сразу насторожилась я.

— Не понял?

— Что вы только что спрятали в сумке?

— Ничего, — сказал самозванец, не глядя на меня.

— Оружие?

Он фыркнул.

— Конечно же, нет! Зара, прошу тебя!

— Можно взглянуть? — спросила я и подалась вперед, к сумке, но путь мне преградили.

— Что это значит? — спросил он.

— Ничего. Просто я чувствовала бы себя гораздо спокойнее, если бы знала, что вы только что спрятали в сумку.

— Ты ради этого явилась сюда? Чтобы обыскать мою сумку?

— Нет, — ответила я. — Я пришла спросить, не поиграете ли вы мне на рояле.

Я изо всех сил старалась скрыть ликовение в голосе.

— Я не понимаю, — сказал самозванец.

— А что тут непонятного? Филипп часто и всегда с большим удовольствием играл на рояле. И раз уж вы выдаете себя за Филиппа, я подумала, было бы чудесно, если бы вы для меня что-нибудь сыграли.

Самозванец побелел как полотно. Нависла тишина. И она ширилась и пульсировала.

— Что скажете? Будем музенировать или как?

Самозванец застыл этаким каменным монолитом. Меня страшно злило его напускное превосходство, его отчаянное равнодушие ко всему, что я говорила,

Мелани Раабе

злило и то, что он возомнил, будто может вот так за-
просто поселиться в комнате для гостей. Я опять шаг-
нула вперед, взяла вправо, снова пытаясь добраться
до сумки, и на этот раз мне это удалось, я дернула
«молнию».

То, что произошло потом, произошло невероятно
быстро, за какие-то доли секунды.

Одним прыжком незнакомец оказался рядом и
вырвал у меня из рук сумку, та скользнула на пол.

— Не тронь мои вещи! — заорал он так громко, что
в левом ухе у меня запищало, я почувствовала на лице
его дыхание, настолько близко он ко мне подступил.

— Руки прочь от моих вещей! — снова заорал он,
схватил деревянный ночной столик, стоявший посре-
ди комнаты, и запустил его в стену. Дерево растреска-
лось как косточки, когда столик с грохотом упал на
пол. С отломанными ножками он походил теперь на
раненого зверя. Треск и грохот сменила оглушитель-
ная тишина.

Я, не отрываясь, смотрела на самозванца. Тот тя-
жело дышал. Что-то архаическое прочитывалось в его
взгляде, из-за огромных зрачков глаза его казались
абсолютно черными. Ни разу, еще ни разу в жизни я
не сталкивалась с такой яростью.

— Тебе лучше уйти, — нарушил он тишину.

Спокойствие снова вернулось к нему. Но из-за
этого угроза в его голосе казалась еще более тре-
вожной.

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы
оправиться от шока. Еще за секунду до взрыва этот
человек производил впечатление хладнокровного и
невозмутимого. Отсюда напрашивался вывод: я име-
ла дело с совершенно непредсказуемым типом.

Истина

Я гордо вскинула голову, подняла подбородок. Конечно, психика моя надломлена, но чтобы меня терроризировали в собственном доме — такого я не допущу.

— Думаете, вам удастся обратить меня в бегство? Ошибаетесь! Это мой дом, — выдала я.

Самозванец пристально на меня посмотрел, но выражение его лица оставалось неопределенным. Потом он начал бормотать.

Прозвучало что-то вроде «мания, лабильный» и еще другое, совсем невнятное.

Я наблюдала за ним, больше ничего не оставалось. Присутствие этого человека сообщало мне все возрастающую тревогу.

— Ты ведь и вправду ничего не понимаешь? — спросил тот угрюмо. Его темные глаза угрожающе сверкнули. — Ты понятия не имеешь, что происходит.

Я действительно не разумела, куда он клонит, но уже было все равно.

— Не извиняйтесь, не стоит себя утруждать, — фыркнула я. — Это вы не знаете. Вы не знаете, с кем имеете дело!

— Ты истеричка, — проговорил он с наслаждением. — Видела бы ты себя! Если намерена продолжать в том же духе, то загремишь в психушку! Ты хоть это осознаешь?

Холод крепко сковал меня, я почувствовала во рту металлический привкус. Посмотрела наглецу прямо в глаза.

— Надеюсь, ты не думаешь мне угрожать! — сказала я. — Мне прекрасно известно, что творится в твоем мозгу. Ты видишь маленькую, хрупкую женщину. Иде-

Мелани Раабе

альная жертва. Но ты даже не представляешь, с кем имеешь дело. Эта женщина после исчезновения мужа на протяжении шести месяцев просыпалась ночью каждый час и тем не менее не взяла на работе ни одного отгула. Ты разговариваешь с женщиной, которая в прошлом году пять раз участвовала в триатлоне. С женщиной, которая вмешивается, если в метро начинается потасовка, а все только стоят и глазеют. Эта женщина, не задумываясь, ампутировала бы себе ногу, чтобы спасти ребенка, и это не ради красного словца. Вот с такой женщиной ты связался. Это я. И скажу только одно: я тебя не боюсь. Я попадала в переделки и похуже.

Я холодна, как звездная январская ночь на Эльбе.

— Я не знаю, кто тебя послал. Не знаю, почему ты делаешь то, что ты делаешь. Но поверь мне: ты еще пожалеешь, что явился сюда.

Он смотрел на меня, не говоря ни слова.

— Ну так как? — повторила я свой вопрос. — Что с этим чертовым роялем?

Самозванец молчал. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Казалось, он вот-вот заявит: я никуда не пойду.

В бессилии я выбежала из комнаты, спустилась по лестнице вниз, села в гостиной за рояль, открыла крышку и неистово заколотила по клавишам. Это были страшные звуки, диссонирующие и прекрасные, в них передались вся моя ярость и отчаяние, я колотила, пока не начала задыхаться, пока не загудело в ушах и не онемели руки, колотила до полного изнеможения.

Потом я встала, но струны несколько секунд еще продолжали звучать. Хватит. Баста. Пусть пишут в газетах что хотят, плевать. Я больше не желаю видеть этого человека.

Истина

— Или вы немедленно покинете этот дом, — закричала я так, чтобы меня услышали наверху. — Или я вызову полицию!

Не дожидаясь ответа, я вернулась в гостиную и только взяла трубку, как снова увидела его. Внутренне я уже была готова к тому, что сейчас на меня набросятся, выхватят телефон, но самозванец по-прежнему стоял в дверях и не двигался, его лицо сохраняло самое невозмутимое выражение.

— Только попробуй! Давай! — крикнул он и дерзко на меня посмотрел. — Но если ты вызовешь полицию, то все потеряешь. Дом, работу, ребенка, всю свою жизнь.

На несколько секунд я засомневалась.

Кто знает, что ему известно.

Я смотрела в его глаза. Целую вечность, еще одну, и еще. Он выдержал мой взгляд.

Нет.

Он блефует.

Я стала набирать номер.

— А может, это и не твоя вина, — сказал он. — Может, полиция тебе даже поверит.

Я снова остановила на нем свой взгляд, на этот раз недоуменный. И как будто почувствовала внутри движение. Что-то высвобождалось, поднималось на поверхность, что-то злое. Я стояла перед дверью. За ней послышался грохот. На долю секунды мои глаза застила чернота, за которой не было уже ничего. Только темнота, черная ночь, дверь, глухой удар, Филипп. И кровь. Кровь на моих руках.

Я с трудом заставила себя открыть глаза, тело мое сделалось невесомым, только бы не упасть в обморок, я боролась изо всех сил и вроде как пребывала пока в сознании.

Мелани Раабе

Что это было?

Из горла вылетел звук, совершенно незнакомый.
Во рту пересохло.

Негодяй разглядывал меня.

Что он хочет?

Я увидела в своей руке телефон.

Увидела, как рука с телефоном опустилась.
Медленно.

Я отложила трубку в сторону.

Осторожно.

Чужак смотрел на меня еще несколько секунд, по-
том ушел.

Незнакомец

Я один. Это хорошо. Я заряжаю свои аккумуляторы. Я перенастраиваюсь. Осознаю, что у меня есть причина находиться здесь. Набираюсь сил. По поводу полиции можно больше не беспокоиться. Эта женщина все поняла. Если мне придется погибнуть, я возьму ее с собой.

Женщина осталась там стоять, за мной не последовала. Я достаю из сумки необходимые принадлежности. Бесшумно открываю дверь и направляюсь к ванной комнате в конце коридора, вхожу, закрываюсь. Встаю у раковины, рассматриваю в зеркале свое лицо.

Говорю: Филипп Петерсен. Волей-неволей начинаю смеяться и сам почти пугаюсь этого звука, ведь я не смеюсь никогда. Точнее, только тогда, когда это служит определенной цели: кого-то успокоить, выразить согласие или сигнал о своей принадлежности к обществу, снять напряжение, и все такое прочее.

Раскладываю предметы по местам, встряхиваю тубу с пеной для бритья. Затем начинаю сбривать бороду, которую отрастил за последние месяцы. Закончив, я разглядываю представшее мне после бритья лицо.

Мелани Раабе

...Вернувшись в комнату, которую я занял, начинаю размышлять. До сих пор мои действия были обусловлены поведением этой женщины. Теперь пора мне поступать, а не отступать. Мобильный телефон лежит в сумке. Включаю. Набираю. Долгие гудки. Разъединяюсь. Снова набираю. Ничего. Подавляю чувство разочарования. Я действую. Нажимаю «отбой», укладываю телефон в сумку. Сажусь. Осматриваюсь. Гостевая комната. Светло. Пустовато.

По сути, я не нуждаюсь в той последней информации, которую сейчас жду. Самое главное мне давно известно. Вина написана на лице у этой женщины.

Но я должен знать это точно.

Я казалась себе главной героиней любимой сказки Лео. Чувство такое, будто я во дворце Снежной королевы, где все вокруг изо льда. Стены, мебель, ковры на полу и картины на стенах, даже люди. Меня трясло от холода. Я дрожала, хотя на улице лето в разгаре, залезла под одеяло и пыталась согреться. Закрыла глаза. Заставляла себя заснуть. Ведь теперь ночь. Сегодня мне уже ничего не наладить, хотя мысль эта мучительна. Но что бы ни принес завтрашний день, встретить его я должна хотя бы чуточку успокоившись.

Сон мне попросту необходим, но осознала я это лишь тогда, когда едва не свалилась в обморок.

Понятия не имею, что такое вдруг со мной случилось, что за картинки вспыхнули у меня перед глазами — то ли фильм какой-то, то ли сон.

Нет, сказала я себе. Это не просто сон, и ты прекрасно это знаешь.

Как будто передо мной открылась дверь.

Но я еще не готова в эту дверь войти.

Кроме того, у меня сейчас другие проблемы. Мне следует взять себя в руки. Ведь я отвечаю не только за себя, но и за своего ребенка.

Мелани Раабе

Плохо я делаю, что не веду наблюдение за незнакомцем, но ведь не могу же я следить за ним круглые сутки, с этим уж придется мне согласиться. Ко мне он войти не может, я заперла дверь спальни, да еще прижала ручку стулом. Я забаррикадировалась, со мной ничего не может случиться, он сюда не войдет. Во всяком случае, я пыталась себя в этом убедить.

Кто знает, что он сейчас делает. Спит ли? Строит планы? Говорит по телефону? Размышляет? А может, он смеется? Хохочет-надрываетя над наивностью Барбары Петри и беспомощностью Зары Петерсен? Что ему известно? До чего он докопался в нашем с Филиппом прошлом? Известно ли ему что-то такое, чего не знаю я? А хорошо ли я знала своего мужа? А хорошо ли я знаю себя? И снова, и снова: зачем он все это делает? Зачем он выдает себя за моего мужа?

Я слишком взволнована, не могу больше лежать в постели. Все вместе — настоящий абсурд. Нет, надо найти способ его изобличить. Сейчас. Здесь. А не через несколько дней или недель. Опять мне пришло на ум родимое пятно. Встаю, хватаю мобильный телефон, нахожу на дисплее значок камеры. Ой, нет, это идиотизм. Зато меня осенила другая идея, я включила диктофон в мобильнике. Сначала негодяй контролировал себя, по крайней мере, создавалось такое впечатление, но после той выходки он знает, что по его безупречному фасаду пошла трещина. Может, если мне удастся его спровоцировать, он выскажетя как-нибудь необдуманно? Я оттащила стул от двери в спальню. Повернула ключ в замке — осторожно, бесшумно. Хотела было и дверь открыть, но вдруг засомневалась. А что если он только того и ждет? А что если он тоже прислушивается?

Истина

В уме досчитала до трех и распахнула дверь. Была готова, даже ожидала того, что увижу его прямо перед собой, но темный коридор за дверью спальни оказался пуст. Только сейчас я заметила, что невольно затаила дыхание, и выдохнула. Подождала, пока дыхание совсем успокоится, а глаза привыкнут к темноте, взглянула налево в коридор, направо в коридор, убедилась, что я действительно одна, и только после этого направилась к лестнице. Снизу пробивался слабый свет.

Бесшумно спускалась я по ступенькам, перешагнула через четвертую сверху — она ведь скрипит, я знаю этот дом, как свои пять пальцев. Свет шел из гостиной. Как я могла допустить, что ночую в своем доме с этим незнакомым человеком, как до такого дошло?

Почти не дыша, потихоньку, на цыпочках я кралась к гостиной. Какой-то звук меня напугал, но я вдруг сообразила, что это урчит мой собственный пустой желудок. Осторожно заглянула за угол. Телевизор был включен, но без звука. Какой-то частный канал, никогда его не смотрю, и как раз пошла реклама. Молодая семья с двумя детьми, мальчиком и девочкой, все красивые, мальчик брюнет, как папа, девочка блондинка, как мама, все съели йогурт и отправились на прогулку за город на большом, темного цвета, семейном автомобиле, вместе с их крупной, добродушной собакой.

Три красивые девочки-подростка болтают про мальчиков, одновременно умывая лицо каким-то средством от прыщей, вода брызгает, девочки хихикают. Приятная пара среднего возраста, на вид влюбленные, наслаждается пиццей из заморозки, модель радуется своим длинным густым ресницам, спортсмен — волосам без перхоти. Я бы с удовольствием прилегла на

Мелани Раабе

диван да наслаждалась бы нормальной и счастливой жизнью йогуртовой семьи. Лампочка возле кресла, где я обычно читаю, горит, но ни в кресле, ни на диване никого нет. Выключила телевизор.

Я вздрогнула, услышав тихий щелчок. Молниеносно повернулась, стала вглядываться в темноту гостиной, которую только что пересекла. Но и там никого. Никого. Просто старинный дом время от времени издает подобные звуки, напоминая своим хозяевам, что он все еще живой. А этот-то где? Чем он занят? Мысль о том, что я понятия не имею, где находится чужой человек, вдруг стала для меня непереносимой. Хватит осторожничать, бродить тут без толку! Я прошлась по всему дому и всюду зажгла свет. Затем поднялась по лестнице на верхний этаж. Распахивая одну дверь за другой, я всюду нажимала на выключатели. Спальня, ванная комната, детская — всюду пусто.

Где он находится?

В комнате сына я задержалась: вдруг обратила внимание на сделанные карандашом черточки в проеме, так мы отмечали рост Лео. На кровати валялась его рубашка в синюю клетку. Он все не мог решить, как одеться для первой встречи с отцом. Переодевался несколько раз, а я наблюдала, как он гелем укладывал волосы и гляделся в зеркало, оценивая свой внешний вид, и с трудом скрывала от него охватившее меня тогда волнение.

«Вообще-то нам пора, — сказала я наконец, — ты готов?» Лео кивнул, а потом все-таки снова передумал: «Сейчас буду готов!» И стянул через голову рубашку в синюю клетку, заодно изрядно испортив свою прическу, бросил на кровать, а сам схватил другую, оливково-

Истина

зеленую. Я смотрела, как он застегивает пуговицы, но совладала с собой и не стала помогать, хотя дело пошло бы быстрее. Как могла, набралась терпения, ожидая, пока Лео тщательно разгладит складки. «Давай, сейчас мы поедем за папой», — только и сказала я.

Эти слова я выговорила с большим трудом.

Теперь мне казалось, что все это было давным-давно.

Стояла, смотрела на эту рубашку в синюю клетку, как вдруг зазвонил телефон. Опрометью я бросилась вниз по лестнице, влетела в гостиную, схватила трубку:

— Алло!

Тишина.

Нет, не тишина. Дыхание.

— Алло? — повторила я, чувствуя, как зашкаливает пульс.

На другом конце раздался сигнал «занято».

Нахмурившись, я положила трубку, но не успела и двух метров отойти от аппарата, как тот снова зазвонил. Взяла трубку.

— Алло! — произнесла я.

Нет ответа.

— Алло, кто это?

Щелчок — и сигнал «занято».

В замешательстве я тоже положила трубку и направилась в кухню. Достала хлеб и арахисовое масло, поставила на стол тарелку, положила нож. Знала, что еда покажется безвкусной, как и все, что я пыталась есть в последнее время, но хоть что-нибудь проглотить все же надо. Взяла ломтик хлеба, выложила на тарелку. Пытаясь не обращать внимания на телефонный звонок, хотя он раздался почти сразу. Намазала не-

Мелани Раабе

много арахисового масла на хлеб, откусила. Телефон замолчал. Во рту — никакого вкуса, только съедобная масса. Клей для обоев на куске картона. Телефон звонил снова. Меня замутило, но я попыталась проглотить хлеб, с трудом мне это удалось. Телефон замолк и тут же зазвонил опять. Я выкинула намазанный маслом хлеб в помойное ведро. Быстро убрала тарелку с ножом в посудомоечную машину и вернулась в спальню. Решила игнорировать телефонные звонки. Скользнула в постель, надеясь, что тошнота скоро пройдет, и размышляла.

Вроде бы я должна испытывать облегчение, но разволновалась еще больше: незнакомец исчез.

22

Пауки тут повсюду. Пауки кишат в этом холодном старом доме, потому что легко находят себе укрытие в бесчисленных и самых неожиданных местах. Теперь я давно уже смирилась с этими пугливыми существами, время от времени наблюдая, как они шмыгают по комнатам. Но раньше было по-другому. Обнаружив паука, я звала на помощь Филиппа, он являлся и тут же его прогонял. Тут самое главное — не выпускать паука из виду. Вообще пауки двигаются намного быстрее, чем нам кажется, и вот что было для меня особенно страшно: обнаружить одного, а потом случайно отвлечься и потерять его след. Хуже не бывает — не знать, где находится существо, которого ты боишься до смерти. Когда огромный паук сидит где-нибудь на стене, на самом виду, он, может, и отвратителен, но ты хотя бы понимаешь, что он не побежит по твоим

Истина

голым ногам. А вот огромный паук, которого ты не видишь, но про которого точно знаешь, что он здесь, — это поистине невыносимо. С этим незнакомцем — точно как с пауками. Оттого я и нервничала страшно, я ведь понятия не имела, где этот человек и что он замышляет. Даже сумка его куда-то пропала.

В голове — сплошь вопросы, вопросы... Чего он хочет от меня? Что он задумал? Зачем он делает то, что делает? Но намного важнее всего этого другое: как ему удалось обмануть представителей всех учреждений? Откуда он столько знает о Филиппе? И вновь я мысленно возвращалась к вопросу о том, каким образом этот человек мог согласиться на генний тест. Ведь не может же быть...

Мне удалось подавить гнев и смятение, я заставила себя успокоиться и мыслить логично, оценивая проблему как бы со стороны.

Итак, незнакомец согласился на генний тест.

Первое. Это делает его позицию — по крайней мере, в глазах Барбары Петри — весьма правдоподобной.

Второе. До того как будут готовы результаты данного теста, несомненно пройдет несколько дней.

Третье. Что бы ни замыслил этот самозванец, расчитывать на долгий срок он не может. Сколь бы ловко ни ухитрялся он действовать сейчас, рано или поздно его ждет разоблачение. Не позднее, чем будут готовы результаты генного теста.

Четвертое. Самозванец не испугался генного теста, который через несколько дней приведет к его разоблачению. Значит, ему нужно меньше времени, чем эти несколько дней, чтобы осуществить свой план.

Мелани Раабе

Но в чем же состоит этот его проклятый план? Как вписываюсь в этот план я сама? А к чему этот телефонный террор? Доконать меня пытается, так?

Со мной это не пройдет.

Поднявшись по лесенке, я открыла люк, ведущий на чердак. Пахнуло застоявшимся, нагретым за прошедшие летние деньки воздухом. Я как будто пересекла невидимую границу. Пыль щекотала ноздри. Уже и не вспомнить, когда я в последний раз бывала на чердаке, я всегда старалась избегать этого помещения, где прошлое хранится в виде вещей и предметов. А я прошлым не интересуюсь, не принадлежу я к тем людям, которые ведут дневники, наслаждаются фотографиями десятилетней давности или у врача за большие деньги раскладывают по полочкам свое раннее детство — всего этого я никогда не понимала. Дневник я вела в подростковом возрасте, но он запропастился куда-то, да я, наверное, и не смогла бы узнать себя в той девочке, какой тогда была. А если мне попадаются старые мои фотографии, то я вижу на них чуть ли не призрака, существо, которого теперь уж нет.

Никогда я не пойму тех людей, что пытаются спастись бегством в прошлое — будь то историческое, будь то личное. Прошлое невозможно измерить, и это меня смущает, а к будущему я отношусь с глубочайшим недоверием. Настоящее — вот чем я обладаю, настоящее — это всегда.

Чердак завален старыми картонками, сохранившимися с переезда, и всяkim барахлом, за последние годы оказавшимся мне ненужным, только выкинуть я все это не могла — главным образом потому, что

Истина

связано оно не с моими воспоминаниями, а с Филипповыми. Наследство, доставшееся Филиппу после смерти отца. Доска для серфинга. Еще какое-то спортивное снаряжение. Акустическая гитара. Настольный футбол. Сопя и чихая, я открыла наугад первую попавшуюся коробку. Детские вещи Лео. *Nikon*, старый фотоаппарат Филиппа, он брал его с собой в больницу, когда Лео появился на свет. Альбомы с фотографиями. Вздохнув, я заставила себя закрыть коробку.

С ходу нашла шкатулку, куда спрятала пистолет Филиппа. Набрала цифры — его день рождения — на кодовом замке, открыла. Долго смотрела на пистолет, колебалась — ох, до чего ж мне не хотелось брать его в руки. Вспомнила, как Филипп меня когда-то уговаривал хоть немного освоить оружие. Я знала, как держать пистолет, как зарядить и разрядить. И все-таки колебалась. Никогда не надо браться за оружие, если в этом нет прямой необходимости.

Годами я не касалась этой штуковины, мое отвращение к оружию столь велико, что я почти физически на него реагирую. Каждый раз при виде этого пистолета я думала: нельзя вот так убивать, животных — нельзя, а уж людей и подавно. Хорошо бы люди вообще не убивали друг друга, но уж если такая мысль засела в голове, так пусть это хотя бы трудно будет, потребует усилия и решимости. Я так думаю: если один человек хочет убить другого, так пусть попробует его задушить, собственными руками выдавить жизнь из его тела, в непосредственной близости, лицом к лицу, и это трудно, это грязно, почти никто с этим не справится, ведь для нас и запрет на убийство строг, и сил у нас не хватает. А тут — только палец согнуть крючком. Так просто. Так ужасающее просто.

Мелани Раабе

Шкатулку я закрыла. С чердака я спустилась. Пи-
столет я держала в руках. Прислушивалась. Долго
прислушивалась. Все тихо.

Вернувшись в спальню, я открыла сейф, где на
всякий случай хранился запас наличных денег и не-
большой контейнер с патронами, Филипп запрятал
его туда много лет назад, а я никогда не трогала. И опять
меня охватили сомнения. Затем я все-таки зарядила
пистолет, уложила его в шкатулку, закрыла крышку и
набрала код, открыла платяной шкаф и засунула шка-
тулку на самую верхнюю полку, в самый дальний угол,
да еще закидала сверху маечками. И почувствовала
себя и лучше, и хуже — в равной мере. Скинула сан-
дalias, опять забралась в постель. И в тот же миг по-
няла, что подступает сон. Сразу сдавшись, я погрузи-
лась в темноту.

*Иду по коридору. Голые стены. Вокруг полная ти-
шина. Мне страшно, мне очень страшно. Не знаю, чего
я боюсь, но от страха у меня чуть не отказывает
разум. Замираю, услышав этот звук. Глухие удары.
Они-то и вселяют в меня страх, но я иду на этот звук,
иду вперед. Вот дверь. Останавливаюсь на некотором
расстоянии, прислушиваюсь. Ага! Звук раздается сно-
ва. Слышится из-за двери. Я иду туда, я готовлюсь к
тому, что ожидает меня за дверью, и нажимаю на
ручку. Распахнув дверь настежь, вижу, что лежит там,
за нею, растерянно моргаю и...*

Я проснулась, я вырвалась из пучины и ускользну-
ла, вот я лежу в своих простынях, влажных от холод-
ного пота. Открыв глаза, убеждаюсь, что в комнате

Истина

полная тьма. Сердце бьется в груди, как испуганная птичка. Я протерла глаза. Как видно, стояла ночь, ведь между планками спущенных жалюзи не пробивалось ни лучика света. Я вздохнула, села в кровати, принялась шарить вокруг в поисках мобильника, чтобы узнать, который час, и вдруг меня как пронзило: я ведь заснула при включенном свете! Ведь лампа, стоявшая на ночном столике, горела!

Кто-то побывал в моей комнате.

Я с трудом переводила дыхание, замерев от страха. Но все-таки преодолела оцепенение и попыталась на ощупь найти выключатель. И хватала рукой пустоту. Страх, в темноте коснуться чего-то — коснуться кого-то! — одолевал меня, как ни старалась я успокоиться. Говорила себе, что свет я, разумеется, выключила в полусне и сама того не помню. Ведь уж сколько раз я засыпала при свете и в полусне его выключала! Да сотни раз, не меньше. С облегчением я закивала головой. И тут же нашла выключатель, лампа зажглась, осветив комнату теплым светом, а у меня перехватило дыхание.

23

Кошмар внутри кошмара.

Его присутствия я не почувствовала. И оказалась не в состоянии уразуметь ту картину, что предстала моим глазам.

Моя спальня. Свет от лампочки возле кровати. А в этом свете — незнакомец. Он смотрел мне прямо в лицо.

Комната вокруг начала вращаться, и тем быстрее, чем чаще стучало мое сердце, и стучало, и стучало...

Мелани Раабе

...Он как будто призрак — ни дыхания, ни запаха, ничего. Одна только высокая фигура в черном. Бледная кожа, темные глаза. Он стоял возле моей кровати и смотрел на меня.

Тяжело дыша, я попыталась отползти так далеко, как только могла, пока не наткнулась на спинку в изголовье кровати. Человек заморгал, будто я заставила его выйти из транса, и сощурил глаза. Как знать, давно ли он стоял тут в темноте и наблюдал за мной. Подобно тени.

Несколько секунд шок мой был настолько силен, что реагировать я никак не могла, но затем вскочила на ноги и рванулась к двери. А этот за мной. Голова у меня кружилась, я еще не собралась, еще не отошла ото сна. Потому и налетела на стул, которым раньше пыталась забаррикадировать дверь, споткнулась, пре-больно ударила ногу, но зато резкая боль окончательно меня разбудила. Я пришла в себя. Одним махом выскочила за дверь. Побежала. Босиком по коридору. Чувствуя холодные половицы под ногами. И еще — незнакомца, преследующего меня по пятам, его шаги. Я помчалась еще скорее, пролетела по ступенькам, чуть не упала, но все-таки не упала — справилась. И только теперь вспомнила про пистолет у себя в комнатах, теперь, когда давно уже было поздно.

Тут я услышала незнакомца.

— Зара! — закричал он.

И больше ничего.

А потом снова:

— Зара!

Все мое существо сопротивлялось звуку его голоса.

Истина

...В темноте я бежала через весь нижний этаж к входной двери, а за мной раздавались его шаги, и я не решалась обернуться, я только чувствовала, что он близко, он прямо за мной, он быстрее меня, и у двери он меня настигнет, это ясно, мне ведь придется остановиться, чтобы открыть дверь, а она открывается вовнутрь, и я потеряю несколько секунд, у входной двери потеряю, уже почти на улице, и тут-то он меня настигнет. Мчалась из последних сил и вот уже увидела дверь, вот подскочила к ней в горячке и в панике, рванула дверь на себя и почти сделала шаг вперед, словно передо мной магический портал, — но я у него в руках. Он схватил меня за талию, рывком потянул назад, от двери, я сопротивлялась его хватке, прочь, только прочь, в дверь — и бегом, по ночной улице бегом, бегом, бегом, только бы никогда не остановиться. Но ничего у меня не получилось. Дверь он закрыл, повернул меня к себе, взял за плечи и не выпуская, а затем совершил еще один нелепый поворот, в результате чего сам оказался между мной и дверью, ко мне лицом. Снова я попыталась вырваться и, как ни странно, мне это удалось. В отчаянии, не разбирая дороги, я понеслась в гостиную, петляла между телевизором и диваном, скорее в сад, у меня получится, на этот раз у меня все получится!

Я толкнула дверь в сад, побежала, вот и терраса позади, я уже на газоне, и луна, почти полная, заливает сад мертвенно-бледным светом, я чувствовала росу у себя под ногами, холодная какая, я промчалась по высокой и влажной траве, бежала к фруктовым деревьям, пробежала мимо них, и вот передо мной садовый домик. И позади я ничего не слышала, совсем ничего, ни шагов, ни дыхания, но, бросив взгляд назад,

Мелани Раабе

увидела, что преследователь всего в нескольких метрах от меня. Мысли путались, что же делать, что же теперь делать, и воздуха в легких не хватит даже для крика, прочь, прочь отсюда, и я бежала и бежала по ночному саду со всеми его оттенками серого. Наступила на что-то скользкое, наверное, это слизень или что-то подобное, но я даже не успела почувствовать отвращение, надо бежать, бежать. Уцепилась было за идею забаррикадироваться в садовом домике, домик близко, так близко, это мой единственный шанс, скорее туда, захлопнуть за собой дверь — и на засов. Секунду-другую, и еще третью секунду я боролась с собой, но не сумела себя победить, ведь там-то я и оказалась бы в ловушке. Промчалась мимо домика, подскочила к забору, за ним подъездная дорога, она выводит на большую улицу. Я помнила, что где-то в заборе есть дыра, бывало, Лео через нее протискивался, хотя я часто просила его так не делать, потому что он уж сколько раз рвал там одежду. Побежала дальше, к тому месту, где была эта дыра, как мне помнилось, а тот человек бежал за мной, я упала на колени, в панике нашупывала эту дыру и нашла, наконец, действительно нашла, и вылезла наружу. Тут вдруг я почувствовала резкую боль в левой ноге, но не стала придавать этому значения и сначала ползла дальше, а потом выпрямилась во весь рост и, прихрамывая, выбралась на дорогу. Фонарь отбрасывал слабый свет. По асфальту босиком я бежала в сторону улицы, и не было никого на дороге, ни одного прохожего, ведь глубокая ночь, но уж на улице-то кто-нибудь да попадется, не может она быть пустой, просто не может. И опять я услышала его за собой, он тоже нашел дыру в заборе, он преследует меня, он все еще меня преследует, на

Истина

что он рассчитывает, чего он хочет? Торопилась, бежала по асфальту, усеянному острыми камешками, ноги уже поранила — и выскочила на улицу в тот самый миг, когда мимо проезжала машина. Панически замахала руками, резко обернулась — и увидела, что сзади ко мне приближается тот чужой человек. Выглядел он по-другому, бородку сбрил, но глаза все те же, холодные и черные. Посмотрела я налево, посмотрела направо — ни одной машины, только тот темный «универсал», что промчался мимо, и, наверное, лишь в зеркале заднего вида отразились мои отчаянные жесты. Я повернулась лицом к незнакомцу, тот находился уже в одном-двух метрах от меня. Я готовилась к бою. И вдруг услышала: машина! Водитель «универсала» все-таки остановился и дал задний ход. Урча и визжа, на скорости, машина возвращалась ко мне, и я не раздумывая метнулась ей навстречу. Стоп! Я чувствовала преследователя сзади, пот ручьями стекал у меня по лицу, волосы прилипли ко лбу, я рукой отбросила эти пряди, а водитель открыл окно пассажирского сиденья. По возрасту как Иоганн, лет шестьдесят с чем-то. Крепкий, темноволосый, окладистая борода. Добродушный и сильный. Такие работают в магазинах стройматериалов.

— С вами все в порядке? — спросил он.

— Прошу вас... — прохрипела я. — Помогите мне. Этот человек меня преследует...

Договорить я не сумела, меня перебил преследователь:

— Зара, послушай, что ты тут устраиваешь?

Я резко обернулась. Увидела на его лице выражение беспокойности — это, разумеется, нарочно для водителя.

Мелани Раабе

— Вы мне никакой не муж! — прошипела я.

В тот момент ничего другого мне в голову не пришло. Я попыталась открыть дверь автомобиля, чтобы залезть внутрь, но дверь была заперта.

— Впустите меня! — завопила я визгливым от паники голосом. — Откройте дверь, черт побери!

— Извините, пожалуйста, — обратился самозванец к водителю. — Моя жена не совсем в порядке.

Я утратила самообладание, принялась рвать на себя ручку автомобильной двери и кричала:

— Впустите меня! Вы разве не видите, что тут происходит?

Водитель переводил взгляд с меня на незнакомца, с незнакомца на меня. Ясно, что за картина предстала его глазам. Я — совершенно растерзанная, с босыми ногами, а этот — совершенно спокойный и даже невозмутимый, корректно одетый. И опять со своей маской доброжелательности на лице, которую он уже примерял для Барбары Петри.

Как вдруг водитель произнес:

— Так я вас знаю. Вы жертва похищения. Я видел вас по телевизору.

Затем он взглянул на меня, внимательно рассмотрел мое лицо.

— И вас я тоже знаю!

Самозванец одарил водителя обаятельной улыбкой, добавив в нее изрядную порцию усталости, какая и ожидается от человека, вернувшегося домой после долгой одиссеи, и повторил:

— Моя жена не совсем в порядке.

Водитель осторожно кивнул и взглянул на меня.

— Не верьте ни единому слову! — воскликнула я. — Это не мой муж.

Истина

Водитель продолжал на меня смотреть, но потом отвел взгляд. Окно стекло в двери поехало вверх, он включил первую скорость. Я чувствовала себя совершенно беспомощной, не могла найти слова, только крикнула еще раз:

— Это не мой муж!

Водитель нажал на газ, машина уехала. Секунду-другую я глядела ему вслед, затем повернулась к незнакомцу. И снова почувствовала непреодолимое желание сбежать. Догадавшись об этом, он едва заметно покачал головой.

— Ты только посмотри на себя, — произнес он на конец. — Куда это ты собралась?

И, чуточку помедлив, пошел назад, к дому. Но остановился, когда заметил, что я не последовала за ним.

— Идем, — позвал он.

Не двигаясь с места, я смотрела на него.

Беги, думала я. Беги отсюда.

— Я тебя предупреждаю, — сказал он так, будто прочитал мои мысли.

И снова у меня в голове зазвучали произнесенные им слова.

Ты все потеряешь. Своего ребенка. Всю свою жизнь.

Я откашлялась и заявила следующее:

— Понятия не имею, что вы там про меня якобы знаете. Но вы ошибаетесь! Я мать, и ничего больше. Я учительница! Я даже муhi не смогу обидеть.

Незнакомец рассмеялся. Только смеялся он совсем не весело.

Опять он сделал несколько шагов в сторону дома и опять остановился, когда заметил, что я не последовала за ним.

Мелани Раабе

— Идем, — сказал он.

А я стояла как вкопанная, не зная, как теперь поступить.

— Если б я хотел с тобой что-нибудь сделать, так сегодня ночью у меня возможностей было хоть отбавляй, — проговорил он. — Идем!

Как будто я пугливая кошка, которую он намерен приманить. А у меня — буря в голове, никакой ясности в мыслях. Но потом, медленно, постепенно, одна мысль оторвалась от всех остальных, прояснилась, зазвучала громко, и еще громче, пока не заполнила весь мой мозг, пока не прогнала все прочие мысли: у него нет никаких причин, чтобы уйти отсюда.

Я глубоко вздохнула. Собравшись с духом, я последовала за чужим человеком в мой собственный дом.

Незнакомец

*E*stoy cansado. Я устал. Не только потому, что не спал три дня подряд. А потому, главным образом, что я постоянно нахожусь в напряжении.

Ни один человеческий орган не требует столько энергии, сколько мозг. Как утомительно все время сохранять стопроцентную концентрацию и бдительность. Нельзя совершить ни малейшей ошибки, и это съедает все силы.

В целом все оказалось куда сложнее, чем я думал.

Она — вот в чем сложность.

Я по-другому себе ее представлял.

Открываю дорожную сумку, достаю из маленько-го, спрятанного в самой глубине кармашка мобильный телефон, включаю. Гримм так и не перезвонил. Приходится мне подавить свое нетерпение. Ничто из про-исходящего не плохо и не хорошо. События сами по себе не имеют значения. Значение им придаем мы. Ложусь на кровать, вытягиваюсь.

Как часто в последние дни мысленно я возвраща-юсь домой. И, как всегда, осознав это, я принуждаю

Мелани Раабе

себя вернуться в настоящее. Мне никак нельзя утратить концентрацию. Есть такие вещи, которые я могу сделать и без информации от Гrimма.

Сажусь, достаю книгу из сумки, провожу рукой по истрепанному переплету. Сунь-Цзы, «Искусство войны». Наугад открываю книгу, читаю: «Мудрейший из воинов тот, кто никогда не вступает в войну».

Терпение. Дисциплина. Действие. Делать то, что требуется.

Ненадолго закрываю глаза.

Я готов.

Встаю, подхожу к окну и жду, когда рассветет.

Вечерело, до заката оставалось совсем недолго. Я сидела в гостиной, в своем любимом кресле, где всегда проводила время за книгой. Подняться по лестнице в спальню не было сил. Легкие по-прежнему жгло. На голени зудел кровавый шрам, ведь я ночью зацепилась за забор. Ноги, теперь обутые в кроссовки, саднили. Но вдруг — бог весть откуда — в голове моей зазвучал знакомый мотив. Это была «Karma Police» «Radiohead». И услышав эту песню, я вспомнила Филиппа. Вспомнила, как все начиналось. И покорно отдалась воспоминаниям.

«Когда мы впервые увидели друг друга, блистала молния, и это не метафора».

С этого всегда начинал Филипп. Мой рассказ не так хорош, как его, но я помню все. Стоял самый жаркий день года, и «Radiohead» давали концерт на открытой площадке. Я пошла одна. Не знала, кого позвать, еще не обзавелась знакомыми, поскольку лишь недавно приехала в Гамбург учиться, чувствовала себя немного одинокой, хотя одиночество это нельзя было назвать обременительным. Выдался жаркий день, самый жаркий в году, и я оказалась в водовороте кон-

Мелани Раабе

церта, который возвещал о себе полным аншлагом. Везде — насколько хватало глаз — стояли люди. Тела, потеющие тела, и ощущение, словно ты упал в яму со змеями. Настоящее человеческое море. Физическое тепло, липкая кожа, пропитанные потом футболки. Мы были как паломники, позабывшие о голоде, жажде, жаре и обо всех насущных потребностях, ведь мы находились на пути к тому, что обещало утолить жажду и голод с куда большей эффективностью. Музыка на весь вечер сделалась нашей религией, и вечер этот выдался долгим и жарким. Когда группа выходила на сцену, поднялся невообразимый шум, словно изливавшийся из одной пересохшей глотки. Толпа колыхнулась. Я стояла в самом ее центре. А потом зазвучала музыка. И с первыми звуками все засветилось, и открылись небесные врата, такие прекрасные, такие ослепительно яркие. Вспышки света мерцали на моей сетчатке, гремела музыка, и я слушала ее не только ушами, я слушала ее животом, кончиками пальцев, пушком волос на щеках, — каждая клеточка моего телаibriровала. Музыка насыщала живительной влагой иссохшие корни, я закрыла глаза, чтобы лучше слышать, и люди вокруг исчезли, исчезла боль, все стало неважным, я ничего не чувствовала, позволив себя поглотить и нести, я отдалась опьянению, которое вызывали недостаток кислорода и рок-музыка, я упивалась совершенной бурей. Толпа восторженно ликовала всякий раз, когда бэнд начинал новую песню, я оглядывалась по сторонам, в зрачках у людей, стоявших вокруг, отражался свет прожекторов, слезы текли по щекам, невообразимый грохот наполнял пространство и в то же время — безмолвие, невыносимое и непостижимо-прекрасное, солнце садилось за сцену

Истина

и заливало мир совершенно неземным светом, музыка, такая мощная, что, казалось, вот-вот разорвет колонки, — этой ночью прозвучало пятнадцать песен, пролилось одиннадцать литров слез, этой ночью восемьсот пятьдесят один человек почувствовали в себе искру любви, выработали невообразимое количество энергии, и трава под нашими ногами непоправимо смялась, а в лучах прожекторов сгорели тысячи мотыльков — какая счастливая смерть. А потом полил дождь. Ничто не предвещало дождя, но откуда ни возьмись налетели грозовые тучи. И разверзлись. Внезапно, как первозданный взрыв. За считаные секунды одиночные капли переросли в ливень. Тут же налетел ветер, и он принес с собой ураган. Молнии исполосовали небо, и стало видно, где право, где лево, где верх, где низ. Мечтательные лица и залитые слезами щеки исчезли, в ход пошли локти, руки, началась толкотня и давка. Вспыхивали молнии, которым вторили раскаты грома, ураган сотрясал стальную конструкцию сцены, музыканты перестали играть, толпа ринулась к выходу, увлекла меня за собой и протащила несколько метров, я споткнулась и чуть не упала, и потом уже изо всех сил старалась держаться на поверхности, в людском потоке, несшем меня к выходу, но снова оступилась, почувствовала, как меня ударили в спину — чей-то локоть или колено, я закашлялась, чуть не потеряла равновесие, но кто-то подхватил меня, поддержал, я вцепилась в руку, которую мне подставили, крепко сжала ее и больше не отпускала, я обрела опору. Подняла глаза, пытаясь отыскать лицо, которое относилось к этой руке, на несколько секунд поймала взгляд высокого темноволосого юноши, но толчья царила невообразимая, и нас по-прежнему

Мелани Раабе

несло по направлению к выходу, я, уткнувшись лицом в спину впереди идущего, а кругом людские тела и никакой возможности даже покрутить головой. Нас словно пропускали через горлышко бутылки, но это оказался выход, — наконец-то можно снова вздохнуть полной грудью. Трава под ногами размякла, платье прилипло к телу, вода заливало мою голову, повсюду бежали люди, гром и молния со всех сторон. Стоять и смотреть — только на это меня и хватало. Шум. Хаос. Давка. Яркие вспышки молний. Я наблюдала происходящее как живую картину, в которую вольно войти каждому. Я находилась в эпицентре урагана словно в коконе, отводившем все громы и молнии. Внутри меня разливалась тишина. Я вдруг почувствовала, как кто-то взял меня за локоть, обернулась, увидела темноволосого юношу и затянула его в кокон, здесь, внутри, царила тишина, и можно было наконец-таки спокойно друг друга рассмотреть, в течение нескольких секунд мы просто разглядывали друг друга, и вокруг было так мирно, так тихо. Темноволосый юноша улыбнулся, я увидела на его щеках ямочки и опустила глаза, чары развеялись, защитная пленка, обволакивавшая нас, порвалась, дождь, терзаемый ветром, со всей силы хлестнул нас по лицу, гром оглушил, незнакомый юноша взял меня за руку, и мы побежали, рука в руке, на небе сверкали молнии, и люди, находившиеся за сто километров, останавливались, чтобы поглязеть на зарницу, вспыхивавшую над концертной площадкой. Музыка и гром, электричество и бьющиеся сердца. Все это мы пережили. Вот такая это была ночь.

Мысли мои вернулись к действительности, хотя образ Филиппа по-прежнему еще стоял передо мной,

Истина

неясный, словно размытая фотография духа. Я закрыла воспаленные глаза и попыталась воскресить воспоминание, но тщетно. Ночное небо в окне постепенно превращалось в утреннее.

Я подумала о Лео.

А потом опять о Филиппе. В детстве он был точь-в-точь таким, как Лео, если верить словам Констанции. Она и сейчас иногда повторяет, когда видит внука: «Ну, прям одно лицо с моим Зеленушкой. Похожи как две капли воды».

Я часто спрашивала мужа, почему его в детстве называли Зеленушкой. Он никогда мне не рассказывал, всегда уходил от ответа: мол, объясню в другой раз. Я всегда подозревала, что история эта, наверно, его смущала, и потому не настаивала. Я и сама не очень-то благоволила к прозвищам, но Филипп настойчиво обращался ко мне не иначе, как «моя принцесса» — и никогда по имени, что через некоторое время взбесило меня окончательно, ведь я просто на дух не переносила «принцессы». Похоже, мне никогда не суждено узнать, откуда у моего мужа прозвище — Зеленушка.

Я снова подумала о Лео, за которым никаких странных имен не закрепилось, и который сейчас спал у подруги, в ее уютном доме. Интересно, просил ли он Мириам почитать на ночь. Навряд ли, навряд ли, истории — это уже не круто, и лучшему другу лучше не знать, что он все еще любит, когда ему читают. Мне вспомнился один разговор, вечером, в кровати, задолго до того, как Филипп якобы нашелся. Лео хотел знать, умер ли его отец. И как это вообще со смертью. Я, конечно, его успокоила, насколько могла. Нет, папа не умер. Наступит день, и он вернется. А о смерти,

Мелани Раабе

дескать, пусть и не думает даже, он еще слишком юн. Я сидела на краю кровати и рассказывала лживую сказку, самую лживую из всех, какие бывают на свете. Сказку о надежном упорядоченном мире, где всегда восходит солнце и весна неминуемо сменяет зиму. Я обманывала сына, поскольку хотела, чтобы он чувствовал себя в безопасности. А ведь в любую секунду могло случиться все что угодно и, вероятно, даже совершенно ужасное. Я ложилась спать и знать не знала — да и откуда, — будет ли сын еще дышать, когда я в следующий раз к нему загляну?

Когда я узнала, что жду ребенка, то от страха впала в ступор. Филипп радовался, я — нет. Хотя, разумеется, уверяла всех, что не нахожу себе места от счастья, но это была ложь. Ничего, кроме страха, я не испытывала. И тревожило не то, что я не смогу как надо по заботиться о ребенке, нет, тут было совсем другое. Я отправила в мир человека, не спросившись, и этого он мне, наверно, не простит — вот что меня пугало. В мир, который я сама не могла объяснить. Полный чудес и ужасов, такой таинственный и необъяснимый. Я боялась, поскольку не знала ответов на элементарные вопросы. Я очень много размышляла об этом, тогда. Другие женщины, будущие матери, с которыми я познакомилась на курсах по подготовке к родам, крутили своим еще не рожденным чадам Моцарта и пичкали их макробиотической пищей. Но я не мечтательница. Я практичная женщина, люблю порядок, ясность, целенаправленные действия. И во время беременности увлеклась философией. Без толку, конечно. Чем больше я читала, чем больше размышляла о прочитанном, тем очевиднее становилось: ответов на

Истина

главные вопросы нет. Откуда я пришла? Куда иду? Почему заболеваю, а другие нет? Почему один бедный, а другой богатый? Почему я — это я, и никто другой? И какой во всем этом смысл? Ответов на подобные вопросы попросту нет, на этом мои знания кончались. Почему вещи такие, какие они есть — не суть дела. Как их употребить — единственное, что идет в счет. Это я и скажу сыну, когда он меня спросит, и это я сегодня говорю себе, на исходе кошмарной ночи. Все в моих руках.

Самозванец сейчас в комнате для гостей. После унизительного столкновения с незнакомым водителем он, не сказав ни слова, вернулся в дом. Потом обратился ко мне, доложил, что идет спать и мне настоятельно рекомендует сделать то же самое. В заключение ушел к себе в комнату и больше не показывался. Но он не спал. Я слышала его, прямо над головой. Слышала шаги, под которыми скрипели половицы. Он ходил из угла в угол. Похоже, этому нахалу тоже не спалось.

Что ему от меня надо? Как объяснить искры гнева в его глазах, когда он на меня смотрит? Я провела рукой по лицу. Осталась ли во мне еще хоть капля здравомыслия?

А что если дело совсем в другом? В беседе с Барбарой Петри я ведь сама, особо даже не задумываясь, высказала одно предположение: Филипп человек весьма состоятельный. И естественно, сей факт навлекает мошенников на коварные мысли.

Вдруг в моей голове мелькнул фрагмент разговора, совсем недавно состоявшегося у меня с Иоганном. Тот уже в который раз собирался поговорить со мной о

Мелани Раабе

деньгах, но я опять перевела стрелки. Заработка моего, довольно приличного, нам с Лео вполне хватало, мне не приходилось платить за квартиру, мы жили в этом огромном, честно сказать, для нас двоих даже слишком огромном доме с чудесным садом. У меня есть все, что нужно. Состояние Филиппа мне ни к чему. И я ни за что не допущу публичного заявления о смерти мужа, я не намерена предпринимать ничего такого в надежде подобраться к его деньгам.

— Дело не в том, хочешь ты того или нет, — сказал тогда Иоганн. — А в том, что это твои деньги. Ты не только жена Филиппа, ты — его наследница. Не важно, приятно тебе или нет, но ты очень, очень богатая женщина. И уберечь тебя и твои деньги — наш долг. Хотя бы ради Лео. Позволь официально объявить о смерти твоего мужа.

Всегда, когда речь заходила об этом, я пыталась сменить тему, но Иоганн оставался непреклонен.

— Не понимаю, почему ты упрямо не желаешь признавать этот факт, — недоумевал он. — Ты можешь по-хорошему распорядиться деньгами Филиппа. Можешь помогать людям, если тебе так хочется.

— Филипп не умер, — неизменно отвечала я. — Значит, я не его наследница.

Филипп не умер, сказала я себе и сегодня. Он только пропал без вести. Я примеривалась к этой мысли как примеривают сшитый на заказ пиджак, который долго не носили, присматривалась, насколько комфортно я себя ощущаю с этой мыслью. На протяжении семи лет я как молитву твердила: Филипп не умер. Филипп жив. Но теперь явился этот самозванец, рыскает волком и выдает себя за моего мужа — и вдруг от всей моей уверенности не осталось и следа.

Истина

И вспомнилось еще кое-что, вспомнились слова Иоганна после того, как я заявила, что деньги меня не интересуют, что для меня речь никогда не шла о деньгах и никогда не будет идти. Иоганн тогда усмехнулся и, слегка наклонив голову, сказал:

— Но Зара, я тебя умоляю. Ты это говоришь потому, что у тебя все есть. Но поверь мне. Если найдет коса на камень, то речь всегда будет только о деньгах.

Я осторожно кивнула.

Есть только одна причина, по которой можно выдавать себя за Филиппа и втираться ко мне.

Понятия не имею, как он до этого додумался. Поди узнай, как все провернул. Но теперь я, по крайней мере, понимала, почему. Речь шла о моих деньгах, о деньгах Филиппа.

Хорошо, тогда еще раз с самого начала.

Во-первых, самозванец подбирается к деньгам.

Во-вторых, то, что я всеми средствами пыталась его разоблачить, входило в его расчеты.

В-третьих, он наверняка принял соответствующие меры.

В-четвертых, предположение довольно смелое, но оно близко к правде: кто-то ему помог. А значит, нужно соблюдать предельную осторожность, когда я с кем-то говорю. И главное: вести себя так, как от меня меньше всего ждут. Следовательно, никакой полиции. Никаких властей.

И тут меня озарила страшная мысль. Если незнакомец, согласно праву и закону, является моим мужем, ему ведь ничего не стоит меня устраниТЬ? А если так, то какими еще полномочиями он наделен? Произойди

Мелани Раабе

со мной несчастный случай, и окажись я в коме, — властен ли он решать, чтобы аппараты отключили? И что тогда с Лео? Я почувствовала, как сдавило горло.

Я еще раз прокрутила в голове все сцены с Барбарой Петри и неизвестным водителем. Негодяй умен. И до этой минуты полагался на то, что я буду вести себя как последняя психопатка. Похоже — да, определенно так оно и было! — это входило в его расчеты.

Пока мысли не запутались снова, я попыталась расставить все по местам.

Если мое ненормальное поведение входило в расчеты самозванца, значит, до сих пор я только и делала, что играла ему на руку. Истерика в аэропорту, маниакальные звонки господину Бернарди, господину Ханзену, Иоганну. Разговор с Барбарой Петри. И наконец — меня всю передернуло, когда я еще раз, с учетом уже новых обстоятельств, воспроизвела разыгравшуюся на улице ночную сцену. Представила, как совершенно вне себя, босиком, обливаясь потом и чертыхаясь, дергала за дверцу автомобиля, истощно кричала на водителя. Интересно, видел ли кто-нибудь из соседей? Я, словно прозрев, поняла, что до сих пор великолепно плясала под дудку этого человека. И с болью осознала, что нельзя обращаться к властям, что я предоставлена самой себе. И почувствовала решимость сделать все возможное и обернуть ситуацию в лучшую сторону. Есть выход, всегда есть выход.

А что, если задачка и впрямь предельно проста: что если, он задумал довести меня до безумия или, по крайней мере, сделать из меня психопатку в глазах

Истина

окружающих? И тогда дело в шляпе: я устранила и можно запускать руку в денежки Филиппа.

Ощущив, как абсурдно все это звучит, я невольно тряхнула головой. Ну кто решится на такое пойти. Но когда я подумала о тех безумствах, которые люди из-за денег совершают и будут совершать всегда, моя догадка показалась не такой уж невероятной.

Я закрыла воспаленные глаза, попыталась расслабиться, найти удобную позу — нужно набраться сил, я здорово вымоталась. Хотя заснуть вряд ли получится — после всего, что сегодня пришлось пережить. Но пока я так думала, тело становилось легче, и сознание растворялось как шипучая таблетка в воде.

Я иду по коридору. Голые стены. Вокруг тишина. Мне страшно, очень страшно. Не знаю, чего я так боюсь, но страх почти лишает меня рассудка. Я испуганно замираю, когда слышу шум. Страх вселился в меня, но я все равно иду на шум. Вижу дверь. Останавливаюсь на некотором расстоянии. Прислушиваюсь. Вот оно! Снова зазвучало. Шум исходит из-за двери. Я приближаюсь, внутренне готовая встретиться с тем, что меня за ней ждет, потом нажимаю ручку. Распахиваю дверь, всматриваюсь — что же там, — и в недоумении прищуриваюсь. За дверью нет комнаты.

За дверью — ночной улица.

Я в ужасе проснулась и тут же пришла в себя. Меня и вправду разбудил шум. Но откуда он взялся? Дверь? Я затаила дыхание. Ночь напролет я слышала этого человека. Его шаги, под которыми скрипели половицы, в комнате для гостей. Он ходил из угла в угол. Но те-

Мелани Раабе

перь царила тишина. Неужели его таки сморил сон? Нет. Опять началось какое-то движение. Шаги. Всем своим нутром я почувствовала опасность, пульс мгновенно участлился, и я поняла, что не просто чужая поступь привела в действие и заставила реагировать мой центр страха. Но характер шагов. Они делались с осторожностью, словно человек двигался на ощупь. Человек крался. Я вся обратилась в слух. Беззвучно откинулась в кресле и сомкнула глаза. Замедлила дыхание, притворилась, что сплю, устав после напряженной ночи. Долгое время ничего не происходило. Я напряженно вслушивалась — ничего. Я потеряла чувство времени, пока сидела так, с закрытыми глазами, и уже не знала, прошло две минуты или двадцать. Или я ошиблась? Но тут послышались едва различимые звуки. Да. Он приближался. Он ступал подозрительно тихо, и это вызывало тревогу, четвертая ступенька сверху выдала его своим скрипом. Филипп на это бы не попался. Я осторожно приоткрыла веки. Человек спускался по лестнице, медленно, но верно приближался, я старалась дышать спокойно и равномерно, хоть это и требовало немалых усилий. Слабый свет, освещавший гостиную, превращал ее в сцену из черно-белого кинофильма, мир слагался только из оттенков серого. И посреди него, в тусклом сером свете замер этот человек. Нас разделяли метра два, не больше. Человек стоял посреди комнаты и смотрел на меня. Я инстинктивно захотела задержать дыхание, но поборола этот свой порыв и приказала себе дышать дальше — равномерно, спокойно, вдох, выдох. Я не решалась смотреть прямо на незнакомца, я чуть приоткрыла глаза и через щелку увидала его ботинки, его ноги, но не больше. Если поднять голову и посмотреть

Истина

в лицо, он сразу поймет, что я не сплю. Некоторое время он стоял неподвижно. Казалось, прошла вечность. О чем он думал? Надеюсь, не о том, чтобы учинить надо мной насилие, из сказанного им ночью напрашивался один очевидный вывод; если бы он действительно хотел со мной что-нибудь сделать, то возможностей у него имелось предостаточно. Самозванец все еще стоял. Потом как-то неестественно дернулся и покинул комнату так же неслышно, как и в нее вошел.

Только когда заскрипела садовая калитка, я поняла, что он уходит. Теперь открылись две возможности. Кинуться наверх и обыскать вещи в надежде найти что-нибудь компрометирующее или, по меньшей мере, объясняющее, каковы намерения этого человека и откуда он взялся.

Другой вариант — пойти по следу. Я прислушалась к внутреннему голосу. Досчитала до тридцати — схватила сумку и устремилась за незнакомцем.

Незнакомец

Бреду по незнакомому городу. Как робот на дистанционном управлении. Точно знаю, на каком углу должен повернуть налево, на каком перекрестке взять вправо. Чувствую легкость во всем теле, явный признак недосыпания, накопившегося за последние дни и недели.

В других обстоятельствах меня это давно подкосило бы. Но тело подчиняется воле. Просто удивительно, сколько оно способно вынести, если дух просто движим целью. Пока мозг отдает приказ «иди!», тело будет двигаться.

Я иду.

Ранним утром веет приятной прохладой. Улицы пустынны. Каштаны. На обочине — припаркованные автомобили. Паренек лет шестнадцати катит на черном велосипеде, на голове — наушники. Женщина, вся в красном, около пятидесяти, черные как смоль волосы. На поводке — далматинец. Парочка полицейских в темно-синей форме. Спящий бродяга возле подъезда. Бок о бок с гигантским плюшевым зайцем розового цвета.

Истина

Переставляю ноги.

Отмечаю каждую мелочь, ко всему равнодушен.

В «Искусстве войны» есть десять основных заповедей.

Самая главная: будь готов к бою.

Расправляю плечи, делаю глубокий вдох, потом выдох. Я давно ждал этого момента. Долгие годы.

И вот он наступил.

Время действовать.

Когда я — на этот раз уже гораздо осмотрительнее — протиснулась через дырку в заборе и вышла на дорогу, по которой всего несколько часов назад неслась как сумасшедшая, незнакомец — я еще успела заметить — как раз свернул за угол. Соблюдая осторожность, я направилась по следу, но, разумеется, понятия не имела, как следить за человеком и оставаться незамеченной. Стоило негодяю обернуться, и он сразу бы меня обнаружил. Но он не оборачивался. А шел вперед. Спокойно, словно ведомый внутренним компасом. Я двигалась за ним сначала вдоль аллеи, потом по центральной улице. Попутно отметила, что встает солнце. Тротуары были пустынны, еще немного, и их наводнят бегуны и собачники, но пока не показались ни те, ни другие. Однако машины уже шмыгали туда-сюда.

Вдруг вспомнилась улица из моего сна. Не теперь, взмолилась я. Не теперь.

Я боялась, что незнакомец махнет рукой такси и слежке моей придет конец, но такси прошмыгнуло мимо, а потом еще одно, — рука так и не поднялась. Незнакомец шагал вперед. Не особо торопясь, без той

Истина

целеустремленности, какая сразу отмечает человека дела, но сказать, что он шел медленно, наслаждаясь прогулкой, тоже было нельзя. Он просто шел. Просыпающийся мир, который мы рассекали, мелькал черным, белым и зеленым. Белые дома, кованые железные ограды, зеленые лужайки. Липы. Каштаны. То тут, то там старый бук. Розовые кусты. Орхидеи или модели кораблей в окнах эркеров. В этом районе все делалось со вкусом. Проходя под липами и глянув под ноги, я отшатнулась, чтобы не наступить на шмеля, но тут же раздавила другого. Мой взгляд скользнул дальше по тротуару, и я увидела — он весь усеян телами мертвых шмелей. Три, десять и, наконец, несколько десятков пухленьких маленьких телец. Я взгляделась в кроны деревьев, но, как и следовало ожидать, объяснений там не нашла. А ведь они имелись, это я знала наверняка, но все равно не могла отделаться от мысли, что пушистые трупики — это дурное предзнаменование.

Внимание мое снова обратилось к незнакомцу. Я следила, чтобы расстояние между нами не увеличивалось, но особенно и не сокращалось. Меня будто дергали за невидимые ниточки. Буравя взглядом затылок незнакомца, я задавалась вопросом, кто же на самом деле этот человек. Пыталась осмысльить тот факт, что и он когда-то был младенцем, тянувшим все-го на килограмм-другой, невинным и доверчивым, и что сюда его, в конце концов, привело стеченье миллиардов более или менее значительных обстоятельств. Именно сюда — в это самое время, на это самое место. Просто абсурд, что есть люди, вытворяющие подобное. Как он тут очутился? Как складывалась его жизнь, в итоге приведшая его сюда?

Мелани Раабе

И в ту же секунду меня озарила догадка. А что если я не первая, на кого такое обрушилось? Что если он все это уже проделывал? Может, у незнакомца и нет никаких личных данных. Может, суть этой личности и составляют мошенничество и обман. И секрет его успеха в дерзости. Может, таков и есть род его деятельности. И теперь, с Филиппом, он всего-навсего проворачивает очередное крупное дело!

Я здорово перепугалась, когда человек неожиданно остановился, и тоже притормозила, спряталась осторожности ради за старое дерево — аллея была ими буквально утыканы. Старые дома, старые деревья, старые деньги. Казалось, незнакомец что-то разглядывал, но что именно — я не могла видеть. Какого лешего он там делает? Пока я гадала, он уже снова пустился в путь. Я тоже двинулась дальше, наморщила лоб, дойдя до места, где задержался негодяй. Здесь стоял мусорный бак. Ничем не примечательный бачок для мусора с приклеенным слоганом вроде «Я тоже ем гамбургеры». На этот раз он заключал в себе призыв: «Сбрось сюда свои заботы».

Больше ничего сверхъестественного мне на глаза не попалось, никакого скрытого послания, ничего. Мной овладело неприятное чувство — а вдруг я упустила что-то очень важное, — но времени не было. Я ускорила шаг, чтобы не потерять незнакомца из виду. Он двигался в направлении центра.

Занимался новый день. Звуки города нарастили. Улицы постепенно наполнялись людьми, чем дальше мы удалялись от фешенебельного квартала, в котором я жила и в котором даже после стольких лет по-прежнему чувствовала себя чужой. Первые труженики спешили на раннюю смену, последниеочные гуляки

Истина

возвращались домой. Ранние птицы вдохновенно воспевали рождение нового дня. Сердцебиение города изменялось, чем дальше мы уходили от дома и чем выше поднималось солнце. Я не знала, как долго мы шли, при мне не было ничего — ни часов, ни мобильного телефона, только немного мелочи в сумочке и связка ключей. Но преодолели мы немало, с учетом того, что за все это время незнакомец так ничего и не предпринял: не порывался взять такси или спуститься в метро. И пока мы так шли, город незаметно проснулся. Очнулся ото сна, как колосс, и захрипел, и заструились потоки по его артериям: потоки людей, транспорта, и началась суэта.

Незнакомец шагал своим курсом все дальше и дальше. В ту часть города, которую когда-то я очень любила, но куда сейчас почти не заглядывала, хотя находилась она не так уж и далеко от того аристократического квартала с виллами, где я жила.

Ничего вычурного, все со вкусом, сплошное разноцветье. Мы шли мимо магазинов грампластинок и винных баров, мимо витрин, книжных лавок и тату-салонов. Мимо бистро, на чьих террасах уже раскрывали красные зонты с рекламой «Астры», мимо спешивших на работу людей, которые привычно поедали на ходу булочки с корицей и запивали их кофе с молоком из бумажных стаканчиков. Пока незнакомец словно под гипнотическим воздействием двигался к своей неведомой цели, время от времени уворачиваясь от крайне нервных служак или легкомысленных скейтбордистов, я проходила мимо кафе, где стояли самодельные скамейки с прикрепленными на них маленькими металлическими табличками: «Добро пожаловать, беженцы» или «Не только в «Эппл стор» тебя

Мелани Раабе

встретят с участием». Мне нестерпимо захотелось сесть и не вставать очень долго — так я устала. Я понятия не имела, куда направлялся этот человек, сомневалась, что у него вообще есть конкретная цель, и уже подумывала повернуть назад, как вдруг на какой-то оживленной улице он снова остановился. Возле самой дороги, на противоположной стороне, возвышалась большая церковь. Человек запрокинул голову и посмотрел на колокольню.

Когда светофор переключился на зеленый, он перешел через дорогу и скрылся в церковных стенах. Я наморщила лоб. Что ему там понадобилось? Но пока размышляла, последовать за ним или нет, он уже снова показался, огляделся по сторонам, отшагал несколько сот метров, опять замялся. Я тоже замерла, наблюдая: вот он стоит и разглядывает дома на противоположной стороне дороги, а поток людей омывает его как река остров. Я тоже перевела взгляд туда. Дома как дома, ничего примечательного, некоторые раскрашены граффити и оцеплены велосипедами. Человек перешел улицу. Застыл перед домом напротив. Посмотрел в мою сторону, но я успела шмыгнуть за газетный киоск, и как раз вовремя. Человек выудил из кармана брюк листок бумаги, развернул, прочел, снова посмотрел на фасад, на котором ярко — нельзя не заметить — красовался номер «41», и спрятал бумажку. Несколько секунд он просто стоял. Потом собрался с духом, поднялся по ступеням к двери и нажал кнопку звонка. Вскоре дверь отворили. Я не видела того, кто за ней стоял, кто бы там ни был, неизвестночего загораживал. Прошло всего несколько секунд, после чего гость исчез в доме, и дверь закрылась.

Истина

...Я бы многое дала, чтобы превратиться сейчас в маленькую мышку, проникнуть в дом и незаметно подслушать разговор, как это делают волшебники из сказок, которые я читаю Лео. Меня буквально разрывало от желания узнать, с кем говорит незнакомец и о чем. Я хорошенько запомнила улицу и номер дома — позже выясню, кто здесь живет.

Прошло много времени, и я уже начала думать, что этот тип больше не покажется. Но тут в дверном проеме снова нарисовалась его фигура. Он покрутил головой налево, направо, не замечая меня в уличной толчее, тем временем уже набравшей обороты, потом спустился по лестнице и продолжил путь. Я бросилась к дому, из которого он вышел, сделала несколько шагов, желая во что бы то ни стало разглядеть того, кто стоял за дверью.

И, прежде чем она снова захлопнулась, мне это действительно удалось.

Это был мужчина. Я вздрогнула, увидев его лицо. Адреналин ударили в кровь и заструился по венам.

Я его знала.

Незнакомец

Она увязалась за мной и следует от самого дома. Время от времени вижу ее краем глаза, чувствуя своим затылком. Не так-то просто делать вид, что ты кого-то не замечаешь. Мой безотчетный порыв — повернуться и устроить ей очную ставку. Но это было бы ошибкой. В настоящий момент нет причины сознательно ее провоцировать.

Более того, есть даже определенные плюсы в том, что она за мной тащится. По крайней мере, я в курсе, где она и что делает. Пока она на хвосте, от нее не будет вреда.

Я думаю о разговоре с чиновницей. Спрашиваю себя: а вдруг то, что я ей наплел, правда? Может, эта женщина и впрямь душевнобольная. На мой взгляд, поведение ее совершенно ненормальное. Но с другой стороны, откуда мне знать, что такое нормально. Я отгоняю эту мысль на какое-то время и возвращаюсь к своей миссии. Нужно сосредоточиться на предстоящей задаче. Сейчас не время отвлекаться.

Все по порядку.

Никаких спонтанных действий. Никакого сочувствия. Следовать главным заповедям, всегда.

Истина

Будь готов к бою.
Увлекай в борьбу других.
Действуй осмотрительно.
Исходи из фактов.
Готовься к худшему.
Действуй быстро, без осложнений.
Сжигай за собой мосты.
Будь на шаг впереди.
Кооперируйся.
Не позволяй заглядывать в свои карты.

Я почти достиг цели. Прокручиваю в голове план.
Смотрю на часы. Только что пробило шесть. Хорошо.

Нервы на пределе, и смутное, неприятное ощущение распространяется по всему моему телу. Однажды я уже видела этого человека. Я знаю его, хотя понятия не имею, откуда. Чувствую, что невероятно важно вспомнить, кто этот человек, но у меня никак не получается. Мягкое, моложавое лицо, хотя лет ему, должно быть, около сорока. Джинсы, рубашка поло, намечающийся живот. На первый взгляд облик даже симпатичный. Но одновременно есть в нем что-то угрожающее. Как странно.

Велосипедисты и прохожие обезжают и обходят меня, солнце поднимается все выше и слепит глаза, а из головы так и не выходит человек, скрывшийся за дверью. На долю секунды я даже задумалась, не стоит ли просто позвонить в дверь, да и выяснить, кто он такой и что ему известно. Но я сказала себе, что всегда успею это сделать, если сочту разумным, и решила последовать за самозванцем, который тем временем свернул за угол и пропал из виду.

Дойдя до того же угла улицы, я было подумала, что вовсе его потеряла. Тихонько выругавшись, я поспе-

Истина

шила дальше, глядела направо и налево, приподнималась на цыпочки, оборачивалась и поворачивалась, но все равно нигде его не видела. Но именно тогда, когда я решила оставить свою затею и пойти в обратную сторону, несколько человек передо мной разошлись кто куда, и я его, наконец, обнаружила. На моих глазах он вошел в метро. А с чего это он вдруг заторопился? Заметил он меня или нет? Я ускорила шаг, пытаясь сообразить, какое направление он мог выбрать. Где он? Пошел на платформу слева, где останавливаются поезда в сторону главного вокзала? Или пошел на платформу справа, куда прибывают поезда, следующие из центра к окраинам? А народу становилось все больше и больше, начался час пик.

Снова потеряв его из виду, я решила ехать в сторону города, и пока людской поток нес меня по лестнице вниз, к платформе, очень надеялась, что чутье меня не подвело. Проталкиваясь сквозь толпу потных людей, заполнивших платформу со своими стаканчиками кофе и смартфонами в руках, я едва не натолкнулась на самозванца. Он вдруг возник рядом, но, к счастью, стоял спиной ко мне. Я резко остановилась, сделала шаг в сторону, едва не столкнувшись с идущим навстречу пожилым господином, но успела увернуться и не сводила глаз с самозванца. заняла позицию в нескольких метрах по диагонали от него. Народу тьма-тьмущая, скорее всего он меня не заметит, даже если обернется. Похоже, он не чувствовал, что за ним следят. Стоит себе спокойненько там, среди всех этих людей, кофе не пьет, со смартфоном не играется, просто стоит себе с легкой рассеянной улыбочкой на губах, будто вслушиваясь в какую-то восхитительную и

Мелани Раабе

лишь ему одному слышную мелодию. Ох, как же мне не понравилось его выражение лица. Он выглядел довольным — нет, не так! — он выглядел совершенно счастливым. Вот проклятие.

К платформе подъехал поезд. Я подождала, пока самозванец войдет в вагон, потом побежала к другой двери, дальше и назад, и тоже вошла. Садиться не стала, чтобы реагировать быстрее и не выпускать этого человека из виду. Он тоже не садился, стоял на расстоянии нескольких метров, ко мне спиной. Медленно закрылись двери, я так и ждала, что он в самый последний миг рванет назад, из вагона, и бросит мне прощальный взгляд триумфатора, когда поезд тронется с места. Но ничего подобного не произошло. Поезд набирал скорость, унося нас во тьму, мчался сквозь лабиринты во чреве города. Ехал, останавливался, одни пассажиры выходили, другие входили, я внимательно наблюдала за незнакомцем, но он даже не шевелился. Две остановки, три остановки, четыре, и вот мы уже на главном вокзале. Вот тут-то он и вышел.

Я чуть не пропустила эту остановку, потому что стояла в вагоне на каком-то неудачном месте и поздно подскочила к двери, куда уже входили люди с платформы, мешаясь мне на пути. Я прорывалась наружу, работая локтями, тут уж было не до вежливости, я как могла выбиралась из толчей и все-таки успела высокочить на платформу, когда двери почти закрылись и поезд готов был тронуться. Лихорадочно я осматривалась по сторонам. Сквозь стекло высоко надо мной виднелось сияющее солнце. Уже сейчас чувствовалось, что городу предстоит пережить еще один жаркий день. Самозванец на эскалаторе катил вверх, и у меня на миг перехватило дыхание, когда я случайно бросила взгляд еще выше. Там, высоко над нами, на стек-

Истина

лянном фасаде главного вокзала громадными синими буквами было написано слово, на которое я только сегодня обратила внимание: ФИЛИПС. Всего лишь реклама, не более того, но от ее вида меня пробрало до мозга костей. С трудом оторвав взгляд от синих букв, я вновь пустилась в преследование. Тот человек шел себе неспешно через крытое здание вокзала, мимо бродяг и прохожих, мимо киосков с фаст-фудом и кофейных будок, мимо бездомных и школьников-экскурсантов, торопящихся к своим поездам, мимо фотоавтоматов, цветочных развалов и табачных лавок, мимо парочек, обливающихся слезами при прощании или ликующих при встрече. Не обращая на все это внимания, я уперлась взглядом в затылок незнакомца, выдающего себя за моего мужа. Перед автоматом со сладостями он остановился, и я заметила, как он начал рыться в брючном кармане — видимо, в поисках мелочи. А сам разглядывал яркие цветные упаковки, выставленные за стеклом автомата. Тут я подумала, что этот автомат, возможно, — место встречи. Вдруг наглец ждет тут кого-нибудь?

И сама себе ответила, что это, мол, чепуха. Никто не придет, мы тут не в шпионском фильме. Однако именно тогда, когда я размышляла на эту тему, к незнакомцу вдруг подошел какой-то человек. Брюнет невысокого роста, крепкий, волосы короткие, одет в темные джинсы и футболку клуба «Санкт-Паули». На расстоянии я не слышала, о чем говорили эти двое, но видела, как шевелятся их губы. Группа шумливых подростков, проходя мимо, на несколько секунд скрыла их от меня. А когда обзор снова открылся, невысокого роста брюнет уже ушел, и я увидела только, что самозванец с подчеркнутой небрежностью, будто между прочим, прячет в кармане брюк какой-то предмет, но какой — различить

Мелани Раабе

невозможно. Затем он закинул монеты в автомат, стал нажимать на кнопки, дождался, пока что-то там выпало, наклонился, забирая сдачу, и двинулся по направлению к выходу. А я задавалась вопросом, что за сцену только что наблюдала. Чужак получил какую-то информацию? Или они чем-то обменивались?

Тот тем временем покинул здание вокзала. И опять с таким видом, будто просто вышел прогуляться, будто нет у него никакой определенной цели, но теперь-то я знала, что это совсем не так. Ничего он не предпринимает, не имея на то причин. Вновь перед моим внутренним взором возникло лицо того человека, к которому незнакомец недавно заходил домой, и я напрягала память, ломала мозги: откуда я его знаю? Но вспомнить так и не могла.

Перед зданием вокзала на солнышке сидели — а вокруг них тучами вились осы — туристы, допивая свой кофе из стаканчиков и стараясь уловить последние солнечные лучи, пока еще не пора торопиться к поезду. Там и сям стояли курильщики, поспешно вдыхая дым своих сигарет перед отправлением ближайшей электрички. Тут только бездомные ничего не делали в попыхах, а спокойно стояли группками, переговаривались да курили, а еще слушали лысого и настырного проповедника-любителя: тот, встав прямо перед ними, без устали цитировал Библию и навязывал им историю про то, как лично он некогда был спасен Иисусом Христом. Незнакомец задержался здесь на минутку, будто прислушиваясь к проповеднику, и я уже ждала, что к нему кто-то подойдет да сунет незаметный предмет, но вдруг он сам подошел к бездомным. Опять я не услышала, что они там говорили, зато

Истина

увидела, как незнакомец вытащил из кармана пачку банкнот и раздал их стоящим перед ним людям. Я просто глазам своим не поверила. Господи помилуй, что он такое делает — и зачем? Совершенно понятно, что деньги он раздаривает не от чистоты сердечной. Хочет им заплатить? Но за что? И вдруг мне стало ясно: бездомные могут многое для него сделать. Незаметно следить за тем, кто прибыл на вокзал. Наблюдать, собирать информацию, сообщать. И даже свидетельствовать, если понадобится.

Так я окончательно убедилась в том, что мне надо следовать за незнакомцем и дальше, а тот уже перешел на другую сторону улицы и, невозмутимо поедая свой шоколадный батончик, двигался в глубь привокзального квартала. Пот ручьями тек у меня со лба. Ко всему в моей сумочке зазвонил мобильник, и я его вытащила, ругательски ругаясь. Мирко. Вот, пожалуйста, именно сейчас. Но все-таки я ответила на телефонный звонок. Услышала, как повторяю в трубку, словно пластиинку заело:

— Мирко, не надо, пожалуйста, не надо именно сейчас.

И разъединилась. Однако вскоре мобильник зазвонил снова. Но тут я сразу сбросила звонок.

Посмотрела, а самозванец, оказывается, уже скрылся в толпе.

За рулем автомобиля я гнала по дороге. Вопрос, кто таков человек, проживающий в доме номер 41 и разговаривавший с самозванцем, продолжал меня му-

Мелани Раабе

чить. Так я старалась найти ответ, что у меня даже голова заболела, но все впустую. Пришлось оставить эту мысль. Сейчас надо забрать Лео. Мне следует сосредоточиться.

Ехала, как на автопилоте, ощущая странное оцепенение. И опять мысли мои унеслись в сторону, на сей раз — к Филиппу. Это как водоворот, ничего я не могу с этим поделать. Вспомнилось то чувство, какое я испытывала, когда Филипп держал меня в своих объятиях, а ведь тело мое и сегодня реагирует на эти воспоминания. Теплое, приятное чувство возникает где-то подложечкой. Всякий раз, когда Филипп держал меня в своих объятиях, я снова и снова удивлялась тому, насколько мое тело идеально подходит к его телу. И щека моя идеально умещалась в ложбинке между его плечом и шеей, и притягивало нас друг к другу, как притягивает магниты с разным полюсом, нас — совершенно противоположных, совершенно не похожих, но идеально созданных друг для друга.

Обогнав кабриолет, я вернулась на вторую полосу и постаралась привести мозги в порядок, но голова решительно отказывалась мне подчиняться, а мысли так и щелкали кругом, будто шарики в старомодном игровом автомате, выбрасывая то одно воспоминание, то другое. Вспомнилась наша свадьба, и Лас-Вегас, и жирный имитатор Элвиса, и мое колечко — тоже выигрыш из автомата для жевательной резинки, и веселые возгласы наших друзей, и ужас матери Филиппа, когда мы вернулись из Америки, поженившись. Вспомнилось рождение Лео на свет, и как Филипп не заплакал, впервые взяв его на руки, а рассмеялся.

Истина

Вспоминаю нашу первую встречу. Молодость. Гроза. Летнее небо. Про нашу первую встречу я люблю думать куда больше, чем про последнюю. Не помню, в чем одет был Филипп, когда уезжал в аэропорт, не помню, поцеловал он меня на прощание в лоб или в губы. Помню только незначительность нашего последнего разговора.

«Позвони, когда доберешься».

«Разумеется».

«И еще своей маме не забудь позвонить. Ты же ее знаешь».

«Да, конечно».

Вот с этими словами он ушел. А в доме зазвонил телефон. Вообще-то у меня была привычка махать Филиппу рукой, пока он не скроется из виду. Но в этот раз я не стала смотреть ему вслед, как делала обычно — ведь он все равно никогда не оборачивался, — а вошла в дом и закрыла за собой дверь. Теперь уже и не помню, кто именно тогда позвонил.

Да, про нашу первую встречу я люблю думать куда больше, чем про последнюю.

Свернула в ту улицу, где живут M&Ms — Лео называет Мириам и Мартина именно так, «Эм-энд-эмс» — и все мои мысли разом улетучились.

Убрала ногу с педали газа, включила правый поворотник, припарковалась на обочине. Наша свадьба в Лас-Вегасе, возмущение Констанции по поводу того, что ее сын решился на брак, не подобающий его положению, как она того желала бы. Я спрашивала себя, что сказала бы по данному вопросу моя собственная мама. Думаю, ей скорее понравилось бы. Но ее же не

Мелани Раабе

спросишь. Именно по той причине, что никакой семьи у меня не было и пригласить на свадьбу с моей стороны оказалось просто некого, Филипп во время нашей поездки по Калифорнии предложил заехать в Лас-Вегас и там пожениться. Никакой семьи, вообще никого. Только он, я, служащий загса, жирный Элвис, нанятый на месте свидетель и всполохи рекламы, отражающиеся в наших зрачках.

Констанция сочла это безвкусицей. Полнейшей безвкусицей. Вот только возражения ее запоздали. Мы легализовали наш брак сразу по возвращении из США в Германию. Филипп настаивал на том, что во всем должен быть порядок.

Тут я вспомнила о своей свекрови. А вдруг та мысль, что мелькнула сейчас у меня в голове, и есть искомая прекрасная идея? Согласившись сама с собой, я достала мобильный телефон, позвонила Мириам и попросила ее подержать у себя Лео чуточку подольше, только вот сейчас, днем. После чего развернула машину и снова отправилась в путь.

Дом престарелых, где проживает мать Филиппа, расположен в одном из прекраснейших районов города. Парк, окружающий комплекс и несмотря на страшную жару сохранивший сочность зелени, был совершенно пуст. Никаких сознательных детей или внуков, которые выгуливают своих дряхлых родственников под старинными деревьями, никаких санитаров, толкающих коляски с жильцами этого дома из пункта А в пункт Б. Дело в том, что жара стояла нестерпимая. Я давно здесь не бывала и об этом теперь пожалела, хотя мы с Констанцией так и не сблизились. Ни сразу после свадьбы, ни позже. Она желала собственному

Истина

сыну другую жену, вовсе не учительницу из простой семьи. Возможно, какую-нибудь красивую дочку своей состоятельной подруги. Из тех девушек, что умеют носить белые платья и не заляпывать их пятнами. Из тех, что устраивают благотворительные мероприятия.

Вчера, когда я на ровном месте столкнулась с вопросом, кто же поможет мне разоблачить самозванца, я немедленно подумала об Иоганне, а вот мысль о собственной свекрови отогнала, похоже, раньше времени. В последние годы Констанция стала, увы, слаба головой, и когда в домашних условиях с этим перестали справляться даже профессиональные сиделки, нам пришлось уговорить ее на переезд. Тем не менее, просветления у нее то и дело случаются. А в настоящее время у меня никого нет, кроме нее.

Решительным шагом я двинулась ко входу в дом престарелых. Открыла дверь и оказалась в просторном холле. Все вокруг — белое или в пастельных тонах. Орхидеи. Я глубоко вдохнула здешний воздух, не обращая внимания на едкий запах винилового пола и дезинфекционных средств. Если я намерена осуществить свой план, то должна выступать уверенно. И никаких нервов! Кстати, этому я тоже научилась у Филиппа.

Как ни странно, долгие переговоры с персоналом дома престарелых — я их ожидала, объявив о том, что собираюсь отсюда увезти свекровь на чашечку кофе — не состоялись. Даже наоборот, я получила благословение на такой поступок. Директор заведения, госпожа Кавацки — худая, как щепка и маленькая ростом женщина с короткой стрижкой, волосы цвета хны, взгляд голубых глаз дружелюбный, — сообщила, что

Мелани Раабе

меня здесь ждали. А ее коллега, толстая блондинка, я ее не знаю, согласно кивала, и тут-то я догадалась. О возвращении Филиппа они уже наслышаны. Значит, в газетах об этом написали. Но у меня нет времени на то, чтобы испытывать какие-либо неудобства по данному поводу. Если я хочу, чтобы мой план удался, то надо вернуться домой прежде, чем там окажется тот человек.

— Мы так и подумали, что ваш муж скоро сюда заедет, — сказала госпожа Кавацки. — Конечно, после стольких лет он захочет снова увидеться с матерью. Но если вы намерены увезти ее отсюда, так и это хорошо. Сможете посидеть все вместе в домашней обстановке.

Я кивала, едва сдерживая нетерпение.

— Мы уже вчера пытались поговорить с госпожой Петерсен-старшей об ее сыне, как только услышали хорошую новость, но она, к сожалению, ничего не поняла, — вступила коллега-блондинка. — Но сегодня, как мы уже упоминали, она в прекрасном состоянии, так что вы сами можете ей все рассказать — и это еще лучше.

Я вежливо кивнула, с трудом сдерживая улыбку. Пообещала вернуть им Констанцию точно к ужину, а потом только сообразила, что обе сотрудницы дома престарелых не испытывают к этой точности ни малейшего интереса. Возвращение блудного сына, газетные сообщения — ровно так это было и семь лет назад. Каждому хочется стать участником драмы. Набрав в легкие побольше воздуха, я стала готовиться к встрече с матерью Филиппа. Слишком давно я не видела Констанцию, чтобы понимать значение слов «в прекрасном состоянии» применительно к ее случаю.

Истина

Невольно я задержала дыхание, когда госпожа Кавацки постучала к моей свекрови и, не дожидаясь слова «входите», с воодушевлением распахнула дверь. Констанция сидела в кресле, держа в руках вязанье. Подняла глаза, заметила меня в дверном проеме позади госпожи Кавацки, чуточку засомневалась. Но тут же воскликнула:

— Зара! Какой сюрприз!

Мы мчались на машине по асфальту, раскаленному настолько, что воздух перед моими глазами как будто бы мерцал. Немало времени прошло, прежде чем мне удалось погрузить Констанцию к себе в автомобиль. Она настаивала, что пойдет своими ногами, не позволяла мне подкатить ее к машине на инвалидной коляске. Что ж, это мне понятно. Я тоже не хотела бы, чтоб меня кто-то возил на коляске. А уж тем более тот, к кому я не пылаю особенной любовью.

Констанция молча сидела рядом со мной, любуясь проплывающим мимо летним зеленым пейзажем, где картинки сменялись, как в мультфильме.

Слегка покосившись в ее сторону, я отметила, насколько она постарела, стала какой-то хрупкой. Прозрачная кожа, как пергаментная бумага, тонкие и седые волосы. Будто взъерошенная птичка. Смотрит себе задумчиво из окошка, на тонких губах легкая улыбка. Даже представлять не хочу, до чего же сузилась за последние годы ее мир. Надо было мне почше к ней заезжать. Но я, отогнав эту мысль, концентрируюсь на дороге, на вождении. До чего ж хорошо, что Констанция сегодня скуча на слова, как никогда.

Может, и неправильно было то, что я замыслила. Может, надо ей сказать, что происходит? Но мне не-

Мелани Раабе

обходила была ее непосредственная реакция, да и в свидетели она требовалась тоже. Одно несомненно: надо попасть домой раньше этого чужака.

Мчась на машине по улицам, я не обращала внимания ни на знаки ограничения скорости, ни на ехидные замечания Констанции по поводу моего стиля вождения, потому что идея, неожиданно осенившая меня, будто меня наэлектризовала. Я неслась по проспекту, резко притормозила перед зеброй, пешеходным переходом, сгорая от нетерпения, и вдруг решила ехать домой не по привычной дороге, а по короткой, через город, ведь пока еще рано, улицы полупустые, а так мне удастся сократить путь на несколько минут. И только попав из нашего благородного района в современные кварталы, я поняла, что совершила ошибку: город забит уже в этот час, невзирая на выходной день. Слишком много пешеходных переходов, слишком много детских колясок, припаркованных вторым рядом автомобилей и светофоров, при моем приближении непременно переключавшихся на красный свет. Вот, стою и со всем нетерпением гляжу на ста-рушку, переходящую улицу с маленькой лохматой собачкой. Как вдруг что-то привлекает мое внимание. Какое-то движение. Какой-то человек. Он шел по улице, удаляясь от меня. Я видела его только сзади. Его спину. Его затылок. Мне знаком этот затылок. Мне знакома эта походка. Я узнала бы его из тысячи.

И сердце мое застучало быстрее. Но я все смотрела, как он идет по улице и вдруг теряется в толпе других людей, тоже двигающихся по тротуару. Только тогда я отреагировала. Выключила двигатель, выта-

Истина

щила ключ, рванула дверь, выскочила из машины. Вот просто оставила машину на месте, где она стояла, со свекровью внутри, а та только и успела крикнуть мне вслед: «Зара, что вы такое делаете?» Не обращая внимания на гудки автомобилей позади меня, это же теперь не важно, теперь все не важно, я понеслась по улице вслед за ним. Добежав до того места, где я потеряла его фигуру из виду, я на секунду остановилась. Взглянула налево, взглянула направо, где же он, куда же он подевался? И опять побежала, просто побежала вперед, по прямой, по собственному нюху, не мог ведь он исчезнуть, я ведь его видела, он должен быть где-то здесь. Но найти его я не могла. Впереди его не было, я остановилась на углу улицы, он свернул, наверное, налево или направо, если бы он пошел вперед, так я бы видела его. Так что же: налево или направо, налево или направо? Не размышляй, у тебя нет времени, налево или направо, или пан, или пропал! Заставив себя собраться, я помчалась налево, я бежала, но люди на пути мешали мне продвигаться вперед, я их как-то огибала, бежала петлями, толкалась и напирала, прорывалась как могла, даже не извиняясь, но где же он, где же он? И вот я его увидела. Его затылок, его белую футболку, всего в нескольких метрах от меня, и заорала. Что было мочи заорала:

— Филипп!!!

Какие-то люди возмущенно обернулись ко мне, а я на них и внимания обращать не стала, я проталкивалась вперед, к нему, вот я почти его догнала, а он слегка обернулся — и я разглядела его профиль. Нет, не тот. Нет, не тот. Не за тем я побежала... И я остановилась, чувствуя себя попросту раздавленной. Его тут нет, я приняла неверное решение, надо было направо,

Мелани Раабе

теперь я его потеряла. И я повернулась, заторопилась назад, против людского потока, в противоположном направлении. Вернулась на тот самый угол и уж теперь пошла в другую сторону, все выискивая вдалеке его затылок и его белую футбольку, но его не видела, да, я его не видела. Он исчез.

Я остановилась. Весь мир вокруг показался мне вдруг невероятно суетливым, как будто его засняли на видео, а потом нарочно увеличили скорость прокрутки. Ненадолго прикрыла глаза. Что я такое устроила? Я просто оставила Констанцию в салоне автомобиля. А что, если я сейчас вернусь, а ее там нет? Вот проклятие, и о чем я только думала?

На обратном пути я прокручивала в голове худшие из возможных вариантов развития событий. Но вернувшись на ту улицу, откуда я сбежала, я тут же увидала, что моя машина спокойненько стоит на своем месте. Перед пешеходным переходом. Сердитые водители огибают ее, как воды омывают утес. Я перевела дух. И Констанция оказалась на месте. Смотрела на меня то ли гневно, то ли смятенно. Спросила только:

— А что такое случилось?

Я забралась на свое сиденье, игнорируя гудки со всех сторон. В горле пересохло.

— Совершенно ничего, — ответила я Констанции. — Мне показалось, что я кого-то увидела.

Мы тронулись с места. Констанция замкнулась в молчании.

А я себя уговаривала, что на самом деле не видела Филиппа. Уговаривала себя, что просто, дескать, устала. Уговаривала себя, что надо сосредоточиться на предстоящей задаче.

Истина

...Доехав наконец до дома, я предложила Констанции занять место на диване в гостиной, помогла ей устроиться, поставила перед нею стакан минеральной воды без газа, а сама отправилась в спальню с телефоном. Мне и в голову не пришло посмотреть, вернулся ли тот человек. Ключей у него нет, вот уж точно — нет, насколько мне известно — нет, то есть в доме его быть не может. Другое дело, что рано или поздно он появится, тут уж я не сомневаюсь. Если он намерен и далее исполнять роль Филиппа Петерсена, то он вернется, придется ему вернуться. И на сей раз я встречу его в полной готовности. Вот уж ему понравится подготовленный мною небольшой сюрприз!

Я позвонила Мириам и пригласила ее на кофе. От этого спонтанного приглашения она пришла в воссторг — конечно, еще и потому, что надеялась познакомиться, наконец, с Филиппом — и сама предложила оставить Лео у них подольше, ведь мальчики так здорово сейчас играют все втроем. Закончив разговор с Мириам, я заглянула к Констанции. Та листала томик стихов, один из тех, что лежали рядом на журнальном столике. Когда я вошла, она подняла взгляд со словами:

— Гравюра мне нравится.

И указала на шедевр в раме на стене напротив. То ли она забыла, что когда-то сама подарила нам эту гравюру, то ли это ее странный юмор, которого я никогда не понимала. Констанция смотрела на меня, легкая улыбка играла на ее губах, обычно таких жестких, взгляд ясный и внимательный. Ага, значит, все-таки шуточка.

— Здесь почти ничего не изменилось, — констатировала она, обводя взглядом комнату.

Ясно, вот сейчас она встанет и пойдет водить указательным пальцем по мебели в гостиной, проверяя,

Мелани Раабе

есть ли пыль. Про себя я вздохнула. Да уж, понятно, отчего я так редко ее навещаю.

— Вон та полка — новая. — И она указала на стену. — А моего ковра больше нет.

Терпение, Зара!

— Что ж, пустые гостиные я нахожу несколько вульгарными, но ведь вкусы у людей разные, — подытожила Констанция.

Сделав над собой невероятное усилие, я не закатила глаза и не произнесла в ответ ни слова.

— Зара, вы меня слушаете? Или что?

— Да, — ответила я. — Да, конечно.

До сих пор она так и не обращалась ко мне на «ты». После стольких лет. После женитьбы сына и рождения внука. Пожалуй, больше про нас обеих ничего и говорить не надо. Любопытно, что скажет Мириам, если заметит это.

Констанция поглядела на меня, наморщив лоб, а потом снова взялась за свой томик со стихами.

Я решила, что спокойно могу оставить ее на минутку-другую в одиночестве, и на ватных ногах вышла из дома, чтобы позвонить в дверь к моей соседке госпоже Тайс.

Вернувшись домой, я вдруг заметила, что все так и наряжена в белое летнее платье, которое надела к возвращению Филиппа. Помчалась на верхний этаж, молниеносно приняла душ, вытерлась и повязалась большим полотенцем, заскочила в спальню, надела джинсы, чистую футболку и кроссовки.

Затем я вытащила из сумочки мобильный телефон и, даже ни на секунду не задумавшись о том, который час в Китае, набрала телефон Иоганна. Пусть я его

Истина

разбужу, главное — его застать. Давненько мы не разговаривали спокойно и обстоятельно. У его фирмы финансовые проблемы — да, только я узнала об этом не от него, а из газеты. Неужели именно по этой причине с ним невозможно связаться?

Какая разница. Он мне нужен!

Но он опять не берет трубку. Разочарованно я завершила вызов.

Разломанный столик в комнате для гостей валялся все на том же месте. Дорожная сумка самозванца стояла на полу. Быстро я открыла «молнию», принялась рыться в вещах, сложенных внутри. Одежда, преимущественно одежда. Так, еще бритва, пена для бритья, дезодорант, книга «Искусство войны» Сунь-Цзы, мобильный телефон, зарядник. Я замерла. До сих пор я ни разу не видела этого человека с мобильником в руке. Может, тут и кроется тайна, которую он непременно хочет от меня скрыть? Нажала на кнопку, но телефон, оказалось, выключен, и я тихонько выругалась. Взяла в руки книгу, открыла на первой попавшейся странице.

«Когда ты знаешь противника и знаешь самого себя, тебе нечего бояться исхода даже сотни сражений».

Принялась листать дальше, но не нашла в книжке ни пометок, ни записей, вообще ничего особенного не нашла. Хотела было сунуть книжку обратно в сумку, как вдруг меня словно молния пронзила. Трудно поверить, и тем не менее. Открываю первую страницу и глазам своим не верю. Надпись. Синей шариковой ручкой.

*Винсенту от папы
Май 2005*

Мелани Раабе

Винсент!

И в эту самую секунду я услышала голос Констанции, она меня звала.

Быстроенько я все запихнула обратно в сумку.

Вскоре мы уже сидели в кухне за столом, а на столе — чай и кофе, молоко, сахар и лимон, печенье и еще какая-то выпечка. Соседка Тайс принесла из своего сада разноцветные георгины.

Констанция восседает напротив, по правую руку от меня — госпожа Тайс, напротив нее Мириам. Хорошая была идея пригласить Мириам и соседку. Не только потому, что они станут свидетельницами встречи самозванца с матерью Филиппа, но еще и потому, что в моей кухне зазвучала их оживленная болтовня, а это хоть чуточку, да успокоило мои напряженные нервы. Госпожа Тайс, как обычно, говорила только про свой сад — в рифму, разумеется, и я немало удивилась, когда Констанция на ее пояснения о пользе таковой для мозга отреагировала лишь сухим замечанием:

— Пожалуй, мне тоже стоит попробовать.

Мириам, тоже как обычно, говорила о своих детях, а Констанция — к моему изумлению — развлекала их обеих рассказиками про детство Филиппа. Стоило бы прислушаться, но мне не удавалось.

К представлению все готово, пора начинать!

Незнакомец

Запасной ключ от входной двери дома я нашел под цветочным горшком, и благодаря этому многое стало проще. Правда, я немало удивился, что такая женщина, как Зара Петерсен, допустила подобную небрежность. Но что ж — есть люди, которые думают, что им все сойдет с рук.

Я открыл дверь и вошел. Вполне довольный сегодняшним днем. Состоявшийся разговор был мне неприятен, однако полезен. Я продвинулся на один — зато решительный — шаг вперед. Отныне я знаю точно, что мне следует делать. Единственное, чего не хватает — звонка от Гrimма. Последняя деталька пазла. Так, терпение. Выдержка. Не совершить ошибок на последних подступах к цели. Мне пошла на пользу возможность покинуть дом и пройтись пешком. И физически я взбодрился, и мысли мои упорядочились. И взгляд прояснился.

Я захлопнул за собой дверь, раздался громкий щелчок. Пусть эта женщина знает, что я вернулся. Твердым шагом я иду через прихожую. Да, ей удалось выбить меня из колеи. Но это в прошлом. Я намерен действовать.

Мелани Раабе

В замешательстве я остановился, услышав издалека голоса. Подумал было, что эта женщина говорит по телефону, как вдруг она сама появилась прямо передо мной. С таким выражением лица, что я сразу понял: надо быть поосторожнее. И потихоньку сунул ключ от дома в карман. Она это заметила? И против ожидания ничего не сказала? Что она намерена сделать?

Первая заповедь: будь готов к бою.

И я весь поник, опустил плечи и стал тереть глаза, надел свою самую дружелюбную и безобидную маску.

Пятая заповедь: готовься к худшему.

Я готов.

Всегда.

Предположение, что чужак инстинктивно последует за мной в кухню, оказалось верным. Не было у меня времени разозлиться на то, что он нашел мой второй ключ — да, признаюсь, плохо припрятанный, только я подумаю об этом потом.

Будто нет на свете ничего более естественного, я снова уселась на свой стул в кухне, Мириам и соседка Тайс с жадным любопытством поглядывали на дверь, и только Констанция, как ни в чем не бывало, прихлебывала чай.

Самозванец, только войдя в кухню и сообразив, что мы не одни, с испугом остановился. Но тут же победил свое изумление и выдал то самое выражение лица, какое нашла неотразимым вся гамбургская пресса: смесь шарма, мужества и переутомления. Улыбочка для Мириам, улыбочка для госпожи Тайс. И тут к нему повернулась, вместе со стулом, Констанция. Я внимательно за ним наблюдала. На миг он утратил самоуверенность. И черты его лица исказились. То ли он знал, то ли он догадался, кто перед ним, да что тут гадать — это же как дважды два четыре для такого сообразительного типа. Он во все глаза пялился на

Мелани Раабе

Констанцию. Но быстро собрался, нацепил привычную маску. Однако я успела выступить прежде, чем он заговорил, прежде, чем он выработал какую-то тактику, и прежде, чем Мириам или соседка Тайс успели ему представиться.

— Констанция, — произнесла я, привстав со стула, — я подготовила для вас приятный сюрприз. Перед вами Филипп. Ваш сын.

Констанция смотрела на незнакомца. Смотрела секунду, другую, а затем отвела взгляд. А я опять за свое:

— Констанция, неужели вы не рады его видеть?

Мириам наморщила лоб. Неужели она засекла обращение на «вы»? Или уловила напряжение, разлившееся в воздухе? Соседка моя, кажется, тоже затаила дыхание. А Констанция по-прежнему молчала.

Самозванец, минутку поколебавшись, вроде бы принял решение. Раскинув руки, он направился к Констанции с таким видом, будто собирается заключить ее в объятия. Пока он шел, та и не пошевелилась, сидела, будто окаменев. Но затем все-таки поднялась, дрожа и опираясь о стол, причем видно было, что ей это стоит немалых усилий. Она постаралась увернуться от объятий незнакомца. Опрокинула молочник, пока хваталась за стол, а стул, на котором она только что сидела, с грохотом полетел в сторону. Звук этот действительно показался каким-то неестественно громким. А я только слышала, как кто-то в ужасе хватает ртом воздух — наверное, соседка Тайс, и краем глаза видела, как подпрыгнула на месте Мириам.

— Это не мой сын, — произнесла Констанция срывающимся голосом. — Это не мой сын! Никогда в жизни я не видела этого человека.

И начала задыхаться, как будто собственные слова лишили ее последних сил. Мириам опомнилась пер-

Истина

вой, поспешила обогнула стол, подскочила к старушке, подхватила ее, а на меня бросала сердитые взгляды. Я сразу поняла, что она думает. Недоумевает, как это я могла устроить матери Филиппа подобный сюрприз, ведь к эмоциональному потрясению такого рода не может быть готов и более крепкий человек.

Самозванец замер на месте. Опустил руки, как в замедленной съемке. Внутренне я ликовала. Как хорошо, что Мириам и соседка Тайс все это видели и слышали. Как хорошо, что они так долго разговаривали сегодня с Констанцией. Они могут засвидетельствовать: эти свои слова она произнесла в здравом уме и твердой памяти.

Мириам помогла Констанции усесться на место. Я уже собиралась сказать незнакомцу, что он нервирует Констанцию и лучше ему уйти, а затем собиралась наконец объяснить происходящее Мириам и соседке Тайс, как вдруг Констанция заговорила вновь:

— Мой сын умер. Его убила моя невестка — она жадная и порочная. В Гамбурге это каждому известно. Каждому.

И она опять принялась хватать воздух ртом.

Я почувствовала, как кровь отлила от моего лица.

Соседка Тайс и Мириам стыдливо смотрели в пол.

— Мой сын! — Констанция издала горький смешок, пожалуй, слишком звучный для хрупкой старушки. — Вполне вероятно, что он лежит на дне Эльбы.

В полном оцепенения я смотрела, как молоко капельками стекает из опрокинутого молочника на пол. Держалась за спинку стула и заставляла себя рассматривать маленькую белую лужицу на кухонных половицах. Лужица становилась все больше, кап, кап, кап. Отключившись от остального, я глядела на ровную

Мелани Раабе

белую гладь. Чувствовала, что рот у меня открыт, а закрыть его никак не получается, тело отказывается принимать сигналы мозга, будто меня парализовало. Да и не только меня, все в этом помещении застыли, как замороженные, ни звука, ни слова, ни движения. В воздухе — ужас и легкий аромат ванили.

Оцепенение разрушила Мириам. Ей удалось утихомирить Констанцию, и та в конце концов стала спрашивать, где же ее муж, хотя тот умер много лет назад. Я с трудом держалась на ногах, чуть ли не рухнула на стул, как вдруг кухня словно пришла в движение. Оказалось, это соседка Тайс поднялась с места, чтобы рас прощаться:

— Пожалуй, домой я пойду, порядок в саду наведу.

И исчезла в мгновение ока, я и не думала, что она может быть такой шустрой.

Мириам предложила отвезти Констанцию домой, но я не согласилась. Это дело я возьму на себя. Мириам посмотрела на меня долгим взглядом, который мне не удалось разгадать, затем молча кивнула и потащила мою свекровь к дверям, а по пути успела сообщить мнимому Филиппу, что рада с ним наконец познакомиться и надеется продолжить знакомство при более благоприятных обстоятельствах.

Не хотелось мне оставаться наедине с самозванцем, но я полностью утратила контроль над ситуацией.

— Это что такое? Что это значит? — напустился он на меня, перегородив дорогу.

Я не ответила.

— Может, мы лучше о твоей матери поговорим?

Вот это меня и достало. Упоминание о моей матери.

— Да уж, приятного тут мало, — шепнул он.

Незнакомец

За прошедшие годы я попадал в самые экстремальные ситуации и научился выкручиваться. Мне постоянно приходилось бороться с природной стихией — с влажностью, холодом и зноем. И более того — с животными тварями самого разного помола. Наверное, так и буду до конца своих дней сначала проверять ботинки и уж потом только обуваться — я хорошо заучил этот урок, преподанный в лагере товарищами. Помнится, однажды утром, сидя на нарах, подобрал сапоги, вытряхнул левый, потом правый — и к своему ужасу увидел, как выпал оттуда огромный птицеед. Со всем этим я умеюправляться.

Здесь, в Гамбурге, подвоя жди не от зверей. Но только от людей.

Открываю холодильник, достаю ветчину и сыр. Ем и то, и другое прямо из упаковки. Еще раз прокручу в голове все, что учудила эта женщина. Делаю вывод: скорее всего она себе только навредила. Но что же тогда это означает?

Не важно, думаю я. Пока она не обращается в полицию, дело не проиграно. А в полицию она не пойдет.

Мелани Раабе

Как пить дать, не пойдет. Я убираю продукты, наливаю стакан воды, залпом выпиваю.

И тут меня пронзает догадка. Усталость снимает как рукой. Разве возможно забыть об этом? Ведь подобный промах мог стать роковым.

Я немедля принимаюсь за дело.

Солнце палило изо всей силы. В такие дни, как сегодня, дети попадают в больницу от солнечного удара, а слабоумные старики умирают от обезвоживания. Я катила по мерцающему от жары асфальту и пыталась переварить инцидент с Констанцией, которая сидела теперь рядом, на переднем сиденье. И в отличие от меня была настроена, кажется, очень даже благодушно: что-то тихо напевала себе под нос и пребывала в веселом расположении духа. Похоже, изливание желчи воздействовало на старушку так же живительно, как раньше.

Я включила правый поворотник, пропустила велосипедистов и свернула на главную дорогу. Улица поражала непривычной пустынностью. Кто мог, уехал из города на пляж или, по крайней мере, склонился дома, где прохладно. Я осторожно взглянула на Констанцию, та сидела с закрытыми глазами и улыбалась.

— Все в порядке? — спросила я.

— Спасибо, Моника, — ответила старушка. — Все хорошо.

Мелани Раабе

Я понятия не имела, кто такая Моника — одна из медсестер, работавших в доме для престарелых, где жила Констанция, или же видение из прошлого. Только сейчас я осознала, как мало знала об этой женщине, за исключением того факта, что она мать моего мужа.

Машины за пределами моего тихого квартала еле ползли. Некоторое время мы не вступали в разговор вовсе. Когда молчание сделалось невыносимым, я включила радио. Из колонок полилась летняя поп-музыка, и я тут же снова заглушила приемник, предпочтя тишину.

— Сегодня во сне я видела своего Зеленушку, — вдруг сообщила Констанция. А я почувствовала, как учащенно забилось сердце.

— Он не любил, когда его так называли, — добавила она. — Значит, Филипп. Сегодня мне приснился Филипп.

Ее глаза по-прежнему были закрыты, словно сны так легче вспоминались.

— Очень интересно, — сказала я осторожно.

— Да.

Я запустила двигатель, но на следующем светофоре снова остановилась. Подумала, что от Констанции больше ничего не дождешься, но та вдруг продолжила:

— Дело происходило на кухне, все казалось таким знакомым и в то же время совершенно чужим — люди, место — все какое-то необычное, как это частенько случается в снах. Мы пили чай с пирогом, и мне невольно вспомнилось сумасшедшее чаепитие из «Алисы в Стране чудес».

— Почему? — спросила я, сворачивая к дому престарелых.

Истина

— Потому что все говорили рифмами, — ответила она.

Мне тут же представилась госпожа Тайс. Чаепитие в моем доме.

— Но потом я вдруг перенеслась совсем в другое место, если не ошибаюсь, в свою комнату. И там находилась моя невестка. — Констанция явно пыталась совладать с собой.

Я боялась открыть рот.

— Вы знаете, как происходит во сне: ты вдруг переносишься из одного места в другое, а сон продолжает идти своим чередом, только совершенно в другом обрамлении?

Констанция открыла глаза и посмотрела на меня. Но видела она совсем не меня, а Монику.

— Да, — ответила я. — Мне это знакомо.

— «Логика сновидений», — провозгласила старушка. — Ведь это так называется?

Я кивнула.

— Я слишком часто вижу во сне свою комнату. Умей я управлять снами, в них никогда бы не попадала эта каморка, на мой взгляд, это чистой воды транжирство. Кто знает, сколько еще сновидений выпадет на мою жизнь. Если б мне предоставили выбор, я бы летала на вертолете или гуляла с мужем по пляжу, или же играла с сыном, как в давние времена, когда он был еще маленьким.

Она опять замолчала.

Я вела машину по городу и время от времени плотно закрывала глаза, досадуя, что не захватила с собой темные очки, — солнце стояло низко и нещадно слепило, и требовалась предельная концентрация, чтобы не проглядеть велосипедистов. Я ломала голову, раз-

Мелани Раабе

мышляя над тем, как добиться от Констанции разъяснений, ведь совсем недавно та утверждала, будто ее сына убила я. Неужели она всерьез так думает.

— Вы видели во сне невестку? — спросила я осторожно.

Констанция засопела.

— И что же, интересно, вам приснилось?

Мать Филиппа не отвечала.

— Констанция?

Ответа не последовало.

Покорившись судьбе, я проехала последние несколько километров до дома престарелых и проводила старушку внутрь.

Едва мы ступили в парадный вестибюль, который после многократных попыток с помощью цветов и мягких красок придать ему немного уюта производил еще более гнетущее впечатление, навстречу нам уже заспешила госпожа Кавацки.

— Госпожа Петерсен! Вот вы и вернулись.

Опытными движениями она усадила Констанцию в инвалидное кресло. Та терпеливо все снесла, не протестуя, и под эскортом Кавацки мы направились в комнату Констанции. Похоже, сестре не терпелось услышать захватывающие новости о Филиппе. Завозя кресло в лифт, она болтала о гнетущей жаре и о том, что подадут на ужин.

— А как прошел ваш день, госпожа Петерсен, надеюсь, удачно? — спросила она напоследок.

Ее тон действовал мне на нервы, она обращалась с Констанцией, как с маленьким ребенком. Старушка не отвечала, и меня это радовало. Двери лифта закрылись, воцарилось тягостное молчание. Мы с госпожой

Истина

Кавацки таращились на подсвеченные кнопки, которые показывали, какой этаж миновал лифт, Констанция смотрела в пустоту.

Когда мы завезли кресло в комнату, я попрощалась и с облегчением вздохнула. Все, что мне хотелось, — это поскорее убраться. Подальше от этого здания, от этой женщины, которая все время подмешивала песок в механизм нашего брака и даже теперь, став такой старой и хрупкой, еще обладала невероятным разрушительным потенциалом. Перед глазами у меня до сих пор стояли лица Мириам и госпожи Тайс, объятые ужасом, после того как Констанция излила свою желчь. Я протянула госпоже Кавацки руку, повернулась и собралась идти.

— Я видела странный сон, — сказала вдруг Констанция. — Мне снилась невестка.

Я отвела руку от двери и обратилась к старушке.

Кавацки снисходительно улыбалась, как будто хотела сказать: с Альцгеймером всегда так. Нужно терпение.

— Что же вам такого прекрасного о невестке приснилось? — спросила она.

Я почувствовала, как к горлу подступил комок, конечно, неприятно, что Кавацки тут торчит, но в то же время меня одолевало любопытство.

— Я помню, как сын в первый раз привел эту мышку в дом, — сказала Констанция, не обращая внимания на вопрос.

У меня сердце упало. Вот как она, оказывается, меня называет. Мышкой.

— Студентка из окрестностей Рейна — ни семьи, ни ума, никаких амбиций, простушка обыкновенное некуда. И взгляд какой-то...

Мелани Раабе

Она задумалась.

— С хитрецой, наверно, точнее тут не скажешь, — наконец заявила она. — Для меня так и осталось загадкой, что Филипп в ней нашел.

Кавацки смущенно опустила глаза, но я была уверена — про себя она упивалась, слыша все это. Семейные тайны. Хоть какое-то развлечение.

— С виду мышка даже воды не могла замутить, но мою бдительность она не усыпила ни на секунду, этого ей не удалось. Какой там — я нутром чую, когда человек что-то скрывает. Моя мать всегда говорила: это у меня от отца, а папаша был судьей.

Она откашлялась и, похоже, предалась воспоминаниям.

— Так, значит, ваш отец был судья? — спросила Кавацки, переводя стрелки, как будто только теперь почувствовала щекотливость своего положения.

Я молчала.

Констанция кивнула и продолжила:

— В последнее время я часто слышу голос матери. Перебираю в памяти все, что она говорила, когда я была еще ребенком, это так странно. В последнее время вообще вспоминается многое. Просто приходит в голову, сама не знаю откуда. Слова и запахи юности. Как готовили в водогрейнике чай, как по весне мы, дети, собирали жужжащих семиточечников на счастье, как помогавшая при родах соседка называла себя повитухой. Я прожила счастливое детство. Мама — красавица. Отец — элегантный человек, который иногда...

Тут речь ее прервалась, я посмотрела на Констанцию, увидела нахмуренный лоб.

— На чем я остановилась? — И это был не вопрос, а скорее прелюдия к продолжению.

Истина

— Мышка, — сказала я. — Ваша невестка.

В голосе моем звучала жесткость.

Кавацки недвусмысленно закашлялась, но со своей стороны ничего не предприняла. Хотя могла бы тактично удалиться.

Мне было все равно.

— Ах да, мышка, — пришла в себя Констанция. — Когда он впервые привел ее, я, ясное дело, приглядевшись к ней повнимательнее. Задавала вопросы, которая, разумеется, задавала бы любая мать. Но Филипп потом утверждал, что я устроила настоящий допрос.

Я ощущала в горле комок горечи. Эта встреча до сих пор во всех подробностях отдавалась во мне болью.

— Когда Филипп — уже позже, точно не знаю, когда — сказал, что хочет на ней жениться, это прозвучало как гром среди ясного неба. Я испытала самый настоящий ужас. И поступила так, как поступил бы мой муж, если бы еще находился среди нас. Я наняла человека и поручила навести справки. И интуиция меня не подвела. Выяснилось, что мышка не совсем в здравом уме. Собрав все доказательства, я в один прекрасный день выложила их Филиппу. Среди прочего — отчет о ее пребывании в психиатрической клинике.

Боже мой!

— Ну и все остальное.

Она все знает.

— Пусть, мол, увидит, на ком собрался жениться. Но он не увидел. Он просто не слушал, смахнул бумаги со стола, сказал, что знать ничего не желает, что он взрослый человек, что доверяет жене, и мне пришлось смириться. Он даже не подумал составить брачный договор. Глупец. И однажды я получила из-за границы открытку. Зара и Филипп Петерсен. Этот

Мелани Раабе

брак был позором. Они даже не потрудились соблюсти приличия...

Она выдавливала фразу по каплям.

— Сегодня после обеда вы не забывали пить воду? При такой жаре быстро наступает обезвоживание, — включилась Кавацки.

— Недавно вы сказали, что невестка якобы убила вашего сына, — перебила я. Мне непременно надо выяснить, что у нее на уме. Я изо всех сил старалась сохранять непринужденность в голосе, но Констанция не отвечала и, казалось, интересовалась теперь больше вещицами для вязания, пыталась взять их со стола, но никак не могла, и тогда Кавацки молча протянула их своей пациентке.

— Может, лучше прийти в другой раз, — обратилась она ко мне, — похоже, вашей свекрови нездоровится.

Я кивнула.

— Я всегда предупреждала Филиппа, что его могут заманить в сети женщины, которые жадны только до его денег, — вдруг заявила Констанция.

От отвращения голос ее стал совсем низким.

Я стояла как громом пораженная, и чувствовала: Кавацки вся обратилась в слух.

— Откуда вам известно, что вашу невестку интересовали только деньги? — спросила я.

Теперь мой голос дрожал от негодования.

— Как бы вам сказать. Я устроила ей проверку, — сказала Констанция. — Я предложила ей деньги в обмен на то, что она бросит Филиппа.

Какой вздор!

— Много денег, — сказала Констанция.

Это ложь.

Истина

— И как она отреагировала? — спросила я.

— Ей было мало, — заявила Констанция. — Она хотела больше. Она торговалась.

Я в оцепенении затрясла головой. Старалась дышать спокойно.

— Констанция?

Она повернула голову, и глаза наши встретились. И я выступила с возражением:

— Это неправда. Вы все придумали. Может, потому, что ваш собственный брак был ужасен и вы не могли смириться с тем, что сын счастлив. Может, потому, что ничего лучшего вы не знали. Или потому, что вы просто плохой человек.

Констанция прищурилась.

— Ах господи ты боже мой, — примирительно подытожила она. — Теперь все это не имеет значения.

Мне нечего было возразить.

— А теперь чай, — сказала Констанция.

Я покинула комнату, ни разу не обернувшись. Но слова Констанции преследовали меня, даже когда я уже давно сидела в машине и смотрела, как дом престарелых постепенно уменьшался в зеркале заднего вида.

Незнакомец

Голова раскалывается так, что я почти ничего не вижу. И еще не могу обуздить бешенство, меня охватившее. Я обыскал весь дом и ничего не нашел. Это грызет меня изнутри. Гримм все еще не объявился. Но я вроде в норме. Еще немного, и я окончательно с собой справлюсь.

Новая тактика. Я гуляю по дому, поднимаюсь по лестнице, спускаюсь, брожу из комнаты в комнату. Сознательно стараюсь не искать никаких тайников, но смотреть на все глазами непрятательного посетителя. Как будто впервые. Прохожу мимо комнаты мальчика, останавливаюсь. На стенах постеры звездных войн, на полу недостроенная крепость из «Лего», книга сказок и несколько номеров «Веселых записок» на полке. Пытаюсь вообразить жизнь, в которую вторгся, но ничего не получается. Беру с полки комикс, опускаюсь на кровать, стараюсь не сесть на синюю клетчатую рубашку, которая там лежит. От корки до корки рассеянно просмотриваю книжку. Ставлю на место, покидаю детскую, опять открываю подряд все двери. Дом как дом, совершенно обычновенный, с обычновенными комнатами.

Истина

Наконец, попадаю в спальню. Кровать, шкаф, ночной столик, комод. Розовое постельное белье, кремовый коврик. На столике лампочка для чтения, крем для рук, пачка бумажных платочек, пара берушей, упаковка аспирина, книга, зарядка для мобильника. Переворачиваю книгу, Достоевский. Выдавливаю одну таблетку и проглатываю, не запивая.

Открываю шкаф. Все аккуратно разложено и убрано. На внутренней стороне шкафа старый-престарый постер, извещающий о концерте «Radiohead». Некоторое время изучаю его, нахмурив лоб, кажется, он совсем не подходит ко всей прочей обстановке комнаты.

Закрываю шкаф, выдвигаю ящик с бельем, который до сих пор оставлял без внимания, — уж больно очевиден такой тайник, — вяло копошусь в нем и, как и следовало ожидать, ничего не нахожу. Ни старых писем, ни дневника, ничего подобного. Чувствую укол совести, но недолго.

Да, женщина, которая тут живет, заслуживает сочувствия. Ее можно принять за совершенно нормального человека, проникнуться к ней уважением или даже восхищаться.

Но она нехороший человек. А если и казалась когда-то другой, то теперь от нее ничего не осталось. Якобы милая, немного замкнутая учительница и мать просто-напросто втирает всем очки. И забывать об этом никогда не следует. Вполне вероятно, что я — единственный живой человек, знающий об этом.

Я снова закрываю ящик с бельем и выхожу из спальни, не солоно хлебавши. Продолжим поиски в другом месте.

Мне требовалось несколько минут передышки, я присела на скамейку, откуда открывался вид на Аусенальстер. Солнце пекло голову, опаляло лицо, неприкрытые руки. Я разглядывала прохожих, детей, гонявших мяч на лужайке, лодки на воде, я наслаждалась нормальной жизнью. Прошла, наверное, целая вечность. День клонился к закату. Рано или поздно придется вернуться домой. Но сейчас я еще не готова.

И вдруг мысли мои вернулись к тому затмению.

Мир померк. Померкло надо мною солнце.

Я стояла, запрокинув голову. Смотрела во все глаза. Изо всех сил старалась вобрать в себя всю полноту момента. Запечатлеть его в памяти. Старалась отнести все прочие мысли. Ощутить происходящее здесь и сейчас каждой клеточкой. Я задумала так еще много лет назад, и теперь настало время осуществить задуманное. Я кивнула, словно хотела скрепить печатью этот свой завет. Тихо, почти торжественно, шумели деревья. Только птицы в верхушках крон были совершенно равнодушны к происходящему. Отчаянно пронзали они темноту своим пением, как будто для них

Истина

решался вопрос жизни и смерти. Померкло солнце, а я так и стояла, наслаждаясь его созерцанием. Все тепло ушло. И свет тоже.

Вскоре я вышла из леса. Вернулась к машине. Села за руль, не обращая внимания на раскаленный от жары салон. Достала из сумки мобильник. Увидела, что звонил Мирко, наверное, интересовался, куда я пропала. Я подумала о нас и ощутила горечь предательства. Вспомнила, как встретила Мирко в первый раз, — нового, молодого и недурного собой коллегу, о котором Клаудия и все остальные отзывались с нескрываемым восторгом. Вспомнила наш первый поцелуй, вечером, после школьного праздника, на пороге моего дома. Посмотрела на телефон. Невольно открыла сообщение, которое пришло, пока я бродила в лесу и навсегда прощалась с человеком, который олицетворял для меня любовь всей жизни. Писал Мирко. Всего три слова. Я смотрела на них как прикованная.

Нужно жить, сказала я себе. И приняла решение.

Я позвала в гости любимую коллегу и ее мужа. Позвонила Мирко. Попросила составить нам компанию. Сказала, что пора познакомиться с моим сыном. Что пришло время покончить со всеми недомолвками.

Теперь я снова дышала полной грудью. Накупила овощей. Лимонов. Трав, курочку. Сделала уборку. Приготовила ужин. Открыла окна, чтобы выгнать духов прошлого, проследила, как те вихрем уносились прочь. Накрыла на стол. Занялась Лео. Я жила. Мой муж умер, но я еще была здесь. В мой дом пожаловали люди, гости. Мирко бросал в мою сторону недвусмыслиенные взгляды, я не обращала внимания, хотя на самом деле находила в этом удовольствие. Я заботли-

Мелани Раабе

вая хозяйка. Смеялась. Оказывается, так тоже можно жить.

Я проследовала к двери, попрощалась с коллегой и ее мужем, сказала, что вечер выдался чудесный, да так оно и было на самом деле, а потом наблюдала, как исчезают гости в темноте. Я поблагодарила Мирко за приятный вечер и за цветы. Мирко посмотрел мне в глаза, неловко похлопал по плечу, словно хотел сказать: «Ты справилась».

Из всех троих только он знал, что сегодня, в первый раз за семь лет, я принимала у себя гостей. Такие вещи Мирко можно доверять. Он никогда никого не судил.

— Мне нравится Лео, — сказал он.

— Кажется, ты ему тоже нравишься.

Мирко улыбнулся. Он чувствовал: цель уже близка. Он был терпелив. Наверное, это стоило немалых усилий. На несколько секунд воцарилось молчание.

— Просто пришла пора, — подытожил он, а потом добавил: — я имел в виду, мы оба — мужчины в твоей жизни, и пора было нам уже познакомиться. — Я согласно кивнула.

Он поцеловал меня в лоб, потом отвернулся, я смотрела, как растворялась в темноте его фигура.

Отвела глаза и собралась обратно в дом, который сначала был домом Филиппа, потом нашим общим, а теперь моим, думала взглянуть на сына. Но все обернулось иначе.

— Зара.

Голос Мирко. В удивлении я обернулась к нему. Вопросительно вскинула брови.

— Я передумал, — заявил Мирко. — Я хотел бы остаться сегодня здесь.

Истина

Я посмотрела на него в упор.

— Я был очень терпелив.

Что правда, то правда.

Я колебалась.

Я не могла этого сделать. Не могла так запросто пригласить его. Не могла спать с ним в доме Филиппа. В постели Филиппа.

— Ну, будет тебе, — подбадривал Мирко.

Мне стало трудно дышать.

— Зара, прошу тебя.

Я вздохнула, повернулась. Признала капитуляцию, и мы вошли в дом. Я дала знак Мирко вести себя тихо. Лео ни в коем случае не должен его услышать.

Пока я читала сыну сказку, — каждый вечер он по-прежнему упорно об этом просил, — то думала о том, что муж мой умер и что теперь меня ждет в спальне Мирко.

Так продолжалось несколько ночей, и все отдавало какой-то ложью, но Мирко проявлял настойчивость, а у меня просто не было сил сопротивляться, ведь дело казалось предельно ясным: пора начать новую жизнь, и я приложу к этому все мыслимые усилия. Мирко устал скрываться, он хотел, чтобы мы съехались, хотел, чтобы Лео о нас узнал. И, на мой взгляд, это самое правильное. Я готовилась. Боялась реакции Лео, и от него не ускользнуло, что на душе у меня что-то не так: я вдруг стала на все соглашаться, ни с того ни с сего стала все позволять. Даже пообещала съездить с ним в зоопарк, хотя на дух не выносила зоопарков.

Накануне этой нашей вылазки я не спала.

Я задавала себе старые вопросы. Вопреки всем обстоятельствам.

Мелани Раабе

Только ответы получала другие.

Филипп мертв. Филипп умер. Филипп никогда не вернется.

Посреди ночи я поднялась. Оделась, немного подумав, достала из ящика для белья чистый носовой платок. Покинула спальню, бесшумно спустилась по лестнице на первый этаж и вышла в сад. Меня обдал холодок, несмотря на дневную жару, воздух за ночь уже заметно остыл. Пахло свежестью и чистотой, не раздавалось ни звука. Я ощутила свое вселенское одиночество, его благотворное действие, потому я и чувствовала потребность побывать в одиночестве.

Я любила наш сад. В первые годы после исчезновения Филиппа я пыталась сохранить все в точности так, как было при муже, когда он в последний раз покинул дом. Но потом оставила эти попытки, и природа с моего согласия уже кроила все по собственному усмотрению. Я только косила траву вокруг яблонь и вишен, да не трогала дикие травы, — давным-давно ветер занес сюда их семена, и теперь они буйно разрослись в самых неожиданных уголках. В конечном итоге получилось таинственное место, где Лео любил играть с друзьями, а я — наблюдать за маленькими паучками, расставлявшими между кустами смородины крошечные сети.

Теперь сад был погружен в тишину, его освещал только свет, который лился из больших окон кухни. Ни луны, ни звезд. Я ступила на лужайку и стала удаляться от света, все больше углубляясь в миниатюрную чащу — творение природы за последние несколько лет. Глаза привыкли к темноте, я подошла к приземистому строению за яблонями, принялась шарить рукой

Истина

в темноте и довольно скоро нашупала лопату, которой прежде окапывала грядки с овощами. Снова закрыла сарай, стала присматриваться. Мой взгляд наконец задержался под яблоней.

Я всадила лопату в землю, налегла на рычаг, выбила покрытый травой квадрат, отложила в сторонку. Принялась копать глубже, ссыпая землю тут же, рядом, в конце концов образовалась подходящая ямка. Воздух ясной летней ночи смешивался с пряным ароматом земли. Я отложила лопату. Заглянула в ямку, которую собственноручно выкопала.

Подумала о муже. Увидела его перед собой, у воды, на нашем любимом месте, что на берегу Эльбы. Там, где мы впервые поцеловались, где приняли решение пожениться. Вспомнила, каким он был раньше. Какими были мы оба до этой ночи: юными, беззаботными и свободными. Вспомнила, как пахли его волосы, представила изгиб его верхней губы, ямочки на щеках. Вспомнила, с какой легкостью он меня поднимал, и что потом такого со мной больше никто не делал. Вспомнила, как он непременно хотел все обговорить и постоянно досадовал на то, что я молчу. Как легко мы вздорили, когда только-только стали жить вместе, по самым пустяковым и ничтожным вещам. Он бесконечно крутил «Любишь ли ты меня?», что приводило меня в бешенство, и мы ссорились. Мы ругались из-за того, что он никогда ничего не закрывал, ему было просто лень закрутить крышку на бутылках с водой, на банках с вареньем, на тюбиках с зубной пастой. Ругались, потому что я оплачивала счета только после первого предупреждения, хотя чего-чего, а недостатка в деньгах мы не испытывали, и еще из-за того, что я всегда клала запасной ключ под большой цветочный

Мелани Раабе

горшок у входа, — я то и дело забывала ключи, дверь захлопывалась, и я куковала на улице.

— Это же чушь несусветная, кто тебя только надоумил? — говорил он. — Прятать ключ под цветочным горшком? Ты думаешь, мы где живем? В одном из безоблачных миров из сериалов? Думаешь, тут так же, как у Уолтонов?

— Успокойся, — только и говорила я. — Ни одному человеку не придет в голову, что мы прячем ключ от дома у всех на виду.

Милые пустяки. Невинные ссоры, которые всякий раз заканчивались приступами смеха или сексом.

По крайней мере так было первые несколько лет.

Теперь я знала, как поступить, я только не знала, справлюсь ли. Вздохнув полной грудью, я принялась за дело. И вдруг совершенно отчетливо поняла: семь лет — срок достаточный. Стала снимать с пальца обручальное кольцо. Плоть сопротивлялась, не желала с ним расставаться, но я тянула изо всех сил, через складки кожи на сгибах пальцев, а потом дернула, и кольцо, наконец оказалось в моей руке. Я взяла платок, когда-то принадлежавший моей любимой бабушке, — такими уже давно не пользовались, — и обернула им кольцо. Встала на колени, медленно, торжественно, как двигаются на похоронах. Потом опять выпрямилась. Ощутила потребность что-нибудь сказать. Но не знала, что именно. Все, что можно было сказать, я уже сказала в бессонные ночи, оставшиеся в прошлом. Все, что можно было почувствовать, я уже чувствовала.

Я думала, любовь — это не состояние, не ощущение. Любовь, думала я, — это организм, которому

Истина

знакомы голод и жажда. Живое существо, которое растет и уменьшается, заболевает и снова поправляется, которое может заснуть и умереть.

Одинокая слеза скатилась по моей щеке, по шее и в конце концов смочила воротничок футболки, в то время как я, вцепившись в лопату, закидывала землей обручальное кольцо и говорила:

— Прощай, Филипп.

Я отложила лопату. Постояла некоторое время, прислушиваясь к биению в оголенном безымянном пальце. Взяла, наконец, себя в руки и вернулась в дом.

Покончив с этим делом, я уже через несколько часов гуляла с Лео по зоопарку. Мы видели потрепанного льва и возбужденных мангустов. Вопреки опасениям я ощущала только легкость, никакой хандры. Все ниточки, тянувшиеся к прошлому, были порваны. Брезжило новое начало. Незапятнанная репутация. Какое облегчение. Я робко улыбнулась. Внезапно меня охватило чувство, что все еще наладится, что новое счастье возможно.

Я смотрела на сына, пока подбирала правильные слова, но тут зазвонил телефон. Я сняла трубку, и мне сказали, что Филипп жив и завтра возвращается.

Смех и слезы душили меня, и в то же время — нестерпимое желание взять на чердаке старую Филиппову клюшку для гольфа и разгромить весь дом.

Я не знала, что и думать, я в буквальном смысле была уничтожена. Сон не шел ко мне, кусок не лез в горло, я не находила себе места, как выющееся растение не знает, куда девать свои отростки. Попробовала попросить помощи, набрала телефон лучшей подруги, но не застала, позвонила Иоганну, но не дозвонилась,

Мелани Раабе

в отчаянии голосила я в телефонную трубку, но на другом конце никто не отвечал. Меня словно выпотрошили. Я накинулась на малину, которую подарила соседка, и тут же изрыгнула ее обратно, — на паркете заблестели ярко-красные лужицы. Я превратилась в робота, — бродила туда-сюда, выполняла какую-то работу, произносила слова, но внутри оставалась совершенно пустой. Я поговорила с Лео. Набрала Мирко и сказала, что между нами все кончено и чтобы он мне больше не надоедал.

Чувства мои притупились. Когда звонил Мирко, я выключала телефон. Я сделала уборку. Постаралась вернуть все на место, чтобы дом стал таким, каким видел его Филипп в последний раз. Откопала обручальное кольцо. Отметила странное ощущение в голове, а в теле непривычную легкость, весь мир как-то необычно смеялся, краски стали другими: красный больше не красный, зеленый не зеленый, но мне было не до этого, на такое больше не оставалось времени, — я сидела в машине и направлялась в аэропорт встречать мужа.

Поначалу я даже не предполагала, что возможно действовать по-своему, и исполняла только то, чего от меня хотели.

Я вспомнила чувства, обуревавшие меня тогда. После семи лет уныния — ветер перемен. И Мирко. Не Филипп, никаких искрометных огней, никаких бьющих через край эмоций. Просто новая надежда на счастье.

Бедняжка Мирко. Теперь между нами все кончено, во всяком случае, это ясно как день.

Когда мне сказали, что Филипп возвращается, я сразу, за какие-то доли секунды, приняла решение

Истина

порвать с Мирко. Мы больше не могли быть вместе. Когда-нибудь он это поймет. И когда-нибудь, надеюсь, и я найду в себе силы простить себя за то, что так напрасно разбила все, с большим трудом построенное. Что оттолкнула Мирко, предпочтя ему незнакомого человека.

Я вздохнула, поднялась со скамейки, на которой позволила себе передышку. Все безнадежно запуталось. И я не знала, как жить дальше.

Незнакомец

Похоже, я таки умудрился заснуть. Еще не полностью прия в сознание после сна, сажусь в кровати. Начинаю себя корить. Мне не следовало ложиться. Неужто последние месяцы и годы так ничему меня не научили?

Пульс успокаивается. Все в порядке. Ситуация под контролем. Если бы женщина вернулась, я бы заметил. Мой сон чуток, я всегда начеку, даже когда сплю. Но все равно не мешало проверить и удостовериться.

Мой взгляд останавливается на фотографиях, висящих на стене в рамках. До сих пор я сознательно их избегал, да и что хорошего мог бы там увидеть. Подхожу ближе. На большинстве из них — женщина и мальчик. Но есть еще одно фото: она, веселая и счастливая, в объятиях своего мужа. Трудно сказать, где и когда сделан снимок, но оба очень молоды и очень счастливы. Я отрываюсь от сияющего женского лица и пристальное вглядываюсь в Филиппа Петерсена. Голубая тенниска и самоуверенная улыбка а-ля «весь мир принадлежит мне». Сразу чувствую, как поднимается внутри меня тихое отвращение. Когда-то я тоже

Истина

был таким. Когда-то я тоже был Филиппом Петерсеном. Одним из тех, кто получает все играючи и кто понятия не имеет о том, как хорошо ему живется.

Не важно, насколько сильно сходство между нами, но воображать, что мне хоть на секунду удастся обмануть его жену, было форменным идиотизмом. И старая фотография этих двоих — наглядное тому доказательство. Пусть я и похож на Филиппа Петерсена. Пусть двигаюсь так, как двигался он, пусть даже умею подладиться под его речь и говорить так, как говорит он. Но суть человека воспроизвести нельзя.

Я отвожу глаза. Очень хочется лечь. Единственное мое желание — это поспать. Но нельзя забывать о дисциплине. Дисциплина означает: пока есть возможность действовать — действуй и делай все, что от тебя требуется. Даже если надо бодрствовать, когда ты смертельно устал.

Когда я встаю, суставы в коленях и локтях сухо потрескивают. Я потягиваюсь, делаю круговые движения плечами, стараясь не обращать внимания на боль. Потом прохожу через гостиную и как можнотише поднимаюсь на верхний этаж. Я двигаюсь беззвучно, я наловчился. Четвертую ступеньку сверху пропускаю. Я быстро учусь. На несколько секунд останавливаюсь перед дверью *dormitorio* — спальни. Отмечаю, что думать по-немецки мне по-прежнему нелегко. И с этим еще предстоит справиться.

Дверь закрыта. Мне даже не надо ее открывать, я знаю — за ней пусто. Какое облегчение. Присутствие женщины неприятно до такой степени, что я рад прожить еще несколько минут без нее.

Злобные слова Констанции так и гремели у меня в голове, пока я парковалась на улице, где живет Мириам. Поставила машину на ручной тормоз, порылась в сумочке, нашла мобильный телефон и набрала Иоганна. Постепенно к моему нетерпению уже подмешивалось и беспокойство. Иоганн — настоящий трудоголик, он без мобильной связи просто жить не может, он доступен двадцать четыре часа в сутки. А вдруг с ним что-то случилось?

Соединение устанавливается медленно, металлический скрип сопровождает каждый гудок, один, два, три, четыре, пять, шесть — но никто не берет трубку. Вот проклятие. Еще два дня и две ночи, и только тогда Иоганн вернется в Германию и сумеет мне помочь.

В раздумье я отложила телефон, вылезла из машины и прошла несколько метров до дома Мириам. На цветы, которыми я обычно так восхищаюсь, теперь уже полностью распустившиеся и окруженные, будто спутниками, жужжащими пчелами, я на сей раз даже не взглянула. Целый час я кружила по городу и старалась — пусть и напрасно старалась — привести мысли в порядок. Понятно, что Констанция поражена болез-

Истина

нью Альцгеймера. Но ведь откуда-то она набралась мыслей о том, что я убила ее сына. Кто ей наговорил такое?

А что это за чепуха насчет денег? Неужели Филипп ей рассказывал что-либо подобное? В разговорах со мной он ничего похожего не упоминал. И тем не менее...

Столько всего крутилось у меня в голове... Что делал самозванец на главном вокзале? Чего он добивался? И кто таков, черт его побери, тот житель дома номер 41, который показался мне до боли знакомым? Необходимо найти ответы на все эти вопросы, но пока что надо забрать Лео и решить, куда его отправить на ближайшие несколько дней. Домой-то его никак не возьмешь, это точно. Неужели нам придется вместе отправиться в отель?

Расправив плечи, я вдавила кнопку звонка.

Мириам, открыв дверь и увидев, что я пришла, тут же прижала меня к себе. Она, видно, на кухне работала, от нее пахло какой-то едой и свежим потом. Восхликала с ходу:

— Бедная ты моя!

Мне были неприятны ее объятия, меня раздражало, что она думает, будто я нуждаюсь в утешении. Мне тридцать семь лет, и я сильнее многих и многих, мне не надо, чтоб меня утешали.

— У тебя все в порядке? — спросила Мириам.

— Разумеется, — ответила я.

— Ты уверена? Со мной ты обо всем можешь поговорить, ты ведь знаешь.

— Спасибо, Мириам.

— Да не за что, не за что.

Мелани Раабе

Мы вместе пошли в кухню.

— А как Констанция, все нормально? — поинтересовалась она.

— Да, лучше не бывает.

— Наверное, сегодняшний день для нее оказался непростым. И эта встреча с Филиппом, и еще...

Я не дала ей договорить:

— А где Лео?

— Наверху, — улыбаясь, ответила она. — Невероятно, как они между собой похожи. Он просто копия твоего мужа.

— Кто? — глухо отозвалась я.

— Как это — кто? — Мириам явно позабавил мой вопрос. — Лео, разумеется.

А я только заморгала часто-часто. От возмущения. Но ничего не ответила.

— Я вот думаю, может, вы с Филиппом приедете к нам поужинать? — продолжала она. — Мы будем очень, очень рады. Ну разумеется, если Филипп уже в состоянии.

Я по-прежнему не отвечала, а Мириам болтала себе дальше. Как это странно, думала я, сидя напротив нее, как будто ничего и не случилось. Внутри во мне переменилось все, а внешне — не переменилось ничего, внешне все осталось по-старому. Впервые в жизни мне стало ясно, что все люди, каких я знала, подобны айсбергам, чья крошечная сверкающая белизной вершина видна каждому, но под нею, в темноте, скрывается конус устрашающей величины.

— До чего же здорово видеть вас вместе, — не унималась Мириам, — вы такая пара — ну, просто из голливудского кино.

Истина

И захихикала. Как будто мы, девочки-подростки, болтаем тут про мальчиков.

— Хотя... Знаешь, что? Честно скажу, я ведь Филиппа видела только на фотографиях, которые у тебя по стенам развесаны. Если бы я не знала, кто это такой, я бы сегодня днем его нипочем не вычислила.

Я отпила воды из стакана, который она передо мной поставила. Мириам все так и болтала:

— Просто поразительно, как люди меняются. Только ты пойми меня правильно, я же говорю, вы вместе классно смотритесь. Возраст ему идет.

Я опять глотнула воды.

— Знаешь, о чем я подумала? — спросила Мириам, а я опять не ответила. — Перемена, которая с ним произошла, напомнила мне об одной выставке, мы с Мартином вместе там побывали. Так вот, там мы видели портреты американских солдат, воевавших в Ираке, по три фотографии каждого. Одна, сделанная до войны, другая — во время войны, третья — после войны. Сума сойти. — И тут она тоже отхлебнула глоток воды. — Помню, Мартин стоял перед этими портретами и пытался найти общее между молодыми, открытыми лицами — это до войны, и лицами, отмеченными всем пережитым — это после войны. Всего-то несколько лет, но люди стали совершенно другие.

Мириам казалась взволнованной и радостной, как будто она сегодня встретилась с настоящей знаменитостью. А у меня даже сил не было на нее разозлиться.

— Филипп выглядит точно так же. Как будто он вернулся с войны, — заключила она.

Я допила воду из стакана и произнесла:

— Это не Филипп.

Мелани Раабе

— Что? Ты что имеешь в виду?!

В эту минуту в дверях кухни появился Лео. Глаза как щелочки, красные и заплаканные.

— Не хочу домой! — крикнул он мне, повернулся и убежал туда, откуда пришел.

Мы с Мириам обменялись понимающими взглядами, я вышла из кухни и поднялась по лестнице следом за сыном. Нашла его в гостевой ванной комнате. Хорошо, что он тут не заперся. Значит, хотел, чтобы я пришла с ним поговорить.

Лео сидел на бортике душевой кабины и недоверчиво смотрел на меня. Войдя, я уселась, скрестив ноги, на коврик цвета морской волны прямо перед ним. Ванная комната маленькая, на плитках наклеены стикеры — яркие разноцветные рыбки... Я колебалась. Неужели придется поселиться с ним в отеле? Безумие какое-то.

— Деточка, во время летних каникул ты сможешь каждый день играть со своими друзьями, — начала я. — Но сейчас тебе никак нельзя оставаться тут навечно. У Мириам и Мартина маленький ребенок, а от вас с Юстусом столько шума и беспокойства.

— Все не так. От нас вообще никакого шума и беспокойства.

И он надул губы, сморщил носик. Ах, это милое лицико. Упрямство и веснушки.

Когда я была беременна, я начала изучать бог весть какие вещи, чтобы всегда иметь наготове ответ, если сын меня о чем-то спросит. Чтобы он знал, какая у него умная мама, и чтобы он всегда мог к ней обратиться. Не хотела я каждый раз гуглить ради поисков ответа на вопрос моего ребенка. Вот так я выучила, каким

Истина

образом функционируют автомобиль и мобильный телефон, сколько планет существует в нашей солнечной системе, как именно происходит фотосинтез, чем отличается форма листочеков липы от формы листочеков бука. Что такое положение вне игры и как отличить гриб-поганку от шампиньона. Однако Лео никогда не спрашивает меня о подобных вещах. Он спрашивает меня всегда о таких вещах, какие я не могу объяснить. О жизни и смерти. О важнейшем: почему?..

Вот и сейчас он молчал. Надеялся, что я как-то отвечу, но я тоже молчала, выжиная. А он наконец промолвил:

— В общем, я с тобой не поеду.

И встал. Я инстинктивно тоже поднялась, сразу задав ему вопрос, ответ на который был мне, конечно, известен:

— Деточка, а почему ты не хочешь поехать домой?

Сын посмотрел на меня таким взглядом, будто перед ним самый непонятливый человек на свете, но упрямо промолчал.

— Лео, что такое? Что с тобой?

— Не хочу домой, — выдавил он наконец из себя, — потому что я... потому что я боюсь... — он подыскивал, кажется, правильные слова, — я боюсь того человека...

Он не сказал: моего отца. Не сказал: отца, или моего папы, или просто папы. Он сказал: того человека. Одну-две секунды я смотрела на Лео, а потом прижала его к груди. Вообще-то Лео не переносит таких жестов, во всяком случае — если нас кто-то видит, это ведь совсем не круто. Но сейчас он позволил мне себя обнять. А я судорожно соображала, что следует сказать ему в следующую минуту. Вот уж какая невообразимая

Мелани Раабе

ситуация. Не знала я, что надо сказать Лео по поводу того человека. Я только знала, что мой сын сейчас рядом со мной, а Констанция, похоже, одна на свете способна оценить любезную внешность и подлинную сущность обманщика. Лео в сознательном возрасте никогда не видел своего отца, то есть — он не может знать, что тот человек не является его отцом. Но он почувствовал: с тем человеком что-то не в порядке. О, у Лео очень чувствительные антенны. Как и у меня.

Вздохнув, я выпустила Лео из объятий. Недавнюю мысль о том, что я могла бы с ним поселиться в отеле, пока все не уляжется, я давно уже отмела. Ничего не уляжется, пока лично я об этом не позабочусь. Я предоставлена самой себе. И я не отдам свой дом самозванцу, ни за что и никогда. Если он рассчитывает, что я попросту сбегу от него, то он заблуждается.

Если ты кого-то или чего-то боишься и не видишь выхода, то сделай шаг вперед. Чудовища боятся тебя не меньше, чем ты сам их боишься. Так меня учила мудрая моя бабушка.

— Пошли, — обратилась я к Лео, протягивая ему руку. — Давай спросим у Эм-энд-эмс, можешь ли ты здесь остаться еще ненадолго.

Незнакомец

Она все еще не вернулась. Как не задаться вопросом, куда она подевалась. Ясно, что замыслила недобroе. Она всегда замышляет что-то недобroе. Неужели все-таки поехала в полицию? Нет, не может быть. На такое она не отважится.

Встаю, не могу сидеть, я вдруг разболновался.

Еще раз прокручиваю в голове события прошедшего дня. Снова достаю из сумки мобильный телефон, включаю. И руки мои начинают дрожать: я увидел, что Гримм наконец-то отозвался. Я прослушал автоответчик, но там не было сообщений. Попытался отзвонить Гримму, но тот не взял трубку. До жути хочется запустить этот мобильник в стенку, пусть разлетится на куски. Но я этого не сделаю. Контроль над импульсами. Действовать.

Сделав глубокий вдох, я нажимаю на кнопку повторного звонка. И снова раздается обычный сигнал, я не сбрасываю, жду и жду, но никто не отзыается. Зара может вернуться в любую минуту. Прячу мобильник в карман джинсов и пытаюсь принять реше-

Мелани Раабе

ние по поводу дальнейших своих действий, как вдруг городской телефон внизу, на нижнем этаже, начинает трезвонить. Бегом вниз по лестнице. Вижу, что вместо телефонного номера на дисплее высвечивается: ДРУЗЬЯ. Быстро хватаю трубку, а вдруг это Гrimm решил поймать меня по городскому номеру. Кричу в трубку:

— Петерсен у аппарата!

— Алло, здравствуйте, — произносит женский голос, — это Мириам.

Не знаю, что ответить, и возникает пауза. Затем женский голос продолжает:

— Я подруга Зары. Мы с вами, — тут она слегка запинается, — сегодня познакомились, мы виделись с вами, хотя и недолго...

Ясно, это та дружелюбная пепельная блондинка в очках, волосы средней длины.

— Да, Мириам, конечно, познакомились сегодня, я очень рад...

Та меня нервно перебила:

— Я тоже очень рада! Как хорошо, что вы снова здесь, я так рада за подругу.

Ого, как интересно, подумал я. Выходит, Зара так до сих пор и не сообщила своей лучшей подружке, что мужчина в ее доме вовсе не является ее мужем. Вот правда — это интересно.

— Да-да. — Я пытаюсь поддержать разговор, но Мириам не отвечает, мы некоторое время оба молчим, после чего я опять пробую вступить в диалог. — Да-да, только Зары еще нет дома.

— Вот как, — отвечает Мириам. — Ну да, я знаю. Она только что была здесь, у меня, а теперь уехала. Я как раз хотела воспользоваться тем временем, кото-

Истина

рое ей нужно на дорогу от меня до вас. Хотела с вами поговорить.

Тут я немедленно собрался, я весь внимание. Мириам продолжала:

— Ну, в общем... Честно говоря, Зара меня сейчас беспокоит. В последнее время она такая странная.

Мне удалось подавить циничный смешок. Ага, подумал я. Могу себе вообразить. Еще бы не странная. Знает ведь, что ее ждет впереди.

— Конечно, вы только что вернулись, и все такое прочее, — говорила Мириам, — и все-таки я вот думаю...

Она выдавливала из себя слова по капельке. А я просто ждал и слушал, хотя головная боль постепенно охватывала мой мозг, мой лоб, мой затылок.

— Я не раз пыталась с ней поговорить. Пыталась спросить, все ли в порядке, но она не отвечает, закрывается... А вот после сегодняшнего...

— Пожалуйста, вы только не беспокойтесь, — автоматически произнес я в ответ. — Эти последние дни нелегко дались моей жене. Да и всем нам. Ей просто нужно отдохнуть. А потом все наладится.

— Могу ли я чем-то помочь? — предложила Мириам.

Можешь, подумал я. Оставь меня в покое. Оставь меня в покое, черт тебя побери! Но я понимал, что мне не повредит, если Мириам будет мне симпатизировать и сочувствовать, если и я в ответ проявлю любезность и обеспокоенность.

— Послушайте, она к вам еще зайдет, и с ней надо просто быть потеплее, — ответил я. — И потерпеливее. А если что — звоните мне, договорились?

— Договорились, — подтвердила Мириам.

Мелани Раабе

— А как там с Лео? — спросил я наудачу. — Зара его забрала?

— Нет, Лео пока останется у нас, — сообщила Мириам, и я, с облегчением вздохнув, произнес:

— Что ж, ладно.

— Да, сейчас ведь каникулы, — сказала Мириам.

Тут уж мне и слов не хватило, все, какие были, уже проговорил. Но все-таки я сказал:

— Спасибо за звонок.

— Да. О'кей. Не за что. Отлично, что вы снова здесь. Вот правда, это отлично.

— Спасибо, — оборвал ее я.

— Да... — проговорила Мириам как-то смущенно. Может, сообразила наконец, что не очень-то хорошо за спиной у лучшей подруги вести беседы с ее вновь обретенным супругом. Но что мне до того? Не мое дело.

Не успел я положить трубку городского телефона, как завибрировал мой мобильный. Поспешно я вытащил его из брючного кармана. Нажал на кнопку приема звонка, и низкий голос произнес:

— Говорит Харальд Гrimm.

В Гамбурге лето, стрижи чирикают. Запрокинув голову, я следила за самолетами, пока те рассекали небо на части, и удивлялась, что это небо не раскалывается и не падает со звоном оземь.

Слова Констанции не выходили у меня из головы. Обволакивали меня, как тихонько произнесенное в темноте проклятие. Я сидела в своей машине. Выехала из квартала Мириам, миновала несколько улиц и остановилась. Я уже почти добралась до своего дома, ведь Мириам живет совсем недалеко от меня, но я пока не хочу домой, мне нужно некоторое время. Мне нужно собраться.

Пытаясь по памяти воспроизвести в точности слова Констанции.

«Мой сын умер, — тихо повторила я. — Его убила моя невестка — она жадная и порочная. В Гамбурге это каждому известно. Каждому».

В изнеможении я закрыла глаза, еще минуточку, еще минуточку покоя. И тут же сознание стало расплываться, а сон заторопился ко мне, быстро, быстро... Тишина. Покой. Только на минуточку...

Мелани Раабе

Нет. Сейчас нельзя засыпать. Я открыла глаза. С ужасом вспомнила кошмары, которые снились мне в последнее время. Начинаются они как обычно. Уже целую вечность мне снится эта дверь. Я всегда стою перед закрытой дверью, а за нею раздается таинственное постукивание. Смотрю на дверь. Затем открываю ее, хотя на самом деле мне хочется убежать прочь. И тут я просыпаюсь в страшной панике. Однако в последнее время я стала видеть и то, что находится за этой дверью. Ночная дорога, поблескивающая чернотой, как лакрица. Филипп со мной. Глаза у него пустые. Стою на улице, на асфальте, и рассматриваю свои руки, а они в крови.

Эта часть сна — новая история. И мои кровавые руки — тоже новое.

Я спрашивала себя, что сказал бы терапевт, к которому я обратилась после исчезновения Филиппа по настоянию друзей. Вообще-то этот дядька, здоровый как бык и больше подходящий, по моему мнению, для участия в рок-концерте, чем для медицинского кабинета, показался мне очень симпатичным, но на прием к нему я сходила один-единственный раз. Не люблю я рассказывать о себе. Я уж как-нибудь сама с собой разберусь. Филипп, кстати, не разставил мне это в упрек. И мгновенно у меня в ушах как будто зазвучал его голос. Как он говорил, шутя лишь наполовину: «Моя прекрасная молчаливая жена».

И опять мои мысли вернулись к Констанции. Нужно ли она действительно думает, что я убила Филиппа? Может ли такое быть? А если так считает она, значит, есть и другие люди, которые так считают? Перед моим внутренним взором появилось лицо того

Истина

обманщика, который и сейчас, наверное, находится в моем доме. Я откинулась на подголовник, и мысли мои разбежались в разные стороны, как стая молодых щенков.

Все дело в деньгах, сказала я себе. Забудь ты всю эту кутерьму, забудь угрозу, забудь этот треклятый сон и собственную нечистую совесть. Не допускай всего этого в свою голову, не позволяй собой манипулировать. Все дело в деньгах.

Негодяй, внешне похожий на Филиппа — они и выбрали его из-за этого сходства, — выдает себя за миллионера-предпринимателя Филиппа Петерсена, он опустошит все его счета и исчезнет. В голове у меня как будто зазвучал голос Иоганна: в конечном счете, речь всегда будет идти о деньгах.

Или все-таки нет?

Жил да был один очень богатый король, и к нему с уважением относились на всем белом свете, сочи-няла я. А вот королева у него была завистливая и злая. Она отравила мужа колдовским питьем, и с тех пор доброго короля никто на свете не видел и никто не мог сказать, что же с ним случилось. Но все подозревали, что за этим скрывается королева. У короля было множество друзей, и все они хотели за него отомстить. Но они никак не могли доказать, что именно королева убила короля, потому что тело его так никогда и не нашли. И тогда они разработали план. По всей стране они принялись искать человека, который был бы очень похож на пропавшего короля. Со всех концов королевства стали приходить к друзьям короля молодые люди, чтобы те оценили их внешность, и семь дней

Мелани Раабе

подряд друзья вглядывались в их лица, и в конце концов нашли того, кто действительно был похож на исчезнувшего короля. Они научили его говорить так, как говорил король, и нарядили его в одежды, ничуть не уступавшие королевским. Королева, увидев якобы своего мужа, которого она собственноручно отравила, потеряла рассудок. «Не может такого быть! Не может такого быть! Ты мертв и похоронен!» — кричала она. Никто и опомниться не успел, как она от ужаса прыгнула вниз с самого высокого зубца королевского замка и разбилась насмерть.

Я открыла глаза, заморгала, солнечный свет ослепил меня. Что я вообще тут делаю? У меня нет времени на этот бред! Неужели меня семь лет подряд мучил бы вопрос, что случилось с Филиппом, если бы я его собственноручно убила? Я собралась с мыслями, поймала их, как горстку светлячков, и нажала на газ.

Незнакомец

Закончив телефонный разговор, я пошел в ванную комнату и долго стоял под душем. Затем я достал чистые вещи из своей небольшой дорожной сумки и оделся. Сразу почувствовал себя лучше.

Размышления мои прервал телефонный звонок. Я несколько раз слышал телефон, принимая душ. Он долго звонил, потом ненадолго замолкал — и звонил снова. Я встал, направился к телефону и поднял трубку.

— Алло!

В ответ молчание.

— Алло!

Откашивание. Затем мужской голос:

— Да, гм, алло. Извините. Это Мирко. Блюхер. Я работаю вместе с Зарой.

Я молчал.

— Н-да, гм. Я совсем недавно узнал о вашем возвращении, — продолжал он, — это же потрясающее. После стольких лет. Я видел вас по телевизору. В аэропорту. Невероятная история. Мои самые сердечные пожелания, или что там говорят в таких случаях.

— Спасибо.

Мелани Раабе

— Н-да, — проговорил он.

А я молчал. Не из тех я людей, что испытывают потребность заполнить тишину болтовней.

— Могу ли я поговорить с Зарой? — спросил он наконец.

— Нет, — ответил я. — Ее нет дома.

— А, ну хорошо, спасибо. — И он повесил трубку.

Некоторое время я продолжал смотреть на телефон, затем вышел в сад и уселся под одним из яблоневых деревьев. Спать мне никак нельзя, а вот немного отдохнуть — можно. Женщина сюда вернется. Все-таки это ее дом, просто так она мне его не отдаст. Я достаточно хорошо разбираюсь в людях, чтобы это понимать.

Мне представлялось, что все это будет куда проще. Но жизнь — она не такая простая. Она разная, но уж точно непростая. Чувствую, как мысли мои возвращаются в лагерь, вспоминаю ссоры, какие там постоянно возникали — и всегда по ничтожному поводу. Кому мыться первым, кто оставил другим слишком мало еды, кто храпит или треплется без умолку, кто смеется очень уж громко. Меня такие вещи вообще не беспокоили. Единственное, чего я совершенно не выносила — это отсутствие личного пространства. Если кто-то касался моих вещей, я просто выходил из себя, и ничего тут не поделаешь. Что ж, у каждого своя мера чувствительности.

Вспомнился мне мой лучший друг по лагерю. Дома у него тоже остались жена с ребенком. Как у меня. Мы поддерживали друг друга, стали как братья, при-

Истина

чем на годы. Читали одни и те же книжки. Обсуждали одни и те же темы. Я любил этого парня, хороший он был человек. Обещание, данное ему, я не нарушу.

И почти без всякого усилия с моей стороны в голове начала крутиться моя старая, годами проверенная мантра. Держаться. Действовать. Держаться. Действовать. Держаться. Действовать. Держаться. Действовать. Действовать. Действовать. Действовать.

Только-только войдя, я почувствовала, что он здесь. Его присутствие — это как захват моего дома, как низкий звук, который воспринимаешь скорее животом, чем ушами, от которого все волоски на теле встают дыбом.

Бесшумно я закрыла дверь, прислонилась к ней спиной, ненадолго закрыла глаза и попыталась вызвать в памяти и осмыслить все, что знаю. Его исчезновение сегодня утром, его рейд по всему городу, тот факт, что он столь многое знает про Филиппа, что он знаком с какими-то людьми в Гамбурге и встречается с ними, что он сует деньги бродягам на вокзале. Что он хочет выиграть время и ради этого согласился даже на генний тест. Генний тест! Мысленно я вернулась к разговору с Барбарой Петри. Как много он знает о нас. Этот чужак, должно быть, хорошо знаком с Филиппом. Ему хватило времени, чтобы изучить того вдоль и поперек. Они были вместе в плену, что ли?

Я размышляла, не стоит ли вновь обратиться в государственные органы, но ведь ничего нового я им не расскажу. Я видела, как этот человек шел по городу и

Истина

разговаривал с разными людьми — а разве это произведет на кого-то впечатление? Вспомнила снова и разговор с Барбарой Петри, закончившийся для меня столь неудачно.

Этот чужак выступает на редкость убедительно. Чтобы быть таким убедительным, надо верить самому себе. Постоянно носить маску вовсе не такое простое дело. Новую истину, усвоенную лично для себя, недостаточно правдоподобно представить остальным, нет. Ее надо постоянно, снова и снова повторять самому себе. Мысленно — опять и опять. Если хочешь выступать правдоподобно, то нельзя позволить себе ни одного неверного слова. Но еще нельзя позволить себе и ни одной неверной мысли. Надо постоянно повторять себе: я невиновен. Я невиновен. Я невиновен. Скажи себе восемнадцать миллионов раз, что ты невиновен — и ты станешь невиновным. Перед любым человеком, перед любым детектором лжи, но главное — перед самим собой. Скажи себе восемнадцать миллионов раз, что тебя зовут Филипп Петерсен и ты женат на женщине по имени Зара — и ты станешь Филиппом Петерсеном. У тебя все получится.

Мне не продвинуться вперед с моими агрессивными вопросами. Надо совершить другую попытку. Если этот человек действительно знал Филиппа, если их действительно держали вместе в плену...

Отойдя от двери, я отправилась на поиски. Заглянула в кухню, в гостиную, в столовую, во все спальни, наконец, бросила взгляд через дверь террасы, и тут-то обнаружила его в дальней части сада. Сидит себе там, прислонившись к стволу дерева, в тени, вытянув ноги,

Мелани Раабе

босиком. Он переоделся, теперь на нем джинсы и белая футболка.

Надо изменить тактику, снова подумалось мне.

Он заметил, что я стою в дверях и за ним наблюдаю. Воздух на улице по-прежнему жаркий, жаркий и влажный. Самозванец глядел прямо на меня, в глазах ожидание и — в изрядной степени — недоверие.

Я пошла к нему, села рядом. Взгляд его выражал теперь изумление. Некоторое время мы оба молчали. Я сорвала маргаритку, принялась крутить ее в руках. Дурацкий отвлекающий маневр.

— Когда Филипп исчез, — заговорила я наконец, — моему сыну как раз исполнился годик.

Чужак на меня не смотрел.

— Лео — это наша третья попытка, третья и последняя, — тут я вздохнула, — до того у меня было два выкидыша.

Я рассматривала маргаритку у себя в руке, потом отбросила ее в сторону. И продолжила:

— Бывает, люди так легко об этом говорят — выкидыши. Будто это мелочь какая-то. Проигрыш. Розыгрыш. Выкидыши. Ничего серьезного.

Чужак на меня по-прежнему не смотрел.

— После первого моего выкидыша мы были в полном отчаянии. Особенно Филипп, даже больше моего. Нам сказали, что лучше всего сразу попытаться снова, мы так и сделали. Вскоре я опять забеременела, и поначалу все выглядело просто великолепно. И ничего удивительного, я же была здоровая, я же была молодая. Как раз закончила учебу. Я... — Прервав себя на полуслове, я тут же продолжила: — Филипп любил детей, он всегда хотел иметь детей. Бывают такие люди, ко-

Истина

торым без детей счастья нет. Он именно такой. После второго выкидыша меня обуял страх. Мы похоронили уже второго ребенка. И я спрашивала себя, как же мы пойдем на такое в третий раз. Три — это для меня особое число, понимаете... У меня всегда такое чувство, что если любое дело не получается в третий раз, то оно не получится уже никогда.

Я чувствовала, как капля пота катится по моему виску, потом по щеке, по шее и, наконец, впитывается в воротничок футболки.

— Боялась я, что отныне это и есть моя жизнь: беременность, потом выкидыши, опять и опять, три раза, пять раз, десять раз, пока у нас, наконец, не иссякнут силы — у нас обоих. Однажды вечером я обнаружила Филиппа в детской комнате, которую мы с ним вместе обставляли. Он смотрел в пустую колыбельку и повернулся ко мне, когда я вошла. Казалось, ему неприятно было, что я застала его за подобным занятием. Тем же вечером я сказала ему, что готова снова попробовать, а он ответил: нет. Я ушам своим не поверила, я ведь знала, до какой степени он хочет ребенка. Спросила, отчего же теперь вдруг — нет, что такое случилось. А он ответил, что и он с трудом перенес наши две несостоявшиеся попытки, однако для меня это было, несомненно, еще труднее. И он не хочет теперь, чтобы я прошла через это в третий раз. Вы понимаете? — спросила я. — Вот такой человек был Филипп.

Снова вздохнув, я бросила осторожный взгляд на незнакомца, а он упорно смотрел вперед и по лицу его ничего прочитать было нельзя.

— Однако я настояла на этом. На третьей и последней попытке.

Чужак молчал.

Мелани Раабе

— Вы ведь знали моего мужа, не так ли?

Чужак молчал.

— Вас вместе держали в плену? Вы там узнали Филиппа?

Молчание.

— Если вы знаете Филиппа, то и вам ясно, что он хороший человек.

На лице чужака отобразилось какое-то движение, незаметное, легкое, как будто шедшее из самой глубины. Что-то с ним происходило — может, новая мысль какая-то явилась, или полуза забытое воспоминание, вдруг выплывшее на поверхность. Тут я заметила, как кадык его зашевелился, он слготнул. Повернулся ко мне и посмотрел мне прямо в глаза. Трудно мне было выдержать его взгляд, но я не отвернулась.

— Меня зовут Филипп Петерсен, — произнес он. И даже глазом не моргнул. — Я родился в Гамбурге, день был дождливый. Имя моего отца — Филипп, как и мое, имя моей матери — Констанция. Моего сына зовут Лео.

Пробубнил все это, как заученное скучное стихотворение.

Я вскочила, повернулась к дому. Нет у меня никакого желания выслушивать заученные наизусть слова этого обманщика. А он продолжал:

— Все думают, что мы назвали своего сына в честь Леонарда Коэна. На самом же деле он получил такое имя в память о давно умершем прадедушке моей жены.

Я замерла на месте.

— Мы поженились в Лас-Вегасе, — сообщил чужак. — Ты хотела татуировки вместо обручальных колец, но я тебя отговорил.

Истина

Я повернулась к нему.

— Ты любишь «Radiohead», потому что они на тебя навевают печаль, и еще «Beatles», потому что они тебя веселят.

Я внимательно на него смотрела.

— Однажды во время пробежки в лесу нам пришлось вскарабкаться на дерево, чтобы спастись от целого стада разъяренных диких кабанов.

Я присела на корточки перед ним.

— Как-то раз мы вместе выхаживали маленького птенчика — стрижа, выпавшего из гнезда.

Я протянула к нему руки.

— Мы пообещали друг другу, что во время следующего солнечного затмения, если оно произойдет при нашей жизни, мы вместе пойдем в лес и проверим, действительно ли в этот миг замолкают все птицы.

Я приложила обе ладони к его голове, обняла его голову руками.

— Мне очень жаль, Зара, что я отсутствовал так долго, — сказал он. — Пожалуйста, прости меня.

Я приблизила свое лицо к его лицу и почувствовала комок в горле.

— Прошу вас, — сдавленно произнесла я, — прошу вас, скажите мне, где мой муж...

Возникла пауза, во время которой незнакомец смотрел на меня. Казалось, он молчал целую вечность. И наконец он высказался:

— А ты вообще уверена в том, что желаешь его возвращения?

— О, разумеется! — Я дышала часто-часто, сглатывая слюну. — Я любила моего мужа. Любила больше всего на свете.

Мелани Раабе

— Зара, прошу тебя, — произнося это, чужак устремил на меня взгляд своих холодных темных глаз, — мы с тобой оба знаем, что это не так.

Что это значит, черт побери?!

— Пожалуйста, — опять обратилась к нему я, — пожалуйста, прекратите. Я больше этого не вынесу.

Снова какое-то движение в его лице, мне даже показалось на миг — краткий, иррациональный миг, — что он вот-вот зальется слезами. Но вместо этого он рассмеялся, коротко и горько. Высвободился из моих рук и встал.

— Ты хочешь знать, где твой муж? — спросил он.

Я кивнула, как идиотка, я все еще надеялась, что мне удалось смягчить этого человека.

— Он стоит прямо перед тобой!

Одарив меня любезной улыбкой, пронзившей все мое существо до мозга костей, он удалился. Вскочив, я в бешеной ярости помчалась внутрь дома и обнаружила его в кухне. Он обернулся, и я произнесла:

— Что ж, я была права.

Он стоял с таким видом, будто его терпение на исходе.

— Вы знали Филиппа. Иначе откуда у вас было бы столько сведений о нем самом и о нас.

Он вздохнул, как будто и сам, а не только я, страшно устал от всего этого цирка.

Я обошла кухонный стол, который нас разделял. Встала прямо перед ним. И подумала, что моя щека — если б я положила голову ему на грудь — никак не вписалась бы в ложбинку между его плечом и шеей, и не возникло бы у меня того домашнего, теплого чувства.

Истина

— Вы ниже ростом, чем Филипп, — сообщила я. — Ненамного. Всего на несколько сантиметров. И все-таки — заметно ниже.

Посмотрела ему в лицо, выражение не изменилось, только в глазах посверкивали холодные и опасные искорки. Я не остановилась:

— И глаза у вас совсем не такие, как у Филиппа. Должна признать, вы хорошо справляетесь со своей задачей. Благодаря этому вам удалось зайти так далеко. Но как вы думаете, это сколько будет продолжаться? Когда вы все-таки провалитесь?

Он ничего не ответил, даже не шелохнулся.

Давай-ка, пора его удивить, подумала я. И сказала:

— А вот представим себе, что я готова вам поверить.

Он фыркнул.

— Нет же, правда! Я готова. Мне требуется для этого сделать только одно небольшое дельце.

Ага, он почти у меня в кармане. Вопросительно поднял брови.

— Только одно небольшое дельце, — повторила я.

— Какое же?

— Мне нужно взглянуть на верхнюю часть вашего тела.

— Верхнюю часть тела?!

Я кивнула.

— Но зачем?

Игнорируя его вопрос, я уточнила:

— А именно — на вашу грудь.

— Но зачем? — повторил он.

— Ну, послушайте. Единственное, чего я хочу — взглянуть на вашу грудь.

Мелани Раабе

И я вцепилась в его футболку, а он стал уворачиваться, отступая назад.

— Почему бы и нет? — продолжала я, потому что его попытка увернуться только подогрела мое желание нападать.

Он ничего не ответил, видимо, пытаясь сообразить, чего я добиваюсь. Мне пришлось взять себя в руки, чтобы не рассмеяться прямо ему в лицо. То самое приметное родимое пятно на груди у Филиппа — и почему я снова вспомнила о нем только сейчас?

— Чего ты добиваешься? — спросил самозванец.

— Ну же, Филипп! — иронически произнесла я. — Мне всего-то и нужно взглянуть на маленькую родинку у тебя на груди. Больше ничего.

И я подняла брови, глядя на него с ожиданием.

— Так что же?

— Нет, — ответил чужак.

— Нет? — язвительно отозвалась я эхом. — Прошу тебя всего лишь о небольшой любезности, а ты говоришь — нет.

Чужак промолчал.

— Ну вот, так я и думала, — зло кинула ему я, развернулась и направилась вон из кухни. Но в дверях приостановилась с такими словами: — Позвоню-ка я вашей доброй подруге Барбаре Петри. Сейчас, хочешь не хочешь, а самое время заняться генным тестом.

Незнакомец

Я становлюсь все более податливым. С самого своего возвращения она взяла меня в оборот. Не позволяет никаких послаблений. Не дает даже шагу ступить самостоятельно, беспрестанно дергает. Чистой воды перебор. Я уже забыл, когда в последний раз нормально спал. Голова болит так отчаянно, что перед глазами постоянно мерцают маленькие вспышки света. Нервы потихоньку сдаются. Я чувствую: образовались трещины.

Я обращаюсь к женщине, вижу ее усталое лицо. Ощущаю прилив ярости. В течение нескольких секунд пребываю в уверенности, что она вот-вот перейдет в наступление, лицо ее искажено ненавистью. И вдруг меня захлестывает странная пугающая радость. Точнее, не радость. Не так это называется, хотя по ощущениям очень похоже. Как бы на этом языке выразить?

Точно. Язвительность. Меня наполняет язвительность, на вкус довольно слашавая.

Знаю, радость сейчас неуместна. Не за тем я сюда явился, чтобы злорадствовать. Я здесь для того, чтобы делать свое дело. И дело мое правое. В этом я убежден.

Мелани Раабе

Но глубоко внутри меня что-то шевельнулось. Я долго не мог дать этому определение. Но постепенно понял. Мне хорошо. Когда она растеряна, мне хорошо. Она того заслуживает, думаю я. Да, видеть ее растерянность одно удовольствие.

Правда, идти на поводу у своих чувств нельзя ни в коем случае. Правило номер три: действуй осмотрительно. Вот только действовать осмотрительно и впредь совсем не хочется. Нет ни малейшего желания испытывать терпение.

Хочется просто довести дело до конца.

Я изо всех сил стараюсь успокоиться. Я боюсь. Боюсь самого себя.

Если еще раз потеряю контроль, то вдребезги разлетится не только журнальный столик, но гораздо большее.

Я затруднялась сказать, что меня так шокировало. Подобный поворот событий не исключался, но, тем не менее, одна-единственная фраза, сказанная самозванцем, напрочь выбила меня из колеи. Как будто земля ушла из-под ног, я даже облокотилась о дверь, чтобы не потерять равновесие.

— Повторите это еще раз, — выдавила я из себя.

— О генном тесте даже не мечтай, — послушно проговорил он.

Потом отвернулся, словно дело теперь исчерпано, подошел к холодильнику, открыл дверцу. Достал клубничный йогурт — Филипп клубничный йогурт не переваривал, — снова закрыл холодильник. Выудил из посудомойки чистую ложку, откупорил стаканчик с йогуртом, сел за стол и принялся уминать.

— Ах да, звонил Мирко! — сказал негодяй в перерыве между двумя ложками. — Велел низко кланяться!

И он снова взялся за йогурт. Весь его вид выражал умиротворение, словно меня здесь и вовсе не было.

Я бросилась из кухни, кипя от гнева, побежала по лестнице в спальню, закрылась на ключ и упала на кровать. Хотелось выплакаться, но не получалось, на-

Мелани Раабе

верное, я слишком устала, чтобы проливать слезы, или была слишком зла, а может, и то, и другое. Но потом ярость перевесила все остальное, я снова вскочила на ноги, толкнула дверь с такой силой, что та с грохотом ударила в стену. Потом слетела вниз по лестнице, нашла в кухне этого негодяя, который уже опустошил два стаканчика йогурта и готовился приняться за третий.

— Отвечайте, что вы сделали с моим мужем, — потребовала я.

— Я твой... — начал было самозванец, но я тут же его оборвала — по новому разу слушать уже заезженную пластинку было невыносимо.

— Тогда покажи родимое пятно на груди!

Он покачал головой и пообещал:

— Я отвечу на все твои вопросы!

Голос его звучал почти примирительно, но глаза насмешливо сверкали.

— Ну хорошо. Тогда скажи, как тебя зовут, — потребовала я.

— Филипп Петерсен, — ответил он.

Я схватила стоявшую на буфете чашку с кофе и запустила в стену, раздался звон, и осколки разлетелись по полу.

— Проклятие! — взревела я. — Отвечай, что ты сделал с моим мужем! Он мертв? Ведь так? Филипп мертв? Ты убил его? Отвечай наконец, подлец! — Было ясно: он читал по лицу. Он догадывался по моим глазам, что еще немного, и я превращусь в дикое, неконтролируемое, разнужданное нечто. Он предвидел все это и улыбался.

— Но, Зара, сокровище мое, — размеренно произнес он, словно решил смаковать каждую букву каждого слова. — Ведь я твой муж!

Истина

— Это неправда! — взревела я. — У тебя нет с Филиппом ничего общего, ты полная ему противоположность!

Я кричала так громко, что голос мой срывался, а в висках стучало.

— Лучше узнать, что мой муж мертв, чем переживать весь этот кошмар в обществе мошенника-садиста!

Незнакомец наблюдал за мной с таким спокойствием, словно хотел сказать: «Ты закончила?».

Потом он поднялся, взял пустые стаканчики из-под йогурта и выбросил в мусорное ведро. В довершение всему положил ложку в посудомойку. И наконец, сел на корточки, собрал осколки и отправил в мусорное ведро. Покончив с этим, он, ни слова не говоря, вышел из кухни.

В течение нескольких секунд я не двигалась с места, потом взлетела вверх по лестнице в спальню, захлопнула дверь, бросилась на постель и накрыла голову подушкой. Но о том, чтобы успокоиться, не могло идти и речи, даже тишина казалась оглушительной. Если его задача — довести меня до безумия, то справляется он с ней очень даже неплохо.

Откинув подушку, я начала кататься по кровати туда-сюда, потом уставилась в потолок, о который без устали билась большая муха, издавая при этом странный чмокающий звук, и вдруг задалась вопросом: сколько людей до меня уже лежали в этой комнате и так же глядели на этот потолок.

Внимание мое привлекли мелкие трещинки, которые я ранее никогда не замечала. Аккурат над моей головой, только там. Я подумала, что сама прочертила

Мелани Раабе

их, силой своего воображения. Отвела взгляд от потолка. И в памяти воскресла одна картина: мы втроем — Филипп, Лео и я — сидим в этой кровати. Я закрыла глаза.

С детской темой я тянула довольно долго. В отличие от Филиппа, который еще в самом начале наших отношений сказал, что очень хотел бы стать отцом, и тут я перед самозванцем не лукавила. Сомнения терзали одну меня. Филипп думал, я боюсь потерять свою независимость, спасовать в роли матери или что-то вроде того, но причина крылась в другом. Я не умела охранить ребенка от мира, но страх мой заключался не в этом, во всяком случае, не только в этом. Я не боялась, что буду плохой матерью, но боялась, что Филипп будет плохим отцом. Филипп ненавидел своего папашу, сеньор Петерсен был настоящим чудовищем. Хладнокровный тиран. Угодить ему казалось невозможным, — как Филипп ни старался, его в заключение все равно отправили в интернат. Сын никогда не простил отца за эту свою ссылку, за то, что тот не выносил его присутствия больше пяти минут. Но разве, в конце концов, мы не становимся в точности такими, как наши родители?

Прошло довольно много времени, прежде чем я нашла в себе силы поговорить на эту тему с Филиппом.

Как дать понять мужу, что для роли отца тот не создан. Теперь я знаю: с моей стороны это было ошибкой. Но тогда я думала именно так.

Я очень хорошо помню наш разговор, он крепко врезался в мою память.

— А что если ты, сам того не желая, превратишься в подобие своего папаши? — спросила я Филиппа,

Истина

немного побаиваясь его реакции. Он рассмеялся. Нет, смех его относился не ко мне. Это был тот особенный, отличавший его смех оптимиста.

— Об этом я тоже думал. Ведь как там говорится: со временем женщины становятся похожи на матери, а мужчины повторяют своих отцов.

До сих пор не понимаю, что такого смешного он нашел в этой мысли. Но потом лицо Филиппа сделалось серьезным:

— Обещаю тебе: я скорее умру, чем уподоблюсь своему предку.

Я попробовала угадать по его лицу, о чем он думает.

— Ты будешь терпелив к нашему ребенку?

— Терпелив как ангел.

— Ты не будешь возражать, когда тот будет вертеться рядом? И никогда не надумаешь от него избавиться?

Филипп взял мое лицо в свои руки, посмотрел мне в глаза.

— Клянусь, я никогда и никуда не отправлю нашего ребенка. Скорее в аду наступит стужа. Даю тебе слово.

Он дал слово, и я поверила. Конечно, мой муж совершил ошибки, кто их не совершает, но в одном на него можно было полагаться: если он что-то обещал, то слово свое держал непременно.

Я подумала о Мирко, с которым так бессердечно поступила.

Подумала о Лео, который ночевал у чужих людей, — только потому, что его предполагаемый отец посоветовал его куда-нибудь отвести. Только потому, что я, идиотка, беспрекословно ему подчинилась. Уже

Мелани Раабе

тогда следовало бы обо всем догадаться. И с самого начала слушаться своего сердца, с самого начала потребовать фотографию Филиппа, телефонного разговора по скайпу. Проклятие.

Я не улавливала между событиями никакой связи. Но твердо решила разобраться. Все пути вели к Филиппу. Может, я изначально действовала неверно. Через несколько часов, когда начнется день, я свяжусь с полицией, с Министерством иностранных дел и постараюсь выведать от них как можно больше о похищении Филиппа. Я до сих пор знала слишком мало. Заведенная мною папка практически не содержала никакой информации, которая позволила бы продвинуться дальше. Но, тем не менее, я схватила ее, положила на письменный стол. Включила ноутбук, открыла «Word» и стала записывать немногие факты, известные мне и казавшиеся более или менее бесспорными.

2008 год: Филипп отправляется по работе в Южную Америку.

Он планирует пробыть там пять дней.

Филипп часто летал в Колумбию по делам.

Обычные, рутинные поездки.

Мы прощаемся на пороге дома.

Он обещает каждый день посыпать весточку, как делал это всегда.

Примерно через сутки от Филиппа приходит смс-сообщение, из которого следует, что он приземлился, и все в порядке.

С тех пор я больше не получала от него никаких известий.

Истина

Филипп отправился один — как сказал сотрудник, сопровождавший его в Колумбию, тот самый, кто видел его последним — на переговоры с потенциальным инвестором.

В лобби отеля-люкс в Боготе, где была назначена встреча, он так никогда и не появился.

Его след теряется между отелем, где он жил, и отелем, где жил его деловой партнер.

Ничто не наводило на мысль о похищении, хотя похищение нельзя исключать, когда речь идет о таких состоятельных людях, как Филипп.

Никакого письменного заявления, никого, кто признавался бы в совершенном преступлении.

Никто никогда не требовал выкупа.

Не было ни единой наводки. Ничего.

А потом, семь лет спустя, почти день в день, появляется некий человек и утверждает, что он Филипп. И мне преподносят — если рассуждать трезво — всю эту совершенно неслыханную чушь. Дескать, Филипп был якобы похищен в Колумбии. Содержался в лагере для военнопленных — и подобные случаи, увы, нередки, — таким способом местная герилья пытается сбить деньги на свои политические цели. Судя по всему, при первой попытке затребовать выкуп что-то пошло не так, а на новую попытку похитители не отважились. Почему — точно никто не знает, но если обратиться к конфиденциальным источникам или копнуть еще где-то, то обязательно выяснится. И, тем не менее, с пленниками не справились, похитители просто выжидали. Все эти долгие годы. А потом, по прошествии семи лет, их вдруг освобождают и при

Мелани Раабе

этом выясняется, что один из почти дюжины заложников, находившихся в лагере, есть не кто иной, как Филипп Петерсен?

Я оглядела комнату, нашла сумочку, открыла и стала судорожно копаться, ища мобильник. Иоганн, думала я. Черт побери, его надо найти наконец, — и во что бы то ни стало. У него есть влияние, Иоганн поможет разоблачить обманщика и избавить меня от него. Иоганна никто не осмелится назвать выжившим из ума. Я сняла блокировку кнопок и, посмотрев на дисплей, пришла в ужас. Тридцать восемь звонков. Один от Мириам и тридцать семь от абонента с засекреченным номером. Нахмутив лоб, я уже собралась проверить, нет ли сообщений на автоответчике, как вдруг мобильник в моей руке затрезвонил. Сейчас полночь. Этого номера почти никто не знал.

Я нажала кнопку приема.

— Алло?

Тишина. Но я чувствовала: там кто-то есть. Я выжидала. Я ощущала его дыхание. Потом трубку положили.

Я бросила мобильник на кровать, как будто тот мог укусить. Что все это значит? Закрыла на секунду глаза. Снова заставила себя взять телефон и набрать Иоганна. Долго ждала, прислушиваясь к тому, как колотится в груди исполненное надежды сердце, — увы, мне опять не повезло. Я разъединилась. Набрала номер автоответчика — ничего. Решила заодно проверить почту, — с этим я всегда тянула — открыла входящие письма. Рассылку, рекламу, мейл от директора школы с информацией о новом учебном году и письмо от Мирко. «Без темы» зависло оно в папке и с упреком

Истина

на меня смотрело. Я вышла из программы. Проверила смс-сообщения и нашла три непрочитанных сообщения от Мириам.

В ту же секунду пульс учащенно забился, надеюсь, с Лео ничего не случилось. Я открыла первое сообщение, отправленное в 20:30.

Дорогая, ничего страшного, но прошу тебя, перезвони! Мирি.

Убрала сообщение, открыла следующее.

Зара, никак не дозвонюсь до тебя, иду укладывать малышку. Хотела сама тебе сказать. Есть кое-что, тебе непременно надо это увидеть. Посылаю ссылку. Загляни в комментарии. Они везде. Почти во всех статьях. Везде, где речь идет о Филиппе. Это только один пример. Мирি.

Совершенно ничего не понимая, я избавилась и от этого сообщения, открыла последнее. Там только ссылка и подпись: *Мне очень жаль. Надеюсь, ты в порядке. Поговорим об этом завтра. Можно наверняка что-нибудь придумать. Мирি.*

Первый порыв: отложить телефон и выбросить всю эту чушь из головы. На что бы там Мириам ни наткнулась, мои проблемы уж точно посеръезнее. Но любопытство все же пересилило, я открыла ссылку. Пока на маленьком дисплее смартфона загружалась фотография, я поняла, куда все клонится, и вздрогнула. Самозванец. На губах — улыбка. На руках — Лео. Тут же рядом я, на лице — полное безразличие. Это было вчера, в аэропорту. Нет, позавчера.

«Долгожданное возвращение сына города» — гласил заголовок над фото. Я почувствовала, как засосало под ложечкой, и для своего же блага решила не

Мелани Раабе

читать статью. По настоянию Мириам прокрутила дальше до комментариев. Прочла несколько из них и поначалу не усмотрела ничего необычного. Но потом как гром среди ясного неба. Я оцепенело глядела в дисплей. Удар застал меня врасплох. Открытая клевета в Сети. Меня оскорбляли самими последними словами. Называли оппортунистической шлюхой, которая выскоцила за Филиппа Петерсена только из-за денег, сделала ему ребенка, а в его отсутствие крутила шашни со всем Гамбургом.

Я совершенно растерялась. Какая редакция допускает подобное? А вдруг самозванец имел в виду именно это, когда говорил, что я все потеряю, если не буду держать язык за зубами? А вдруг это только начало? Вдруг я теперь и вправду все потеряю?

Если верить тому, что пишет Мириам — а какой резон ей обманывать? — то подобного рода комментариями напичканы все электронные версии ежедневных газет. Все форумы и все статьи, где обсуждается возвращение Филиппа Петерсена. Это не злая промашка, не единичный случай, а самая настоящая кампания. Меня намереваются смешать с грязью, запятнать мою репутацию.

Мысли мои обратились к человеку, находившемуся где-то здесь, в этом огромном доме. Спокойно, Зара, сказала я сама себе вполголоса. Все эти грязные нападки в Сети. Может, это его рук дело? Есть ли в том хоть какой-нибудь смысл? Вспомни о звонках, о дыхании. Нет, определенно это не он, это решительно исключено. Правда, звонки начались с появления неизвестного. Никак не получалось все это увязать.

Вот уже несколько дней я тщетно пыталась дозвониться до Иоганна и почти впала в отчаяние. В то же

Истина

время мне постоянно называл анонимный абонент. И звонки эти наверняка имели связь с происходившими событиями! Но с каким умыслом они совершились? Может, меня хотели запугать? Или наоборот? Предостеречь? Но тогда почему звонивший молчал? Боялся, что я узнаю его голос?

Или ее?

Снова вспомнились комментарии. Накатила волна запоздалого гнева. А что если Лео обо всем узнает? Или соседи? Коллеги? Ученики?

Я схватила вазу, стоявшую на ночном столике, и запустила в стену, та раскололась на большие куски, и я испытала удовлетворение. Ударила ногой по платяному шкафу и почувствовала острую боль. Принялась швырять все, до чего только могла достать: книги, подушки, карандаши. Разбила вдребезги ночник. Я иступленно кричала, извергая накопившийся гнев. Потом села на кровать, этакий густок негодования, головной боли и смятенности. И тут наконец-то хлынули слезы.

Незнакомец

Сижу на полу, прямо под дверью спальни, и слушаю, как она рыдает.

Всхлипывания очень глубокие, почти театральные. И еще она бросает вещи.

Никак не пойму, чем этот рев вызван: очередная ли это манипуляция в надежде расположить меня к себе, или эта женщина действительно пребывает в смятении. Возможно и то, и другое, но я, конечно, уповаю на второе.

Если это и впрямь минута слабости, мне следовало бы ею воспользоваться.

Теперь вдвойне досадно, что Гримму пришлось меня утешать, и что он еще не располагал никакой полезной информацией.

Внезапная мысль приходит мне в голову. А что если она с собой что-нибудь сделает? Нет, такой поворот желателен сейчас менее всего. По крайней мере пока. Я поднимаюсь, стою перед дверью, потом вскидываю руку, чтобы постучать. Медлю. Снова опускаю руку. Нет. Пусть еще немного поболтается в своих тревогах.

Истина

Она не вскроет вены и не затянет петлю на шее. Не того нрава.

Эта красотка выплачется. Потом сядет, утрут нос, высушит глаза. Будет корить себя за слабость. Увещевать, что она-то сильная и со всем справится. Ведь именно это она умеет прекрасно — что бы ни случилось, снова поднимать голову. Она оправится. И будет действовать.

И тогда события перейдут в решающую фазу. Наконец-то.

Отступаю от двери. Самое время размять ноги. Глотнуть свежего воздуха.

Я покидаю дом, выбираюсь на улицу. Каштаны. Пожилой мужчина выгуливает овчарку, двое детей проносятся мимо на велосипедах, щебечут птицы. Какая идиллия.

Делаю несколько шагов. Да, я знал и другие времена, когда мое состояние было куда лучше. Но, в общем и целом я в порядке. Поспать бы только.

Главное — не падать духом.

Мужчина с собакой между тем подходит еще ближе, но когда он ко мне обращается, я вздрагиваю.

— Госпожа Петерсен дома? — спрашивает он.

— Простите?

Несколько секунд я пребываю в растерянности, к расспросам любопытных соседей я не готов.

— Госпожа Петерсен у себя? — повторяет старик. — Вы же только что вышли из ее дома, если не ошибаюсь?

— Да, — отвечаю. — Она у себя.

Сосед недоверчиво меня разглядывает.

Мелани Раабе

— Моя фамилия Лаутербах, я живу в нескольких домах отсюда, — поясняет он.

Голос его звучит не очень приветливо.

— А вы кто?

— Я Филипп Петерсен. Муж Зары.

Старик смеется.

— Как бы не так, — говорит он. — Я знал Филиппа еще маленьkim мальчиком.

Он больше не обращает на меня внимания, идет за собакой, которая уже взяла курс к ближайшему дереву.

— Странные шуточки у некоторых людей, — бормочет старик, удаляясь.

Я инстинктивно поднимаю голову и смотрю на окно ее спальни. Женщины не видно.

Я возвращаюсь в дом.

Снова встаю на вахту под ее дверью.

В комнате невыносимая жара, хотя на дворе уже ночь. Я чувствовала, как мой лоб покрывается мелкими капельками пота. Одна из них сбежала между грудей и впиталась в пояс моих брюк. Глоток свежего воздуха сейчас бы не помешал. Я подошла к окну, открыла в надежде, что ночной бриз коснется лица, но все, что меня ожидало этой ночью — это тишина, бархатная темнота и парочка неутомимых летучих мышей. Ни дуновения, ничего, что принесло бы облегчение разгоряченному мозгу. Было предупреждение о надвигающемся циклоне, но он, похоже, заставлял себя ждать. Я отошла от окна и снова опустилась на кровать. Так много всего накопилось, о чем следовало поразмыслить, но я даже не знала, с чего начать. Чужак должен уйти, подумала я. Все прочее не столь важно.

Я в очередной раз набрала номер Иоганна. Услышала звонок, другой, потом трубку сняли. Я была огрошена и в первую секунду даже не нашлась, что ответить.

— Алло? — повторил Иоганн. — Зара?

Мелани Раабе

— Иоганн, — выпалила я. — Я уже целую вечность пытаюсь тебе дозвониться!

— Я знаю, — прозвучало в трубке. — Я был за границей.

Его голос звучал как всегда невозмутимо. Неужели ему еще ничего не известно?

— Ты слышал?.. — начала я.

— Это невероятно, — перебил меня Иоганн. — Они его нашли. Они действительно его нашли!

Господи. Как ему сказать?

— Я все время тебе называла, — прошептала я. Иоганн как будто не слышал.

— Когда я узнал, то сначала даже не мог поверить.

— Это не Филипп, — сказала я.

В трубке воцарилась тишина. Казалось, было слышно, как хмурил лоб Иоганн, как в замешательстве хлопал глазами, словно я отмочила какую-то шутку, и оставалось только дождаться, когда я воскликну: «Первое апреля».

— Я не понимаю, — сказал Иоганн.

— Человек, которого они нашли, не Филипп! — сказала я.

Тишина.

Я подавила комок в горле и постаралась сохранить самообладание.

— Не Филипп? Что ты имеешь в виду? — спросил он.

Я подбирала нужные слова.

— Я видел вас по телевизору, — прорезал тишину голос Иоганна. — Передо мной газета с вашей фотографией.

— Иоганн, взглянись внимательно, — ответила я. — Посмотри на этого человека. Вспомни, как выглядит

Истина

Филипп. Его рост. Фигуру, особенности его походки. Форму бровей. Ямочки на щеках. Корни волос. Его глаза. Глаза в первую очередь. А потом взгляни на этого человека. Неужели ты всерьез думаешь, что это Филипп?

Еще немного, и рассудок мой помутится. Я чувствовала, что нахожусь в пленах какого-то кошмара.

Иоганн опять замолчал, ненадолго.

— Его видно только в профиль, — произнес он. — Но...

Он оборвал на середине фразы.

— Я понимаю твое замешательство, — сказала я. — Я столько раз пыталась в последние дни тебе дозвониться, хотела уберечь тебя от всего этого!

Иоганн молчал.

— Конечно, ты думаешь, это Филипп, — добавила я успокаивающе.

Иоганн по-прежнему безмолвствовал.

— Контекст. Все дело в контексте.

Мне стало трудно дышать. Я убрала с лица прядь волос.

— Ты услышал, что Филипп вернулся. Наверное, даже плакал. Во всяком случае, безотчетно смеялся. Твои пальцы дрожали. Ты обращался к Богу и благодарили, хотя вообще-то в него не веришь. Я знаю. Поэтому что все это испытала сама.

Иоганн еще не обронил ни слова.

— А потом ты открывала газету и видишь мужчину примерно того же возраста, которого сейчас достиг бы Филипп, того же роста, с Филипповой осанкой и вообще очень на него похожего. И ты, конечно же, думаешь, что это и есть твой друг.

Молчание.

Мелани Раабе

— Контекст, — добавила я.

— Зара, что за вздор ты несешь? — спросил он. — Если это не Филипп, то кто же?

— Самозванец. Мошенник.

— Ты это серьезно? — спросил он. — Но тогда что, скажи на милость, ему от тебя понадобилось?

Я не могла больше ничего добавить. Я открывала и закрывала глаза как марионетка.

— А где сейчас Филипп, то есть этот человек? — спросил Иоганн.

У меня чуть не вырвался вздох облегчения.

— Точно не знаю, где-то внизу, — ответила я.

— Он в твоем доме? — спросил Иоганн.

Я ничего не ответила. Только бессмысленно кивнула, хотя этого никто не мог видеть.

— Зара, я не знаю, что с тобой происходит, но ты должна взять себя в руки, — подытожил Иоганн.

— Взять себя в руки? — воскликнула я.

— Если это не Филипп, — сказал он с подчеркнутой сдержанностью, — то кто же тогда?

— Я не знаю, — ответила я. — Поверь, мне бы тоже очень хотелось...

— Но если это не Филипп, — перебил Иоганн, — тогда что делает незнакомый человек среди ночи в твоем доме?

— Я пыталась его...

Иоганн опять не дал мне договорить, — не давал даже слова произнести.

— Если это не Филипп, тогда почему никакие органы не распознали ошибку?

Я старалась сохранять спокойствие, но чувствовала, будто по телу моему семенил целая армия муравьев.

Истина

— Не знаю, но вместе мы могли бы разуз...

— Если это не Филипп, — продолжил Иоганн, почти срываясь на крик, — почему ты тогда не позвонила в полицию?

— Я хотела позвонить! Но он сказал, что...

— Если это не Филипп, — голос Иоганна опять стал ледяным, — тогда почему, черт побери, на фотографии, которая лежит сейчас передо мной, Лео сидит у него на руках?

Я окончательно растерялась. Все шло не так, как я предполагала.

— Проклятие, ты позволишь мне наконец договорить до конца. Если бы ты послушал хотя бы секунду, то понял бы! Этот тип хитер! Он...

— Это ты лучше выслушай меня, девочка, — сказал Иоганн.

Отего растерянности не осталось и следа, в голосе звучали холод и угроза; мне говорили, что иногда на Иоганна находит, но мне довелось пережить это его состояние впервые.

— Я не знаю, что с тобой творится, и не желаю знать. Меня не интересует, водишь ли ты шашни с другим или просто свыкалась с ролью охренительно богатой вдовушки и считаешь слишком напряжным принять мужа, семь лет проведшего в пленау, потому что теперь помимо себя хорошей надо заботиться и о ком-то другом. Все это мне до лампочки. Но ты, черт побери, возьмешь себя в руки, поняла?

Он положил трубку.

Меня обдало холодом. Ледяным холодом.

Только сейчас я заметила, что металась в раздражении по комнате из угла в угол. И тогда опустилась на кровать.

Мелани Раабе

Что с ним случилось?

Подумай, черт подери, о ребенке, ведь именно так сказал Иоганн. Или я ошиблась? Неужели это скрытая угроза забрать у меня ребенка? А кампания, какую развернули в Сети, — связана ли она как-то со всем этим?

Что здесь творится, какого дьявола?

Нет времени даже отдохнуться, не говоря уже о том, чтобы переварить разговор. Только я повесила трубку, как мобильник снова зазвонил. Опять скрытый номер.

Телефон надрывался. Но потом умолк. Затрезвонил снова. И тут я почувствовала, что силы меня остали. Жестокость самозванца, растерянность Лео, колкости Констанции, угрозы, страх, обман, кошмары, кровь на моих руках, жуткая ночь, вся эта треклятая путаница. Я легла на кровать, съежилась в клубок и разрыдалась, а телефон все звонил, звонил и звонил.

Вдруг воцарилась тишина, и мозг мой снова включился. Наконец-то я мыслила ясно.

И наступило прозрение.

Иоганн.

Я перебрала факты: внезапное отсутствие телефонной связи.

Финансовые трудности на фирме.

Его неоднократные попытки подобраться через меня к состоянию Филиппа. Официально заявить о смерти Филиппа, хотя время для подобного заявления еще не наступило.

Иоганн.

Истина

С самого начала это был Иоганн.

С помощью сообщника и каким-то еще пока не известным мне способом он пытался присвоить Филипповы миллионы. Насчет этого типа Иоганн не обманывался. Он прекрасно знал, что это не Филипп. Черт возьми, да ведь самозванец сам предложил кандидатуру Иоганна, когда, еще при Барбаре Петри, речь зашла о том, чтобы обратиться к человеку, знающему Филиппа. Разве он сделал бы это, не будучи уверенными, что Иоганн на его стороне? Вот тебе и ответ на мучительный вопрос, откуда у него информация о прошлом — моем и Филиппа — и о нашей совместной жизни. А что если мои обвинения несправедливы? Может, Иоганн просто любой ценой хочет поверить в то, что Филипп вернулся? Он же пока не встречался лично с этим негодяем...

Тихое потрескивание под дверью прервало мои размышления.

Я откашлялась, совладала с давящим ощущением в горле. И только когда убедилась, что голос мой не выдаст ни слез, ни страха, громко произнесла:

— Я знаю, что вы здесь!

Никакой реакции. Наверное, почудилось, подумала я. Но тут увидела, как ручка двери пришла в движение. И через несколько секунд незнакомец уже стоял в моей спальне.

— Что вам надо? — спросила я.

— Увидеть тебя. Убедиться, что ты в порядке.

Его игры мне уже осточертели.

— Здесь нет свидетелей, — сказала я. — Почему бы вам не покончить со всем этим театром.

Мелани Раабе

Незнакомец открыл рот, снова закрыл. Покорно улыбнулся, словно признав поражение. Я поймала себя на том, что все еще пытаюсь разглядеть ямочки на его лице. Отвела глаза.

— Вы, похоже, хорошо знали моего мужа, — заметила я. — Если он вам так много о нас рассказал.

Человек не ответил.

— Или у вас есть другой осведомитель?

Человек молчал.

— Где мой муж?

Я слышала, как он дышит. Слышала, как тикают часы на стене. Незнакомец упорно молчал.

— Я даю вам последний шанс сказать мне то, что я хочу знать. Потом я спущусь вниз, вызову полицию и сделаю официальное заявление.

Самозванец не шевелился, думал, наверное, что я блефую.

— Я не хотела шумихи. В первую очередь из-за сына, ведь я уверила его, что отец возвращается, и теперь не знаю, как объяснить, что тот, кого все принимают за его отца, на самом деле не его отец. Мне следовало вызвать полицию уже давно.

В горле у меня пересохло.

— Чего вы хотите? — спросила я.

Человек молчал.

Я медленно досчитала до десяти. Потом вскочила и бросилась к двери. Я вздрогнула всем телом, когда незнакомец схватил меня за локоть. Потянул обратно к кровати, обеими руками впиваясь в мои плечи, его лицо приблизилось к моему.

На секунду меня посетила блаженная мысль о том, что сейчас меня попробуют поцеловать. Но незнакомец только провел языком по губам. Глаза его сузились

Истина

до щелок, лицо оказалось совсем рядом. Я уже не могла выносить его взгляда, не могла выносить такой близости, стояла мертвая тишина.

— Ни звука, — произнес незнакомец.

Он почти перешел на шепот. Лицо его было так близко, что я кожей чувствовала его дыхание.

— Только попробуй пикнуть, если проболтаешься хоть словом о том, что тут происходит, я с тобой разделяюсь.

Еще секунду он смотрел на меня пронизывающим взглядом, потом отпустил мои плечи, поднялся.

— Поняла?

Я только хлопала глазами.

— Поняла?

Я продолжала молчать. Его угрозы больше меня не пугали.

— Вы не мой муж.

— Все верно. Я не твой муж, — произнес он. — Слава богу, не твой. Бедный идиот.

Это был настоящий плевок в лицо.

— Ну и что? Поверь, я и без того знаю о тебе достаточно, куда больше, чем ты себе представляешь. И лучше меня не испытывать.

Я почувствовала, что стою с открытым ртом.

Наконец маски сброшены.

Незнакомец

Слова эти сорвались с языка. Досадная ошибка.

А я всего лишь хотел — когда она так и не успокоилась, когда продолжала истошно рыдать, — лишь хотел удостовериться, что она ничего с собой не сделает.

Я отворачиваюсь. Глухая боль в голове снова дает о себе знать, то нарастая, то стихая. Это хорошо, думаю, когда болит, это хорошо. Боль не может усыпить, боль означает, что ты еще жив. Как говоривал тот парень из лагеря? Боль — только лишь слабость, покидающая тело.

Я смотрю через окно в сад и на соседние дома. Летняя ночь в Гамбурге. Через приоткрытое окно доносится тихий шум голосов. Где-то на улице люди устроили гриль, сидят на террасах и наслаждаются вечерней прохладой. Все это кажется сюрреалистичным, в моей жизни нет летних праздников, не бывает пивных по-поек с друзьями. Там, откуда я пришел, ничего подобного не случалось. Нормальности я не знаю. По крайней мере, не припомню ничего такого.

В моей жизни есть только вот это.

А что, если выбраться отсюда и пойти на звуки, думаю я. Что если просто оставить эту женщину, пусть

Истина

себе сидит в доме? Неужели так важно, вызовет она полицию или нет? Имеет ли еще хоть что-то хоть какое-то значение?

Я провожу рукой по лицу. Нет. Мне знакомы эти мысли, они уже частенько меня посещали. И в том нет ничего зазорного. Мысли — это всего лишь импульсы, которые вспыхивают между синапсами. Мысли — это не проблема. Они становятся проблемой, когда ты идешь у них на поводу.

Я собираюсь с силами. Я не могу себе позволить сказаться усталым, не могу себе позволить думать о боли. Все, что тут происходит, еще не кончено, совсем наоборот. Я допустил ошибку. Я позволил себе увлечься. А потому ничто не потеряно. Я вернусь к этой женщине. Все происходящее здесь напоминает игру в шахматы, но такую, где на обдумывание следующего хода у тебя не больше нескольких секунд. Эта женщина совершенно непредсказуемый игрок. Трудно сказать, насколько действенны будут дальнейшие угрозы с моей стороны. Но ее надо остановить. Она ни в коем случае не должна пойти в полицию. Кроме того, я не любитель насилия, и если прибегаю к нему, то только в крайнем случае.

Ужас, страх, облегчение — все эти чувства невероятным образом соединились. Наконец-то он сказал правду. Хотя бы так. А ведь я чуть не лишилась рассудка. Напряжение, теперь меня отпустившее, было столь велико, что я едва не залилась слезами.

Чужак оставил меня в спальне одну, звук, с которым дверь за ним захлопнулась на замок, до сих пор отдавался у меня в ушах.

Во рту пересохло, голова кружилась, мне просто необходимо было что-нибудь выпить. На улице темно, должно быть, уже поздно, уже кончался вечер или наступила ночь. Я открыла дверь, пошла по коридору и занесла было ногу над верхней ступенькой лестницы, собираясь спуститься в кухню и налить себе стакан воды, как вдруг моих ушей достиг голос этого человека. Неужели к нему кто-то пришел? Голос звучал приглушенno, и не только потому, что доносился издалека, нет, он нарочно старался говорить тише. Звук шел из гостиной. Осторожно я подкралась ближе, стараясь не производить никакого шума. Дверь в гостиную прикрыта. Скрипнула половица, когда я сделала еще

Истина

один шаг вперед, я сжалась от страха, остановилась. Вдруг он заметил? Но нет, я опять услышала его голос, потом наступила тишина. Он говорит по телефону! Я напрягла слух. Сначала — ничего, и я уж было испугалась, что он заметил меня и прервал разговор, но тут его голос зазвучал снова.

— Нет, я думаю — нет.

Пауза.

— Не думаю, что она пойдет в полицию.

Я затаила дыхание.

— Но я и сам не знаю!

В горле запершило.

— Это мне, по правде говоря, трудно предугадать.

Пауза.

— Если она обратится в полицию, то навредит в первую очередь самой себе...

Волосы у меня встали дыбом, по телу побежали мурашки.

— Не думаю, что в этом есть необходимость...

Пауза.

— Я не стану...

Тишина.

— Вы понимаете, с кем вы разговариваете? Этого я делать не стану!

Пауза.

— Забудьте об этом, я не стану этого делать.

Пауза.

— Никакого насилия — такой был договор!

Пауза.

— Я постараюсь ее вразумить.

Пауза.

— Но попытаться-то стоит, не так ли?

Мелани Раабе

Пауза.

— Обещайте мне, что с Зарой и ее сыном ничего не случится, если я добьюсь успеха.

Пауза.

— Вы обещаете?

Пауза.

— О'кей. О'кей, спасибо. До свидания.

Я услышала, как он вернул трубку на базу.

Обливалась холодным потом, но не столько из-за содержания сказанных им слов, сколько из-за интонации. Со мной чужак разговаривал совершенно по-другому. А тут в его голосе слышались и гнев, и усталость, да, тоже. Но еще и нечто другое, я почувствовала это другое, оно-то и смущило меня более всего.

Этот человек испытывал страх.

Как можно поспешнее и как можнотише я отошла от двери, скользнула по лестнице наверх, вбежала в спальню, закрыла за собой дверь. Села на кровать. Надо было все обдумать, но я не успела, я вновь услышала шаги.

Самозванец постучал в дверь и почти в ту же секунду открыл ее, не дожидаясь ответа. Встал посреди комнаты с поникшими плечами, не глядя на меня. Долго молчал, как будто подыскивая слова. И наконец, посмотрел мне прямо в лицо и изрек следующее:

— Ладно, а теперь слушайте. Вы ошибаетесь, если думаете, что я вам враг.

Прозвучало это настолько абсурдно, что я едва не рассмеялась. И ответила так:

— Вы только что в очередной раз мне угрожали. Если вы мне не враг, то кто же вы?

Он не ответил.

Истина

— Вы — мошенник! — воскликнула я. — Вы проникли в мой дом, вы мне угрожали. — Я намеренно это повторила. — Так кто же вы, как не мошенник?

— Не я выбрал для себя эту роль.

— Думаете, это меняет дело к лучшему? — Не дожидаясь ответа, я решила выложить козырную карту. — Я знаю, что вы действуете заодно с Иоганном Кербером.

Вдруг я заметила, что он теперь слушает меня очень внимательно. Взгляд темных глаз стал острым, настороженным.

— Деньги, которые он вам обещал, вы можете получить и от меня!

Воцарилась тишина, но ненадолго. Чужак устало покачал головой:

— Не все так просто.

Мне тут же вспомнились его интонации в разговоре, который я только что подслушала, и страх, столь явно звучавший в его голосе.

— Отчего же?

Он не ответил.

— Говорите, вы не сами выбрали для себя эту роль? Что ж, я готова вам помочь.

— Вы хотите мне помочь? — рассмеялся он.

— Я хочу, чтобы вы ушли. И я готова за это заплатить. Я вас не обману.

— Об этом речь не идет.

— Но тогда о чём же идет речь?

Он колебался. Мои нервы вибрировали от напряжения.

— Разрешите мне дать вам совет? — произнес он, наконец.

— Какой же?

Мелани Раабе

— Запаситесь терпением, — таков был ответ.

Только тут я заметила, что он прекратил мне тыкать.

— Весь этот кошмар скоро прекратится, — добавил чужак.

— Вы сейчас о чем говорите? — поинтересовалась я.

Он сел и, не глядя на меня, пояснил:

— Еще всего два дня. Два дня, и вы от меня избавитесь. Два дня, и все будет хорошо. Для вас. И для вашего сына. Если вы будете вести себя спокойно.

Посмотрев ему в лицо, я — против всех доводов рассудка — почувствовала, что он говорит правду.

— Я хочу знать, что произошло с моим мужем.

— Вы все узнаете. Дайте мне два дня.

Тут уж я совсем перестала понимать, что происходит. Не могла сообразить, отчего этот человек вдруг решил действовать со мной сообща, отчего так важен названный срок в два дня. Почему я должна ему доверять? Очень хотелось бы ему поверить, и надежда манит, розовая и сладкая, как соблазнительный плод. Но что, если я утихомирюсь на два дня, а он потом смотает удочки, унеся с собой все сведения о Филиппе?

— Поверьте мне, — продолжал он, — я не намерен причинить вам вред. Я просто мужчина, который старается ради своей семьи.

Я разглядывала его профиль, ибо он снова отвернулся, и не могла понять, лжет он или нет. Все-таки спросила:

— А что будет через два дня?

Он не ответил. А мне вспомнился тот человек, которого я случайно увидела в городе, в толпе.

Истина

— Жив ли Филипп?

Чужак не ответил.

— Жив ли мой муж?

Молчание.

— Умоляю вас... Скажите только это.

— Два дня, — повторил он. — Всего два дня. Дайте мне два дня, и я сообщу вам всю информацию, какую вы хотите получить. — С этими словами он повернулся ко мне. И еще добавил: — Я вам обещаю.

Пытаясь это принять, я сказала:

— Я верю вам.

Хотя нельзя сказать, что я действительно ему поверила. Некоторое время мы оба молчали. Потом я заговорила вновь:

— Два дня?

Он кивнул. Еще немного поколебавшись, я приняла решение.

— Что ж, если мне придется провести еще два дня под одной крышей с человеком, которого я совершенно не знаю и который выдает себя за моего мужа, то уж скажите мне, по меньшей мере, как вас зовут.

Снова в комнате стало тихо, и только тиканье настенных часов выдавало, что жизнь продолжается. Я уж было подумала, что чужак мне так и не ответит, но вдруг он откашлялся и заговорил. И впервые мне показалось, что голос его звучит искренне.

— Винсент, — сказал он. — Меня зовут Винсент.

Незнакомец

В комнате воцарилась тишина. Женщина смотрит в пол.

Правильно я сделал. Я все сделал правильно. Так я думаю.

Взглянув ей в лицо и распознав полное изнурение, я со всей ясностью понял, что пришло время изменить тактику. Надежда, подумал я. Надежда — единственная наживка, на которую она теперь клонет. Вот я и решил испробовать что-нибудь новенькое. Отныне никаких провокаций. Отныне совсем другое: успокоить.

После телефонного разговора с Гриммом я осознавал: мне обязательно нужно выиграть время. Нельзя допустить, чтобы эта женщина поддалась панике и попросту сбежала. Тогда мне нипочем не удастся опять оказаться с ней рядом. Еще два дня. И очень даже не плохо будет, если ситуация хоть чуточку разрядится.

Восстановливаю в памяти разговор с Гриммом.

Здорово я разозлился, заметив, как затряслись у меня руки, когда я задал ему самый главный вопрос: «Так это была она? Или не она?»

Истина

«Не могу сказать вам со всей уверенностью, однако...»

Я перебил Гrimма:

«Когда я получу ответ на мой вопрос? Точный и окончательный ответ?»

Гrimm помолчал. А потом все-таки ответил:

«Дайте мне два дня».

«Два дня?! И как вы предлагаете мне еще целых два дня разбираться с этой ситуацией?»

«К сожалению, ничего другого я вам не смогу сейчас сказать».

И вот тут, на этих словах Гrimma, я догадался, что женщина подслушивает за дверью. Я тотчас сообразил, какой ошибкой было бы резко оборвать разговор и тем самым растревожить ее еще больше. И решил использовать шанс, то есть допустить в свою речь импровизацию.

«Не думаю, что она пойдет в полицию», — произнес я четко и внятно.

«Не понимаю», — ответил Гrimm.

«Но я и сам не знаю!» — воскликнул я.

Гrimm от удивления замолчал.

«Это мне, по правде говоря, трудно предугадать», — импровизировал я.

«Что вам трудно предугадать?» — Гrimm продолжал удивляться.

«Если она обратится в полицию, то навредит в первую очередь самой себе...» — пояснил я, вполне уверенный в том, что она все так и подслушивает за дверью.

«А, понятно, — догадался Гrimm наконец, — вы сейчас не можете говорить!»

Мелани Раабе

«Не думаю, что в этом есть необходимость...» — подтвердил я.

«Вот именно. Мы и так успели все обсудить».

«Я не стану...» — Я как будто бы начал следующую фразу.

«Всего хорошего», — решил рас прощаться Гримм.

«Вы понимаете, с кем вы разговариваете? Этого я делать не стану!» — Эти слова я произнес во весь голос.

В это время мой собеседник повесил трубку, раздались частые гудки.

«Забудьте об этом, я не стану этого делать». — Я будто бы продолжал разговор.

Частые гудки.

«Никакого насилия — такой был договор!» — Я придал своему голосу оттенок негодования, затем выдержал паузу якобы для реплики собеседника и продолжил: «Я попробую поговорить с ней вразумительно».

Пауза.

«Но попробовать-то стоит, не так ли?»

Пауза.

«Обещайте мне, что с Зарой и ее сыном ничего не случится, если я добьюсь успеха».

Не переборщил ли я? Впрочем, какая разница.

«Вы это обещаете?»

Пауза.

«О'кей. О'кей, спасибо. До свидания».

До чего же безобидной умеет выглядеть эта женщина. Но все равно я ей не сочувствую. Пусть льет крокодиловы слезы, сколько хочет. Я знаю, что к ней

Истина

ни за что нельзя повернуться спиной. Знаю я ее. Возможно, лучше, чем она сама себя знает.

Два дня. Через два дня все будет ясно. И если предположения мои подтвердятся, то помоги ей Бог. Вот так я думаю.

Но я не позволяю своим мыслям проявиться, вырваться наружу. Сижу себе там, смотрю на нее и надеюсь, что она это съест. Иначе у меня не будет иного выхода, кроме наступления.

Долго и внимательно я на него смотрела, изучала. Ему действительно удалось застать меня врасплох. Значит, Винсент. Конечно, так ведь и написано в книжке, попавшейся мне, когда я рылась в вещах этого человека.

Впрочем, не имеет значения, действительно ли его зовут Винсент, нет ли. Суть в другом: он всерьез решил заставить меня не открывать рта в течение двух дней. И он не собирается ради этого просто шарахнуть меня чем-нибудь по голове и оставить где-нибудь валяться, истекая кровью, пока меня не найдут, а он не исчезнет с концами. Если вообще найдут. Странным образом меня вся эта перспектива совершенно не успокоила. В мыслях моих засел один-единственный вопрос: что будет через два дня?

— Два дня, — повторил он. — О'кей?

Я не ответила.

— О'кей?

Я кивнула.

— Хорошо.

Истина

...Я все еще пыталась собраться с мыслями, как вдруг внизу зазвонил телефон. Несмотря на телефонный террор последних нескольких дней, первая моя мысль — о Лео. Как бы с ним чего не случилось, вот бывают ушибы и раны, которые следует немедленно зашивать, бывают переломы костей, да и вообще любые катастрофы. Вскочив, я оставила чужака в одиночестве, новая информация переваривалась, прямо скажем, с трудом, и я понеслась к телефону. Слышала, что этот следует за мной, и схватила трубку.

— Алло!

В трубке чье-то дыхание.

— Алло! — повторила я.

Полная тишина.

— Кто это?! — закричала я.

Раздался щелчок, на другом конце провода положили трубку.

— Кто это звонил? — поинтересовался чужак, то есть Винсент.

— Ошиблись номером, — ответила я.

Тут телефон зазвонил снова. И опять выяснилось: номер неизвестен. Я поспешила подняла трубку.

— Алло!

В ответ снова чье-то дыхание, потом частые гудки. Разъединились. В ярости я поставила трубку на базу. Этот мистер Икс решил со мной шуточки шутить, так?

Чужак вопросительно смотрел на меня, а я только плечами пожала.

— Попробуйте заснуть хоть ненадолго, — посоветовал так называемый Винсент. — Завтра тоже будет день.

Филипп терпеть не мог такие банальности, всегда посмеивался надо мной, если мне случалось высказать

Мелани Раабе

что-либо похожее. Скоро хорошо не бывает. Ругает — значит, любит. В спокойствии сила. Завтра тоже будет день.

— Вы очень бледны, — сказал чужак. — Может быть, вам что-то принести? Стакан воды? Или чаю?

Я с трудом заставила себя не засмеяться по поводу того, что Винсент, или как там его зовут, предлагает подать мне чай. Но обрадовалась возможности от него избавиться.

— Чая... — Я устала опустилась на диван, а сама смотрела, как он удаляется в сторону кухни.

С тех пор как он появился в моей жизни, я ломаю голову над тем, какова его цель. Просто не могу больше. Сколько ночей я не спала, три? Или уже четыре?

Надо бы съесть хоть что-нибудь, когда я ела в последний раз? В последний раз после того, как меня во время визита Барбары Петри вырвало остатками завтрака. А это когда было, вчера? Или, может, позавчера?

Да не важно, суть не в том. Давай-ка, сконцентрируйся. Вот в чем суть: ты принимаешь условия игры этого Винсента и веришь тому, что спустя два дня весь этот кошмар закончится? Или ты вызываешь полицию?

Решайся, Зара! Доверься ему или вызывай полицию. Но если ты хочешь вызвать полицию, то сделай это немедленно.

Поднявшись с дивана, я взяла телефонную трубку. Взяла, хотя и неуверенно. Набрала номер Мириам. Хотя бы кого-то надо посвятить в это дело, хотя бы с кем-то надо поделиться.

— Ты что это надумала? — возмутился чужак.

Истина

А я и не услышала, как он вернулся. Зато он сразу догадался, в чем дело, бросился ко мне, попытался отобрать телефон. Я отскочила в сторону, и ему не удалось меня схватить, однако я неудачно споткнулась и сама-то не упала, а вот трубка выскользнула у меня из рук и бесшумно приземлилась на ковре. Мы одновременно наклонились, чтобы ее взять, но он, оказавшись чуточку сноровистее, ее заграбастал и завопил:

— Это что такое значит, Зара?

Он не в первый раз вот так кричал. И в вопле его слышалось отчаяние, да куда там — слышалось безумное отчаяние.

— Что же ты намерена рассказать полиции? Что у твоего мужа объявился двойник? Или злобный брат-близнец? Ты сама-то себя послушай! Ты сама-то на себя посмотри, ты же просто в безумии! Кто тебе поверит?

Он был просто вне себя, на каждом слове плевался слюной, и брызги летели прямо мне в лицо. И что мне было делать? Я стояла на месте, уставившись на него, с таким ощущением, будто я заглянула хищному зверю в самую глотку, во влажную и горячую ее тьму.

— Ты вообще понимаешь, что ведешь себя как буйнопомешанная? Бегаешь тут по округе, ночью с криками выскакиваешь на улицу. Сотрудникам в министерстве, которые по иностранным делам, плетешь какую-то чепуху про самозванца! Да еще у тебя хватило наглости замешать в этот бред бедную безвинную старушку. Ты совершенно себя не контролируешь. Скорее это мне следует вызвать полицию! Откуда мне знать, может, ночью ты проберешься в кухню и возьмешь там самый острый нож. А что? Да, может, это мне следует вызвать полицию! И пусть они с тобой разбираются!

Мелани Раабе

От ярости у меня в глазах потемнело. Наконец-то он это произнес, наконец-то он во всем по-настоящему признался. Вот о чем речь: пусть со мной разбираются! Опять я потянулась за телефоном, попыталась вырвать трубку из рук этого человека. Даже потасовка началась, я старалась выхватить телефон, а он не давал, вцепился в него крепко-накрепко. И я сдалась, отступила, еле держась на ногах.

— Неужели ты в самом деле думаешь, что сможешь от меня избавиться? — переведя дыхание, прохрипел он. — Что ты выгонишь меня отсюда? Так, да?

Я не отвечала, стояла в оцепенении.

— Ты просто психованная! — выкрикнул он. И замер, набирая воздуха в легкие. А затем произнес: — Зара, кто же тебе поверит?.. — Прозвучало это не как вопрос, а как утверждение. И он повторил, на сей раз язвительно, с побагровевшим от ярости лицом: — Кто же тебе поверит?.. Твоему маскараду я и сам не поверили нисколько. Тебе придется заплатить за все, что ты совершила!

И он повернулся, собираясь уйти, а я в полной растерянности смотрела ему вслед. Но вдруг он остановился и опять повернулся ко мне лицом, как мне показалось — очень и очень медленно. Что-то переменилось в его лице, бесследно исчезла ярость, он, похоже, совершенно успокоился. Гневная складка на лбу как будто вмиг разгладилась, рот уже не искажала ненависть, да и все лицо его напоминало гладкую поверхность озера при полном безветрии, ничем не выдавая ни течений, ни водоворотов на глубине. Мне с трудом удалось выдержать его взгляд, он как будто меня испытывал.

Долго, долго стоял он, не шелохнувшись. А потом приказал:

Истина

— Вспомни худшее из того, что ты когда-либо сделала.

Время разом остановилось.

И вдруг возникло передо мною нечто... Большое, тяжелое и мрачное.

В темноте я могла различить лишь силуэт, очертаниями напоминающий башню, которая внезапно словно выплыла из темноты.

Дверь моего ночного кошмара — она открылась.
Свет фар во тьме.

Ночные мотыльки на лобовом стекле.

Кровь.

Филипп и я, и глухой удар.

Этот проклятый удар.

Я медленно опустилась на пол.

Голос того человека эхом отдавался у меня в голове.

Вспомни худшее из того, что ты когда-либо сделала, худшее из того, что ты когда-либо сделала, из того, что ты когда-либо сделала, ты когда-либо сделала, когда-либо сделала, когда-либо сделала, когда-либо сделала...

И я вспомнила.

Сначала — только обрывки, не связанные между собой картины.

Чужак еще раз посмотрел мне в лицо, потом молча повернулся и тяжелым шагом пошел вверх по лестнице. Я услышала, как где-то наверху дверь защелкнулась

Мелани Раабе

на замок. А мне все равно. А мне все равно. Я внезапно поняла, что должна принять вызов прошлого, если хочу выстоять в настоящем.

Провела ладонью по лицу, по глазам, попыталась внутренним взором увидеть все произшедшее, но воспоминания вновь и вновь ускользали от меня.

Легкий шелестящий звук привлек мое внимание. Не сразу я поняла, откуда он исходит. А потом вдруг увидела, как крупная ночная бабочка бьется о стену своими широкими темными крыльшками. И вспомнила, как Филипп однажды поймал ночную бабочку, вот просто так поймал, руками, и выпустил за окно, в темноту. И вспомнила, как мы ехали ночью, как вся ночная живность — и мотыльки, и жучки, и комарики, и какие-то неведомые букашки — с противным хрустким звуком билась в лобовое стекло моей машины. Да, я вспомнила.

И прошлое с настоящим соприкоснулись, робко и нерешительно, как юные влюбленные.

Но очень скоро осколки соединились в одно целое. Поначалу неуверенно, как бы против воли, как бы стараясь от чего-то защитить мою память.

• Асфальт.

Темнота.

Мы.

Кровь.

Ощущение такое, будто чары разрушились. Видения, мучившие меня прошедшей ночью, преодолев барьер между сном и явью, настигли меня теперь, когда я бодрствовала. И никак не получалось их отогнать, они так и лепились ко мне, окутывали меня, как кокон окутывает бабочку.

Истина

...Я закрыла глаза.

Передо мной ночная дорога.

Дорога, поблескивающая чернотой, как лакрица.

Я знаю эти места. И я не одна: со мной Филипп.

А кругом темнота. И лес.

Я всегда боялась леса, я и теперь боюсь. Его тишины. Она напоминает мне о той тишине, какая наступает прямо перед тем, как случится нечто страшное. До чего же стары леса, до чего нам чужды. Не могу представить себе ничего более жуткого, чем движение по ночному лесу. Кто его знает, что скрывается в этом лесу. И что тебе вдруг нашептут на ухо.

До предела я жала на педаль газа, автомобиль мчался сквозь темноту. Свет пучком скользил по опушкам, по густому подлеску, по древесным стволам, то и дело выхватывая из тьмы пару горящих глаз — так мне казалось. Всякий раз, как в молочном свете фар показывался изгиб дороги, я вынуждена была резко тормозить, чтобы не выйти из поворота.

Филипп возражал, как мог, то и дело высказываясь против такой манеры езды, но я игнорировала его мнение. Если бы он не всегда старался настоять на своем, мы уже давно были бы дома, с нашим сыном, а не в этом лесу, чью враждебность я ощущала почти физически.

Мы направлялись домой с озера, некогда принадлежавшего родителям Филиппа, а ныне перешедшего к нам. Романтический вечер. Мы наедине друг с другом. Впервые с самого рождения Лео мы оставили его на всю ночь с няней. Идея Филиппа. Не моя.

Вечер не задался. Мы кружили один вокруг другого, как блуждающие звезды. Один раз Филипп нелов-

Мелани Раабе

ко попробовал меня поцеловать, но я отвернулась. Он сказал, что вот уже больше ста дней мы ни разу не целовались, а если точнее — сто пять дней. Подавив желание высмеять его постоянную привычку вести счет дням, я отметила, что поцелуй ровным счетом ничего не означает, ибо это есть лишь биохимический процесс. Партнеры инстинктивно проверяют друг друга на генетическую совместимость, вот и все дела. Филипп молча посмотрел на меня и откупорил вторую бутылку вина.

Мы оба уже изрядно выпили, когда раздался звонок от няни. У Лео поднялась температура, он кричит без остановки, что делать?

Немедленно мы сели в машину.

Разумеется, мы повздорили. Как обычно, ведь со времени первого моего выкидыша Филипп упрекал меня, будто я недостаточно береглась и виновна в том, что мы не сохранили ребенка. Нет никакого сомнения, что его науськала Констанция. В жизни своей не забуду ту минуту, когда он вылил мне все это на голову. Как простить такое?

Я все повторяла, что Лео ни за что нельзя было оставлять одного. Да и вообще, мол, я ничего такого не хотела. Не хотела никакого *Date Night*^{*}, никакого «безумного свидания», как выражался Филипп. Бред, по-другому не скажешь. Как будто мне хоть когда-то доставлял удовольствие отдых в этом пошлом доме на озере, где дух Филипповых обозленных родителей по ночам парит над нашей постелью, а днем ухмыляется, подглядывая за нашими ссорами. Где вокруг только лес с его тысячами глаз.

* Ночное свидание (англ.).

Истина

Филипп же возражал: раньше я будто бы радовалась пребыванию на берегу этого озера. А я говорила, мол, все это неправда, раньше я, может, и делала такой вид, но в действительности никогда не переносила дом на озере, как и наш городской особняк с его проклятой ганзейской холодностью, эту холодность теперь уже из меня самой не вытравишь, и этот проклятый бежевый цвет, он так и лезет в глаза отовсюду, этот бежевый кошмар, который Констанция создавала все те годы, что там проживала, а теперь в кошмаре живу я.

На это Филипп сказал, что просто не узнает меня, я как будто совсем не та женщина, на какой он женился, и тогда я, на мгновение посмотрев на себя со стороны, как я ору и ругаюсь, как бью ладонью по рулевому колесу, такая сердитая, такая несчастная — тогда я подумала, что и сама себя не узнаю. И тебя тоже, и себя, а уж нас вместе — совсем не узнаю.

Некоторое время мы оба молчали. Я включила было радио, но Филипп выключил его, я даже не расслышала, какую музыку передавали. Но ничего не сказала. Мысленно я вернулась к Лео. И невольно сбросила скорость. Конечно, я хотела оказаться рядом с ним как можно скорее, но именно поэтому следовало вести машину осторожнее. В салоне было совершенно тихо. Пахло влажной землей, наверное, мы сами на подушках занесли ее в салон. Я успокоилась, дышала ровно. Тишина, слышно только шуршание асфальта под колесами.

«У младенцев часто поднимается температура, — нарушил молчание Филипп, — завтра Лео будет совершенно здоров, это ясно».

Я только фыркнула в ответ. Можно подумать, я сама этого не знаю.

Мелани Раабе

И сообщила Филиппу, что после такого ужаса завтра ни за что не пойду праздновать день рождения к его матери, во всех случаях надо еще посмотреть, как Лео будет себя чувствовать. А Филипп ответил, что он на меня и не рассчитывал, уж я всегда найду предлог, чтобы избежать семейных обязанностей.

Теперь уже не могу вспомнить, что ввернула я ему в ответ, но помню точно, как он произнес роковые слова, после которых ситуация окончательно вышла из-под контроля. Вот что он сказал: «Иногда я думаю, что моя мама была права».

Помню, как расплылись и исчезли обочины, как постепенно сузилось мое поле зрения, как я стала видеть только то, что появлялось непосредственно перед моими глазами. Я по-настоящему пришла в бешенство. Покосилась на Филиппа, столь уверенного в своей правоте, что-то ему проорала, а он проорал что-то в ответ, а затем вдруг воскликнул: «Смотри вперед, чтоб тебя!» И тут раздался странный стук, скорее даже глухой удар, и я инстинктивно выжала тормоз, резко остановилась, автомобиль дернулся и замер на месте, и вдруг стало очень, очень тихо.

Сбила или наехала, думала я. Взглянула на Филиппа, а тот смотрел на меня широко распахнутыми от ужаса глазами.

«Может, это косуля?» — спросила я.

«Не знаю. Я не видел дорогу».

Посмотрела в зеркало заднего вида, но не разглядела ничего. Вылезла из машины. Услышала, что и Филипп вылез следом за мной. Обогнула машину, и тут я его увидела. В красноватом свете задних фонарей.

Человек. Мужчина? Женщина? Я не поняла. Но поняла сразу, что этот человек мертв.

Истина

...Я вернулась из прошлого.

Я хватала воздух ртом.

В полнейшей растерянности.

Ведь ужас из моих ночных кошмаров — это я сама.

Как я могла это позабыть?

Как я могла это позабыть?

Что же я за человек, если смогла вот такое полностью вычеркнуть из памяти?

Вспомни худшее из того, что ты когда-либо сделала.
Вот это.

Я каталась по полу в кухне, как раненый зверь, из последних сил доползший до своей норы.

Колесами машины я раздавила человека.

Я убила человека.

Постукивание.

Шок.

Кровь на моих руках.

Я вспомнила.

39

Понятия не имею, сколько времени я там пролежала.

Мне никак не удавалось подняться на ноги. Воспоминания давили тяжким грузом. Все теперь вернулось, абсолютно все. Не только эта ночь, но и все последующее. Вина и боль. Несколько недель после этой ночи я прожила так, будто меня закутали в оболочку из ваты. Тот период и сегодня вспоминается мне смутно, но одна сцена четко запечателась в памяти.

Мы с Филиппом сидим в кухне, Лео спит, Филипп пьет вино, а у меня слезы капают прямо в бокал. Филипп сказал тогда:

Мелани Раабе

«Что ты ревешь постоянно, ну-ка прекрати постоянно реветь».

Я не ответила. Некоторое время мы оба безмолвствовали, пили вино. И вдруг Филипп прервал молчание такими словами:

«Ты помнишь последнюю ночь перед нашей свадьбой?»

Я кивнула в ответ, он продолжал:

«Ты попросила меня вспомнить худшее из того, что я когда-либо в жизни сделал. Потому что хотела знать, за кого ты выходишь замуж. Помнишь?»

Я снова кивнула.

«Тогда я не нашел ответа на твой вопрос, — продолжал Филипп. — Помнишь? — И он осушил свой бокал. — Зато теперь у меня есть ответ».

Очередная слезинка капнула в мое белое вино, скатившись с подбородка.

Но с тех пор я не проронила ни одной слезинки.

Та женщина, которая изо дня в день объясняет подросткам в школе английскую грамматику и рассказывает о немецкой литературе, которая по утрам делает пробежку на окрестных улочках, которая занимается благотворительностью в приютах для беженцев и ходит за покупками для старушки соседки, которая в одиночку воспитывает сына и так трогательно заботится о нем, которая на удивление хорошо справляется со всеми своими обязанностями, хотя в жизни ей так страшно не повезло, та женщина — убийца.

Мать мальчика Лео — убийца.

Я осматривалась в собственной кухне, будто видела все впервые, будто я вдруг обрела способность рас-

Истина

познать подлинную сущность вещей. Неожиданно мне стало ясно: каждая вещь в этом доме имеет душу. Этот дом все видит, слышит и чувствует, вбирает как губка любовь и ярость, ссоры и примирение. Я нахмурилась. Разве контейнер для бутербродов, с которым Лео ходит в школу, всегда имел этот насыщенный синий цвет? Разве базилик в горшочке на подоконнике всегда издавал такой сильный запах? Разве свет в кухонной лампе всегда был таким ярким? Разве расстояние от холодильника до кухонного стола не было больше? Ну, пусть и немного, но все-таки больше? Я часто-часто заморгала. Закрыла глаза, открыла глаза, но странное чувство не покидало меня. Теперь все, что здесь есть, не разумеется само собой.

Здесь что-то переменилось.

И снова мне попалась на глаза ночная бабочка, она смирило сидела на белой стене. Вот он, оживший психиагностический тест Роршаха.

Кровавое пятно, подумала я. Форма кровавого пятна.

Услышав шаги, я вздрогнула.

Спрашивала себя, в этом ли дело. Неужели незнакомец мучает меня из-за этого? Из-за этой проклятой ночи?

Но откуда он может о ней знать? Разве за нами с Филиппом велось наблюдение? Разве Филипп был прав? Или не права была я, обозвав его параноиком и, в шутку, тряпкой?

Не прошло и двух секунд, а человек уже опять стоял передо мной. Смотрел сверху вниз, как я, зареванная, лежу на кухонном полу, качал головой, словно

Мелани Раабе

перед глазами у него нечто отвратительное и вместе с тем захватывающее.

— Жалость к самой себе, — иронично заключил он наконец. — Как мило!

Потом рассмеялся.

Я села, на большее была не способна.

— А знаешь, — продолжил человек. — Мне тебя ничуточки не жаль. Кого мне действительно жаль, так это твоего сына.

Я вытерла слезы.

— Сколько ему лет?

Он сделал вид, что производил в уме вычисления.

— Восемь, не так ли? Все верно. Восемь. В этом возрасте ребенок уже кое-что понимает. Как ты думаешь, сколько ему потребуется, чтобы разобраться, что за человек его мать?

Незнакомец смотрел на меня так пристально, будто и вправду ожидал осознанного ответа. Потом пожал плечами.

Улыбнулся. И от этой улыбки повеяло холодом.

Он снова показал мне спину и с совершенной невозмутимостью налил стакан воды.

Он прав, подумала я.

Бедный Лео. Он никогда не должен узнать.

У него есть я, и кроме меня больше никого.

Я подняла глаза. Чужак стоял, повернувшись ко мне спиной, футболька его чуть сползла набок, и я увидела четкую линию, отделявшую загорелую шею от гораздо более светлой кожи, обыкновенно скрытой под одеждой. Ишь ты, отвернулся. Спокойный как слон. Знает, что я у него в руках. Знал с самого начала.

Истина

Я повернулась, вышла из кухни и стала подниматься по лестнице, руки-ноги мои двигались машинально. И только одна мысль билась во мне: Лео никогда не должен ничего узнать. Я открыла дверь в спальню, подошла к шкафу, распахнула дверцы. Приподнялась на цыпочках, чтобы дотянуться до верхней полки, где хранилась шкатулка. Отодвинула футболки, стала рыться во всех углах — но нашупала только ткань и деревянную стенку шкафа.

Оружия не было.

Волна страха поднялась во мне так внезапно, как поднимается температура. Я на секунду закрыла глаза. Потом осторожно начала доставать с полки белье, стопку за стопкой. И чуть не засмеялась, почувствовав облегчение — шкатулка была на месте, — конечно, а где же еще, я просто слишком хорошо ее спрятала, только и всего.

Я открыла шкатулку и впилась глазами в пистолет, уговаривая себя взять его в руки. Наконец сделала это — взяла пистолет. Заткнула за пояс. Распахнула дверь комнаты, вышла в коридор и отправилась на поиски самозванца. Больше никаких страхов, никаких слез. Все серьезно.

Я остановилась на лестничной площадке. С оружием за поясом джинсов. По лбу пробежала капелька пота, одежда прилипла к телу, но холод пронизывал меня до костей, холод, от которого я не знала, как избавиться, хотя испробовала, наверно, уже все, чтобы согреться. Через открытое окно на верхнем этаже доносились пронзительные крики припозднившихся вечерних стрижей, и я вспомнила, что в прежней жизни эти крики неизменно олицетворяли

Мелани Раабе

для меня саундтрек лета. Пистолет давил на ягодицы, холодный, но по ощущениям как будто живой. Вперед.

Кухня. На серванте темно-синяя бутербродница, яркий свет лампы, между холодильником и кухонным столом легкое смещение, запах базилика, самозванец. Спина самозванца.

— Я больше не собираюсь играть в ваши игры, — громко сказала я.

Он осторожно обернулся, посмотрел на меня. Поднес ко рту стакан с водой, который держал в руке, медленно, не сводя с меня глаз, начал было пить, но в ту же секунду отставил стакан в сторону.

— Уходите! — сказала я.

Человек сел и неожиданно спросил:

— А где, собственно, Лео? — Глаза мои невольно округлились. — У Мириам, если не ошибаюсь?

— Оставьте в покое моего ребенка, — сказала я дрогнувшим голосом.

— Тебе незачем волноваться, — успокоил меня самозванец. — Теперь, если с тобой что-нибудь случится, у Лео есть я.

Меня так и тянуло вытащить пистолет и застрелить негодяя. Но что тогда будет с Лео? Что будет с моим ребенком, надумай я что-нибудь учинить? Нельзя так легко поддаваться на провокации.

— Скажите же наконец, что вам от меня надо! — сорвалась я, хотя услышать ответ очень боялась.

Ночь. Дорога... Нет. Он не может ничего знать, это исключено. Речь идет о деньгах, как бы он это ни отрицал.

Я отчетливо осознала, что цеплялась за эту версию как утопающий за соломинку.

Истина

Незнакомец сложил руки за головой, и я увидела по-дилетантски выполненную синеватую татуировку на левом предплечье, бледном и мускулистом, увидела впервые.

— Тебе прекрасно известно, что мне нужно, — сказал чужак. — Мне нужна истина.

Перед моим внутренним взором воскресла ночная дорога. Безжизненный комок.

Неужели это возможно?

Откуда он узнал?

— Не понимаю, что вы имеете в виду, — сказала я.

Я намеревалась до конца все отрицать. Он сам подал мне пример.

— Мы оба очень хорошо знаем, что ты сделала.

— Это вздор! Прекратите! — закричала я, решившись еще на одну отчаянную попытку. — Вы хотите денег! Я правильно понимаю? Тогда к чему весь этот театр, если я добровольно готова вам их предоставить.

Незнакомец сверлил меня взглядом.

— Нет проблем, — продолжила я. — Деньги — не проблема, заявляю это сразу. Вы получите все, что хотите.

Я слышала его дыхание.

Слышала тиканье настенных часов.

Незнакомец молчал.

— Сколько вам надо?

Незнакомец молчал.

— Я не знаю, что вы задумали. Не знаю, каким образом вы собираетесь присвоить состояние моего мужа, и меня это нисколько не интересует. Но почему вы так себя ведете? Хотите денег — пожалуйста. Все, к чему я смогу получить доступ. Все, чем я располагаю, будет вашим.

Мелани Раабе

Это блеф. Разумеется, я готова отдать все, чтобы избавиться от негодяя и жить как прежде скромной и нормальной жизнью, но один вопрос оставался открытым — хватило бы для этого моих полномочий, или нет. Состояние Филиппа никогда не заботило меня по-настоящему, я знать не знала, как размещен его капитал, имела ли я доступ к крупным суммам. И конечно, я думала о Лео. Я не забывала о нем ни на секунду.

Скажи «да», молила я. Пожалуйста, скажи «да». Забирай все деньги и оставь меня в покое.

— Ты, похоже, действительно ничего не понимаешь? — изумился незнакомец. — Ты ведь до сих пор не в курсе, кто я такой.

Голос его звучал теперь почти сострадательно, но на этот раз ему меня не обмануть, я не сяду в ту же лужу. Пистолет давил в спину, и вдруг меня охватил страх, словно не я, а он, пистолет, меня контролировал. Словно пистолет нащептывал мне, как легко удалось бы выгнать негодяя, возьми я в руки оружие. Проще простого. Я отбросила темные мысли и заявила, стараясь выговаривать слова как можно спокойнее:

— Вы не мой муж, это я знаю точно.

— Да, — мрачно признался он. — Я не твой муж.

Глаза незнакомца почернели.

— Кто вы?

— Я твое прошлое, — ответил он, поднимаясь.

Он опустил голову, и я ощутила исходящую от него силу, почувствовала, как напряжен каждый его мускул, как крепко сжаты зубы. Наши глаза встретились.

— Вспомни худшее из того, что ты когда-либо сделала, — потребовал он.

В его глазах вспыхнула ненависть или нечто другое, более давнее.

Истина

Но меня уже ничем было не запутать. Что-то во мне нагло закрылось, и все происходящее я переживала как в кино.

Кухня залита светом, словно театральная сцена. Мебель превратилась в декорации, кухонные шумы — в фонограмму. Самозванец — в актера, ожидающего своей реплики.

— Что вам нужно? — спросила я.

— Мне нужна истина.

Нет, подумала я.

— Просто скажи правду.

Он не может этого знать!

— Что ты сделала?

Он не может ничего знать. Это исключено!

— Что ты сделала, Зара?

Я молчала.

— Это была ты.

Откуда ему известно?

— Ведь это ты сделала!

Возможно ли?

— Это ты!

Мы же были одни!

— Ты знаешь!

Hem!

— Отвечай!

Я не хочу!

— Скажи правду!

Я не могу.

— Это твоя вина!

Неправда.

— Говори. Скажи раз в жизни правду!

— Я не знаю, что вам нужно! — закричала я.

Мелани Раабе

...Бездна разверзлась. Перед глазами пошли круги, но не черные, а белые, а потом... Все пережитое обрушилось на меня и смешалось: звонок из Министерства иностранных дел, кошмары, аэропорт, незнакомец на моей кровати, водитель «универсала», вкус рвоты во рту, Констанция, называющая меня убийцей, руки в крови, шум, голос Лео: «Я боюсь этого человека»; оружие в платяном шкафу, глаза самозванца.

Я ничего не видела, ничего не слышала, последнее, что я ощущала — паника, нарастающая паника. Я не представляла, где я, открыла глаза как можно шире, но не увидела ничего, кроме режущего белого света, похоже, я ослепла, в ушах стоял жуткий шум, и я не только слышала, я чувствовала его всем телом, удар, толчок автомобиля, растекающийся по телу адреналин. Прошлое и настоящее смешались как ядовитые химические реактивы. Я сделала шаг назад, и еще один шаг, наткнулась на что-то, упала. Отпрянула, когда почувствовала на плече его руку, что-то твердое впилось в мои ягодицы, я напоролась на какой-то предмет, и локоть пронзила резкая боль, я поплелась дальше, попробовала проморгаться, зрение вернулось, но мир оказался размытым, очень размытым, от кухни лишь очертания, лицо мокрое, только сейчас я поняла, что плачу, ощупала лицо, нервно вытерла слезы, — нельзя допустить, чтобы наведенные мосты пошли под снос.

Рядом выросла темная худощавая фигура незнакомца, тот пристально смотрел на меня сверху вниз. Паника как желеобразная масса обволакивала все мое существо, я подумала, что отхожу в мир иной, наверное, умирающие переживают что-то подобное. Самозванец приближался, в нос ударил кладбищен-

Истина

ский запах лилий, я достала из-за пояса оружие, поднялась на ноги, вскинула пистолет, тяжелый, холодный.

— Вон! — проговорила я, задыхаясь.

Но темная фигура не остановилась.

— Тебе от меня не отделаться. Никогда. Никогда, пока я дышу.

Фигура наступала.

Подходила все ближе и ближе.

Я ощущала во рту вкус крови и закашлялась. Сердце мое бешено колотилось, в ушах шумело, мир сделался красным, ярко-красным, глаза ослепли, тело задеревенело, до слуха донесся шепот страха, я подняла оружие, как учил Филипп, двумя руками. Прицелилась и выстрелила. Потом еще раз. Я выпустила заряд дважды.

Когда мой палец спускал крючок во второй раз, я уже сожалела о своем поступке. Я уже в ту секунду поняла: свершилось необратимое. Второй раз в жизни я сделала то, что исправить невозможно. Буря кипела во мне, буквально на миг я отвела взгляд от дороги и даже не успела моргнуть. Это все паника, я поднимаю оружие, словно подчиняясь чужому велению, всего на мгновение. Но за это мгновение в белоснежной кухне происходит непоправимое.

Человек вскидывает руки, падает на спину и остается лежать без движения на начищенном до блеска полу.

Незнакомец

Она выстрелила, успеваю подумать я, пока всем телом навзничь валюсь на пол. Проклятие, она действительно спустила курок. Не могу поверить.

Я знал, что она опасна, во всяком случае, мне казалось, что знал. И тем не менее ее недооценил.

Она, черт возьми, выстрелила.

В кухне совсем тихо. Я в оцепенении посмотрела на тело, лежавшее у моих ног, инстинктивно отступила на несколько шагов, словно хотела дистанцироваться не только от него, но и от того, что совершила. Уткнувшись бедром в обеденный стол, положила на стол пистолет, осторожно, как в замедленной съемке. Еще несколько секунд взгляд мой был прикован к нему: пистолет лежал на столе как мерзкий черный зверек. И пока я стояла, до меня вдруг дошло, что тут не сходится.

Но ведь должен...

Волосы на моем затылке встали дыбом.

Отсюда следует только одно...

В горле пересохло, я с трудом слегка сглотнула слюну, потом еще раз, мозг работал мучительно медленно.

Я спустила курок, дважды, человек упал на спину.

Но я не почувствовала никакой отдачи.

Не услышала никакого шума от выстрелов.

Не видела огнестрельных ран, не видела крови — ничего такого.

Я, не отрываясь, смотрела на чужака, который лежал на полу в неестественной позе. И вдруг увидела, как

Мелани Раабе

поднялась и опустилась его грудь, но прежде чем сообразила, что это могло означать, до моего слуха донесся злобный хохот.

Незнакомец хохотал. Он открыл глаза, сел, затем поднялся на ноги, посмотрел на меня и буквально скрючился от смеха. Он смеялся и смеялся, наверное, целую вечность, а я глупо и беспомощно на него глядела.

— Я разрядил пистолет, — сказал он.

Я не поверила своим ушам.

— Но это потрясающее, — наконец добавил он. — Совершенно потрясающее: ты просто взяла и выстрелила.

Он на секунду замолчал, как будто снова прокручивал в воображении всю сцену.

— И не один раз, а два.

Я не знала, что ответить.

Во взгляде незнакомца читалось презрение, невеселая улыбка на его губах походила на линию, проведенную остро заточенным карандашом.

— А знаешь, как это называется?

Я словно в забытьи покачала головой.

— Инстинкт убийцы, — констатировал он, и его слова прозвучали почти уважительно. — Такому нельзя научиться.

Я просто окаменела.

Он злорадно рассмеялся, увидев выражение моего лица.

— Не знаю, что вы обо мне вообразили, но вы заблуждаетесь! — пронзительно взвизгнул незнакомец, и прошло несколько секунд, прежде чем я сообразила — меня передразнивают. — Я обычная мать! Учу детей! Я и мухи не обижу!

Истина

От отвращения взгляд его сделался мрачным. Но в то же время удивительно спокойным.

Я потеряла дар речи.

Удар пришелся в самую точку.

Да, я запаниковала.

Но я выстрелила. Выстрелила два раза. Ноги опять подвели, и я повалилась как подкошенная, да так и осталась сидеть на голом полу, последние силы меня покинули.

— Инстинкт убийцы, — повторил человек. — Наконец-то она его показала. Свое истинное лицо. Лицо Зары Петерсен. Женщины, которая действует с расчетом...

Я опять почувствовала, что задыхаюсь.

— Муженек твой, похоже, был тряпка, — продолжил он. — Зато ты — нет. — Он посмотрел на меня сверху вниз. — Нет, ты не такая. — Глаза незнакомца утратили все человеческое. — Ты сделана из другого материала.

— Вы ошибаетесь, — жалобно простонала я.

Он покачал головой, циничная улыбка осветила его лицо.

— Неужели это правда, Зара? Неужели тебе охота продолжать в том же духе?

— Что вам от меня нужно? — закричала я, хотя, может, мне только казалось, что я кричала — слова, слетевшие с моих губ, напоминали скорее жалостливый и бессильный лепет.

— Ты невнимательна, — сказал он. — Мне нужна правда.

— Какая правда? Правда — это о чем?

Мелани Раабе

— Правда о Филиппе и тебе, — медленно отчеканил он, словно говорил с капризным ребенком.

— Истина одной ночи, этой ночи, — сказала я.

Ночи. Господа.

Он не отвечал.

— Где мой муж? Что вы с ним сделали? — спросила я и попробовала сесть, но руки и ноги не слушались. — Где Филипп?

— Ты знаешь.

— Нет!

Что тут происходит?

— Ты знаешь. Говори.

Сил моих больше нет.

— Я не знаю! — всхлипнула я.

— Ты знаешь. Говори.

— Нет!

— Говори! Где Филипп? Ты знаешь! Говори!

Неожиданно наступила гробовая тишина.

Ничего.

Только мое дыхание.

И его.

Скрип половиц.

— Вы его убили! — прошептала я.

Тело мое сделалось почти невесомым.

Во взгляде незнакомца читалась невозмутимость.

— Это ты убила его, — сказал он.

— Почему вы так со мной поступаете? — пролепетала я.

— Ты знаешь, почему.

— Из-за того, что было, — прохрипела я. — Из-за того, что мы тогда сделали.

Он медленно наклонился ко мне. Я почувствовала, как скрутило желудок.

Истина

— Вспомни худшее из того, что ты когда-либо сделала.

Перед моими глазами замерцали вспышки света.

— Что ты сделала?

Бездна разверзлась.

— Что ты сделала? Отвечай!

Я не могла.

— Скажи правду! — взревел он.

Я открыла рот.

Я не могла.

Я потеряла сознание.

Незнакомец

Теперь осторожно, предельно осторожно.

Я стал медленно приближаться, в первую секунду даже подумал, что обморок ее только притворный. Эта женщина не желторотый цыпленок. Эта женщина только что в меня стреляла. *In cold blood*. Хладнокровно.

Но она действительно без сознания. Нашупываю пульс, женщина неподвижна. Прикидываю, как поступить. Нельзя допустить новой атаки, но и улизнуть она не должна.

Я распахнул дверь, ведущую в сад. Почувствовал, как хлынул на меня поток ночного воздуха.

Возвратился на кухню, подхватил по-прежнему бесчувственную женщину под мышки и поволок в сад.

Когда мы добрались до террасы, она издала жалобный стон. Как запутанное дитя, подумал я, и испытал чуть ли не жалость, но потом взял себя в руки. Филипп Петерсен поплатился за свои грехи. Так почему его жена должна оставаться безнаказанной?

Когда я снова пришла в себя, то в течение нескольких секунд никак не могла сообразить, где я и что случилось. Вокруг темно, хоть глаз выколи. Первое, что донеслось до моего слуха, были звуки, очень близкие и жуткие. Бизг, фырканье, низкое и какое-то архаичное, примерно таким представляется детям голос дьявола. Сделав над собой невероятное усилие, я открыла глаза. Различила какое-то движение и попробовала сосредоточиться на нем. Фырканье смолкло, наступила тишина. Сознание мое судорожно цеплялось за кромку реальности, выбивало искры, как будто от прикосновения металла к металлу, тускнело, но я изо всех сил старалась снова выкарабкаться на поверхность. Усердно моргала, пока не прозрела. Потолок изменился, теперь он не светлый, но темный, и к тому же пребывает в движении — нет, чушь. Все совсем по-другому: надо мной натянута черная ткань, испещренная маленькими дырочками, через которые просачивается свет — нет, ерунда. Никакой это не платок, это ночное небо. Я лежала под открытым небом.

Снова раздались звуки, еще более яростные и агрессивные, но я не понимала, откуда они. Имеют ли

Мелани Раабе

они какое-то ко мне отношение? Где я? Почему мне так дурно, почему все кружится? Я пьяна? Больна? Пошевелилась. Вон Большая Медведица, однажды Филипп научил меня, как ее распознать, куда я иду и ради чего? Я прищурилась, жгучая боль в плече окончательно вывела меня из забытья, и я поняла. Я не иду. Меня волочат по траве, ухватив под мышками. Я ранена? Это санитар? Куда он меня тащит?

И тут я все вспомнила.

Меня волочит этот человек. Платье от росы намокло, я слышу, как человек надо мной кашляет, и это единственный живой звук на всю округу. Я зажмурила глаза, попробовала пошевелить руками и ногами, но тело не слушалось. Может, мне впрыснули какую-то дурь? Нет. Я чувствовала все члены, могла двигать руками-ногами, я лишь ненадолго потеряла сознание. Что он затеял? Куда меня тащит?

И тут меня осенило — сарай. Меня волокут к сараю, хотят там запереть. Ужас сковал мои члены, и в ту же секунду обдал ледяной холод, я напрягла все мускулы, чтобы удерживать дрожь под контролем. Снова раздались отвратительные звуки, и я догадалась: в одном из соседских садов идет кошачья война, но от этого прозрения звуки не стали более приятными. Вдруг человек остановился. Он преодолел всю лужайку. Я подавила стон, когда поняла, что он задумал.

Незнакомец

Я действую.

Каждый раз я сосредоточен исключительно на той задаче, которая стоит передо мной в данный конкретный момент.

Эта женщина преподнесла мне сюрприз. В очередной раз. Теперь важно снова завладеть инициативой. Заповедь номер шесть: действуй быстро и просто.

Кошачьи воили прекратились. Я кладу женщину на траву. Открываю дверь садового домика. Мельком заглядываю в темноту. Сарай как сарай, ни больше ни меньше. Окон нет. По очертаниям распознаю садовые инструменты: лопаты, грабли. Скрученный шланг на крюке, лейки, запах дерева и земли. Позволил себе облокотиться о косяк, всего на секунду, чтобы перевести дух. Провел рукой по металлической задвижке. Прищурился, заметив на другом конце сада, у забора, движение. Всматриваюсь туда, откуда доносится звук, готовый к тому, что сейчас из темноты отделятся фигура, но ничего такого. Наверное, зверь.

Поворачиваюсь, чтобы поднять Зару и перенести в домик.

И застываю на месте.

Зары нет.

Мелани Раабе

...Скрежет зубов. Адреналин. Туннельное видение. Только одна мысль: найти ее. Найти ее. Найти.

Она наверняка в доме, где же еще. Прошли считанные секунды, и вот я снова там, поглядел налево, направо.

— Зара, — позвал я.

На кухне никого. Не находжу ее ни в коридоре, ни в гостиной. Почувствовал сквозняк. Пошел туда, откуда дуло. Смекнул: входная дверь открыта.

Она улизнула.

Проклятие.

Всматриваюсь, но перед домом — ничего.

В сердцах хлопаю дверью, поворачиваюсь — вот тут меня и накрыло по полной.

Боль хлестала по глазам, детонировала в горле. Я задыхался. Утратил ориентацию. Я ощупал лицо. Попробовал набрать в легкие воздух. Открыть глаза, но жгло слишком сильно. Я надавил кулаками на глазницы. С трудом перевел дыхание, почувствовал, как потянуло меня вниз. Упал на колени. Закашлялся. Как будто на горле стягивалась петля. Слюннул. Все тело сотрясали судороги. Я пытался осознать, что все это значило. Где она? Что задумала? Старался не обращать внимания на боль и собраться с мыслями. Женщины не видно, но я ее слышал. Она где-то здесь, близко. И наверняка она, воспользовавшись шансом, ударит меня ногой, мелькнуло в сознании. По голове. В живот. Я совершенно беззащитен. Я поднял руки, чтобы защитить голову. Изготовился к нападению. Прислушался. Различил звук шагов. Они удалялись. Потом наступила тишина. А вслед за тем хлопнула входная дверь. И больше ничего.

Луна полная и кроваво-красная, улица пустынна. Куда ни подайся, кругом, за стенами и окнами, люди, хоть они и скрыты от глаз, но я с одинаковым успехом могла разгуливать даже на Марсе. Я была абсолютно одна. В голове крутилась какая-то неблагозвучная музыка, какофония. Я бежала все дальше и дальше, сумочка, которую я подобрала в коридоре — кстати, в полном уме и памяти — все время стучала по бедру, на ногах — только изящные туфли-лодочки, — охваченная легкой паникой, я просто схватила первую попавшуюся обувку. Если он тебя нагонит, то убьет, предостерегал внутренний голос. Если он тебя нагонит — убьет, нагонит — убьет. Голос резкий и панический, и я ему верила. Добежав до конца улицы, я шмыгнула в подъезд какого-то дома и оглянулась. Хвоста не было, да и откуда ему взяться. Я все еще находилась под впечатлением. Действие газового баллончика, который несколько месяцев валялся в моей сумке, оказалось невероятно эффективным. Передо мной стояло искаженное болью лицо незнакомца. Кашляя и проклиная все на свете, тот тяжело опускался на пол, я слышала его

Мелани Раабе

прерывистое дыхание. У меня в горле тоже першило, глаза горели, порция досталась и мне, пусть даже совсем мизерная.

С новой силой нахлынули воспоминания. Ночная дорога. Мое исступленное состояние. Лицо Филиппа. Шум. Черный комок на асфальте, освещенный лишь красными огнями моих габаритов.

И то, как мы от него удаляемся.

Пока я приходила в себя, из-за угла выскочил огромный темный автомобиль и стрелой пролетел мимо. Я узнала его. Автомобиль затормозил перед моим домом, открылась дверца, и оттуда вышел мужчина. Увидев его, я впала в ступор. Эхо хлопнувшей дверцы отдавалось в ночи, Иоганн — человек, которому еще совсем недавно я решилась бы доверить свою жизнь, — направлялся прямиком к дому, его как будто ничуть не заботило, следят за ним, или нет. Он уже поднимал руку, собираясь нажать на кнопку звонка. Когда дорожка света выхватила вдруг из темноты кусок улицы и осветила лицо Иоганна, я догадалась: дверь ему открыли. Я наблюдала за происходящим с безопасного расстояния. Двоем обменялись несколькими словами, которые нельзя было рассышать, потом наступила тишина. Я не знала, чего и ждать. Вероятно, все еще надеялась, что Иоганн на моей стороне.

Тело наполнилось тяжестью, будто я волочила на руках и ногах свинцовые гири. Предательство Иоганна стало тяжелейшим ударом. Но гораздо больше тревожило меня кое-что другое: та самая роковая секунда, когда мой палец нажал на курок, — все снова и снова видела я, как чужак вскидывает руки и завали-

Истина

вается назад. Я все еще слышала его смех, его слова.
Инстинкт убийцы.

Инстинкт убийцы.

Истинное лицо Зары.

Я слышала его голос.

Ты знаешь, почему.

Его слова.

Вспомни худшее из того, что ты когда-либо сделала. *Скажи правду!*

Долгие годы я старалась стереть из памяти воспоминание об этой роковой ночи. Спрятать глубоко внутри. Но одним-единственным вопросом его снова вынесло на поверхность. Я слышала голос незнакомца, словно на бесконечной пластинке. *Вспомни худшее из того, что ты когда-либо сделала.*

Я убила человека, подумала я. Я кого-то убила. Вот худшее из того, что я когда-либо сделала. Вот самое страшное, и никто никогда не совершил ничего страшнее, это самое ужасное деяние на земле.

Я сделала глубокий вдох, потом выдохнула, в горле больше не першило, раздражение, вызванное газовым баллончиком, прошло, только в глазах еще немного щипало.

И что теперь делать? Куда идти?

Путь домой мне заказан.

Я остановилась посреди улицы, почувствовала, как кроны деревьев под луной отбрасывают на меня свою тень. И тут краем глаза уловила легкое движение. Оно заставило меня вздрогнуть, после чего я обернулась и вдруг увидела прямо перед собой лису: та, метрах в десяти, неподвижно стояла и сверлила меня взглядом.

Мелани Раабе

Ее глаза сверкали, мне даже почудилось, что я различаю ее ярко-рыжий мех, хотя в такой жуткой тьме мир виделся только в серых и синих тонах. Во всех лисьих чертах угадывалось лукавство. Филиппу это понравилось бы, он любил животных, а я, напротив, предпочитала восхищаться ими на расстоянии. Глаза лисы мне неприятны, они словно знали то, чего не знала я. Кошки, волки, лисы.

Зверь стоял совершенно неподвижно и о чем-то размышлял. Во всяком случае, мне так показалось. Вздор, звери не думают, они следуют инстинкту. Почти как ты — в последнее время ты действуешь по инстинкту.

Я тоже не шевелилась.

Много я читала о том, что в крупных городах Германии водится бесчисленное множество лис, но сейчас в неожиданном появлении этого зверя мне пришелось поистине нечто феноменальное. Это был лис из сказок и басен, столь любимых Лео. Умный и изворотливый зверь со всеми его уловками — какое послание он несет? Я ударила головой, когда потеряла сознание, — может, дело только в этом? Или в том, что вот уже несколько дней я ничего не ела и почти не спала. Сейчас я была практически уверена, что лис, того и гляди, откроет пасть и заговорит.

Несколько мгновений мы смотрели друг на друга, после чего зверь грациозно отвернулся и засеменил прочь.

Незнакомец

Проходили минуты, а я все еще лежал на деревянном полу в луже пота, слюны и рвоты и думал, что вот-вот отдам Богу душу. Потом, постепенно, спазмы прекратились, приступы кашля стали терпимее, дыхание восстановилось. Я поплелся в душ, разделяя догола, стал смывать под струей воды всю грязь, и только тогда ко мне вернулась способность ясно мыслить.

Когда в дверь позвонили — за ней стоял человек, уже немолодой, — я снова был в норме.

Эта женщина отняла когда-то все, что у меня было. Я не допущу, чтобы она осталась безнаказанной.

Еще никогда ночной город не казался мне таким враждебным. Темнота стала еще мрачнее, свет фонарей — еще более тусклым. И тени повсюду, со всех сторон они так и тянутся ко мне, и повсюду выбившаяся из мостовой плитка — так и ждет, когда я споткнусь.

Но мысли мои постепенно успокаивались. Зрительный обзор как будто чуть расширился, и я вдруг увидала, что инстинктивно побежала к ближайшей станции метро. Но зачем? Цифровое табло сообщало, что поезд в сторону центра отправится почти через полчаса. Я села на лавочку и принялась наблюдать за эскалатором, который только что привез меня сюда, а теперь остановился в ожидании следующего пассажира. Конечно, тот человек не преследовал меня. Меня вообще никто не преследовал. Но нельзя терять бдительность. Особенно теперь, после всего того, что я узнала об Иоганне. Если мои предположения оправданы, то...

Мурашки побежали у меня по телу, потому что я вновь как будто услышала голос Иоганна: «Ты можешь по-хорошему распорядиться деньгами Филиппа. Можешь помочь людям, если тебе так хочется».

Истина

Да уж, подумала я. А под «людьми» ты имел в виду себя самого, верно, Иоганн? Себя и свою фирму, она ведь на пороге банкротства, как сообщают газеты. Ты хочешь спасти фирму во что бы то ни стало. Твоя фирма для тебя — всё. Твоя фирма для тебя то, чем для меня был Филипп.

Но если речь идет только о деньгах, то какое имеет отношение к этому вся болтовня про «истину»? Волей-неволей я задала себе этот вопрос.

И вдруг что-то стало проясняться.

Попытка отвлечь внимание. Надо же, как просто. Мне-то казалось, чужак метит в цель со своими намеками, со своими угрозами. Но до чего же они туманны... Ни слова про сбитого на дороге человека, про побег с места происшествия, про меня за рулем. Да не знает он ничего. Говорил гадости, вот и все, и попал пальцем в небо. Откуда ему знать, что именно мне приходилось скрывать всю жизнь? Вот именно. А ведь любому человеку есть что скрывать, правда? Разве не у каждого человека имеется что-то на совести? Но в моем случае ему просто удалось сорвать куш. Или не так?

Или не так?

Эта проклятая ночь.

Не думай об этом, не думай об этом сейчас.

Не распадайся.

Иоганн и так называемый Винсент пытаются отвлечь мое внимание. Пытаются достаточно долго, поэтому мне удалось раскусить их замысел. Вот я дура, что на него попалась.

Хотя Иоганн прав. В конечном счете, речь всегда идет о деньгах. По крайней мере, у таких людей, как он. И я почувствовала, как почва уходит у меня из-под ног, будто я сейчас на палубе корабля. Закрыла глаза,

Мелани Раабе

но от этого качка стала еще сильнее. Как трудно сконцентрироваться, собраться с мыслями. Мысли словно расплываются...

Но снова перед моим внутренним взором возникло лицо человека, с которым чужак недавно встречался и который сразу показался мне знакомым. Кто же это? Где я его видела? Надо поговорить с ним. Возможно, у него есть ответы на все мои вопросы. О, наконец-то у меня появилась цель. Наконец-то я не просто спасаюсь бегством.

Станция метро, совершенно пустая, кажется призрачной, как и все те места, которым словно назначено становиться призрачными, когда они не выполняют свою основную функцию. Ночные супермаркеты, темные проулки. Лекционные залы, бассейны, судебные помещения. Кто знает, что там происходит, когда самые последние оттуда ушли и погасили за собой свет? Что происходит там, когда мы туда не заглядываем?

Взгляд мой упал на лестницу рядом с эскалатором, где красной краской намалевано какое-то послание, по словечку на каждой ступени:

НЕ
ИЩИ
ЗА
ШКАФОМ
СТРАХ
ОН
СИДИТ
В
ТВОИХ
МОЗГАХ

Истина

И тут я услышала, что эскалатор вновь пришел в движение, увидела, что он потихонечку поехал вниз. Может, надо было вскочить, надо было спрятаться, надо было убежать к другому выходу из метро. Но я слишком устала, я не поднялась с места, наблюдая за работающим эскалатором, и секунду-другую не видела ничего. Затем появились ботинки, затем штанины, затем черная футболка, шея, голова: какой-то мужчина по пути на работу или бог весть куда. Пришел рановато для поездки на ближайшем поезде, вот точно, как я. Взглянул на меня мельком, прошел мимо, уселся на лавочке от меня подальше, достал из кармана брюк мобильный телефон и начал нажимать кнопки. Я с облегчением вздохнула.

Поезд придет еще нескоро, делать мне нечего, остается только ждать. Я разглядывала граффити на стене напротив. Рядом с огромными, невероятных размеров, буквами, вместе вроде бы не несущими никакого смысла, парит стилизованная пчелка, задиристая и воинственная, с огромным острым жалом. Что-то я недавно читала похожее. Про шмелей. Вот, точно. Про шмелей и липы. Я торопливо вытащила мобильник из сумочки, разблокировала, открыла поисковик, набрала: «дохлые шмели» и «липы». И очень скоро получила ответ.

Я прочитала, что в разгар лета под липами в массовом порядке гибнут шмели. Никакого отношения к ядам, к загрязнению окружающей среды или к чему-то подобному это не имеет. Шмели вылетают с почти пустыми «аккумуляторами энергии» на поиски пропитания. Но липы не могут предложить им достаточного количества зарядки, и шмели просто дохнут с

Мелани Раабе

голоду. Исследователи уже не раз обнаруживали более тысячи оголодавших шмелей под одним-единственным липовым деревом.

Тут подкатил поезд, и я удивилась, что полчаса пролетели так быстро. Или, может, я задремала на минутку? Встала, а голова легкая-легкая. Тем временем мы уже, оказывается, были не наедине с тем мужчиной, который так меня напугал. С лавочек повставали какие-тоочные гуляки, пошли к краю платформы, человек семь или даже восемь. На меня никто не обращал внимания, значит, все в порядке. Поезд остановился, двери открылись, впустили всех нас и закрылись снова. Пассажиры в моем вагоне вытащили книжки и смартфоны, некоторые, прислонив голову к вагонному стеклу, просто закрыли глаза. Отблески неонового света разрисовали их успокоенные лица в желтый и серый цвета.

Я попыталась сообразить, где мне следует выйти и сделать пересадку. Моргала, боролась с усталостью, но всем своим существом жаждала лишь покоя, и мозг мой требовал тишины и забытья. Мягкое покачивание и постукивание вагона едва не бросило меня в объятия сна. Нет! Нет, подумала я. Пока еще нет.

И встала. Взялась за поручень. Бодрствовала. Думала про Иоганна. Уж как хотелось заплакать, но я не плакала. Смотрела сквозь грязные вагонные стекла, как мелькают остановки одна за другой. Вот мы прибыли на какую-то очередную станцию, другой поезд остановился точно против нас, вот мы тронулись с места, и тут — на какой-то кратчайший и нереальный миг — мне почудилось, что сквозь стекло я вижу Филиппа.

Это невозможно.

Галлюцинация.

Истина

В самом деле?

Да, в самом деле.

Отчего же ты так уверена?

Оттого, что Филипп должен теперь выглядеть старше, а человек, которого я увидела, выглядит так, как Филипп выглядел раньше. Галлюцинация, просто галлюцинация. Как тогда, после его исчезновения. Когда город вдруг оказался заполненным двойниками моего мужа, когда я чуть ли не каждый день бежала за кем-то, хватала его за плечо — из раза в раз испытывая разочарование.

Покинув подземный мир, я вышла навстречу мигающему неоновому свету. В бархатную темноту, лишь кое-где подсвеченную уличными фонарями и неоновой рекламой. Осмотрелась, и мне понадобилось некоторое время, чтобы сориентироваться. Но я быстро сообразила, в какую сторону идти, и как будто снова увидела перед собой незнакомца: вот он переходит улицу, вот он исчез из моего поля зрения, вот снова вдруг появился и позвонил в дверь какого-то дома, а на доме номер 41. Рассмотрела фасад этого дома. Стоит глубокая ночь, в дверь чужим людям не звонят в такое время, но мне-то какое дело? И все-таки я на миг замерла. Может, мне следовало бы бояться человека, что здесь проживает. Но ведь я давно уже преодолела все пределы страхов... И я позвонила в дверь. Долго нажимала кнопку, три секунды, четыре, пять секунд. И стала ждать. Полная тишина. Никто не вышел. Свет в доме не зажегся. Я пыталась ждать терпеливо. Пыталась представить себе, как нарушила чей-то сон. Тут еще сообразить нужно, что тебя разбудил звонок в дверь. Пыталась представить себе, как кто-то в полуслне

Мелани Раабе

садится в постели и ему вдруг становится ясно, что он спал голый из-за жары. И что в таком виде он не может подойти к двери. И как он пытается нащупать какую-нибудь одежду. Вот, нашел. Натягивает штаны и...

...Дверь открылась рывком, я вздрогнула. Передо мной стоял тот самый человек, что разговаривал с неизвестным. Закутанный в халат, выражение лица — рассерженное. Правда, при виде меня он в лице чуть изменился, но в какую сторону — не разберешь. Я сразу поняла, что он меня узнал. Он знает, кто я. Он откашлялся, но, когда заговорил, голос звучал заспанно:

— Так я и думал, что вы однажды тут появитесь. Но на ваш приход посреди ночи я совершенно не рассчитывал.

И в эту минуту я поняла, кто он такой.

Незнакомец

Без устали прочесываю город, где мне все чужое — и ритм жизни, и язык, и люди, которых я не понимаю. И все тело болит.

Поиски надо вести системно, но я просто не знаю, как этого добиться.

Мне ничего не удается. Я ведь почти ее настиг, я был так близок к цели — и все-таки она снова ускользнула. С тех пор я действую без плана. Нет ничего хуже, чем действовать без плана.

Заставил себя остановиться. Надо покончить со всеми попытками ходить вслепую. Это совершенно не улучшает ситуацию. Надо поразмыслить. Я стер пот со лба. Я развернулся. Делаю шаг, другой. Я возвращаюсь в дом.

Пытаюсь найти номер ее мобильного телефона, но не нахожу. Пытаюсь найти домашнюю телефонную книгу, но напрасно. Включаю ее ноутбук. Готов поспорить, что пароль — это имя ее сына или комбинация цифр, его день рождения, но путь оказывается неправильным. Снова я недооценил эту женщину.

Мелани Раабе

Пошел в кухню, разглядел все записочки, магнитами прицепленные на холодильнике. Перерыл все ящики, открыл все шкафчики. Ничего! Что делать дальше, я не знал.

Я утратил контроль над собой. И даже испугался того, что столь тонка перегородка, отделяющая меня от насильственных действий и полного безумия. Вот как я открывал ящики в шкафах? С ревом и с проклятиями. Как я кулаком ударил в стену? Разбил костяшки пальцев. Следы крови на выкрашенной в белый цвет стене. Я попытался сосредоточиться на боли. Так, как я это делал в плену. Я долго был в плену. У меня имеется опыт в таких делах.

Рука саднила и ныла. Сочилась кровь. Я пошел в гостиную. Сел на диван. Что мне оставалось? Только ждать. Вот я и ждал. Вот я и ждал! Она все равно вернется.

Любой преступник возвращается на место преступления. И в первую очередь тогда, когда место преступления — собственный дом.

Я смотрела на человека, открывшего мне дверь, усталая и изнеможенная. За те годы, что мы с ним не встречались, волосы его и поседели и поредели, а сам он растолстел. Но добродушное, слегка расплывшееся лицо, как и дружелюбный взгляд глаз, убеждавший в отсутствии угрозы с его стороны, несмотря на исполнинскую его стать, совершенно не изменились. Позади него, в прихожей, я разглядела детскую машинку-каталку красного цвета.

Не сразу я сообразила, что разглядываю его, не произнеся ни слова. Вот и переспросила:

— Простите, что вы сейчас сказали?

Он, явно нервничая, издал некое подобие стона:

— Вам что нужно?

В ответ я только заморгала.

— Вы явились меня в чем-то упрекать?

Я продолжала пялиться на него, не зная, что и думать.

— А вы вообще знаете, который час?! — воскликнул он. — Вы понимаете, что сейчас ночь?

Я не реагировала.

— Давайте-ка приходите в другой раз.

И он захлопнул дверь перед моим носом.

Мелани Раабе

...Я пребывала в полном смятении чувств. Ведь я ждала чего угодно, только не этого.

Невольно нажала снова на кнопку звонка, хотя и догадывалась, что Бернд Шредер на сей раз мне не откроет. Но все-таки ждала, понимая, что жду напрасно.

Что все это значит? Зачем тот человек сегодня, нет, вчера утром, встречался с Берндом Шредером, одним из бывших сотрудников Филиппа? Я вроде бы вспомнила, когда видела его в прошлый раз. Дело было на летнем празднике, на этом дурацком летнем празднике, за год с лишним до исчезновения Филиппа. Шредер пришел туда с беременной женой. Как же ее звали, Бьянка, Беата, Беттина? Помню только, что впервые с рождения Лео я пила вино, я танцевала, сначала с ассистенткой Филиппа, она всегда была мне симпатична, а потом с ним самим. Красивое, для его возраста чуть слишком юное, мальчишеское лицо Филиппа возникло перед моим внутренним взором, я даже будто почуяла теплый запах его кожи. Филипп не любил танцевать, но все-таки иногда танцевал. Ради меня.

В смятении я резко села на ступеньку лестницы, ведущей к дому. Надо подумать. По какой-то причине Бернд Шредер играет во всем этом важную роль. Почему же?

И вновь я прокрутила в голове все события.

2008 год: Филипп отправляется по работе в Южную Америку.

Планирует пробыть там пять дней.

Филипп часто летал в Колумбию по делам.

Обычные, рутинные поездки.

Мы прощаемся на пороге дома.

Истина

Он обещает каждый день посыпать о себе весточку, как делал это всегда.

Примерно через сутки от Филиппа приходит смс-сообщение, из которого следует, что он приземлился и все в порядке.

С тех пор я больше не получала от него никаких известий.

Филипп отправился один — как сказал сотрудник, сопровождавший его в Колумбию, тот самый, кто видел его последним — на переговоры с потенциальным инвестором.

В лобби отеля-люкс в Боготе, где была назначена встреча, он так никогда и не появился.

Его след теряется между отелем, где он жил, и отелем, где жил его деловой партнер.

Вдруг вспомнив, в чем дело, я от изумления даже вскрикнула.

Последний, кто видел Филиппа — его сотрудник Бернд Шредер.

Но что это значит?

Мой мозг отказывался обрабатывать информацию.

Слишком много всего. И я не знала, какие выводы следовало из этого сделать. Встала, двинулась вперед. Смотрела в небо, а на нем — ни звезд, ни луны, лишь сплошная враждебная чернота. Идя по улице, я достала из сумочки носовой платок и пока сморкалась, чуточку отвлеклась и не сразу заметила идущего навстречу человека, он прямо на меня и натолкнулся, я пробормотала какие-то извинения, а он злобно взглянул мне в лицо и прошипел: «Смотреть надо!» На красный свет я перешла улицу, не обращая внимания на гудок приближающегося такси. Навстречу мне по тротуару

Мелани Раабе

двигались две юные девушки, обе блондинки, обе в мини-юбках, и обе захихикали, поравнявшись со мной. Я обошла дохлого голубя, тот валялся между бордюром и крышкой водостока. Лица людей, попадавшихся мне на пути, были совершенно равнодушны. Одного вырвало прямо на асфальт.

А я все шла. Никто не обращал на меня внимания, фасады окружающих домов взирали на меня без всякого интереса, и все вокруг казалось мне таким враждебным, будто я нахожусь в мертвый зоне.

Тут вдруг зазвонил мобильник. Мне его даже доставать из сумочки не пришлось, я и так знала, что номер на экране не выветится.

Я боролась с собой. Взять трубку или нет? И все-таки собралась с духом.

— Алло, Мирко? — произнесла я инстинктивно.

Совершенно не думала это говорить, но в последнюю секунду выпалила.

На другом конце тишина.

Но потом я все-таки услышала:

— Алло, Зара?

Незнакомец

Рука, которой я ударил в стену, все еще саднила. В ванной комнате, в ящике под полотенцами, я нашел аптечку и кое-как сделал перевязку.

Она вернется, я в этом уверен. Она все поняла, я прочитал это на ее лице. Она вернется — и мы покончим с этим делом.

Зазвонил городской телефон, я вздрогнул. Чуть не выдернул штекер из розетки, слышать эти звонки было невыносимо, когда я зашел в гостиную. Но я взял себя в руки.

— Петерсен слушает.

— Говорят Гримм. — Я чуть не поперхнулся. А тот продолжал: — Ваш мобильный телефон выключен. Вот я и решил...

— Да-да, нет проблем... — выдавил я.

Голос мой вдруг зазвучал сипло. И дрожь в руках вернулась. Если уж он звонит в столь позднее время, то, значит, дело важное.

— Я позаботился о том, чтобы выполнить вашу просьбу, и вот... — сообщил Гримм.

— Послушайте, — перебил я, — прежде чем вы дадите пояснения, у меня вопрос: вы уверены в том, что говорите?

Мелани Раабе

— Абсолютно, — подтвердил он. — Оказалось, это проще, чем я думал.

— Тогда ладно, — сказал я. — Слушаю вас.

Он говорил, а я слушал. Застыв на месте, даже как будто окаменев. Когда он замолк, я сказал:

— О'кей. Спасибо, что вы мне это сообщили.

И тут повисло молчание.

— Есть и еще кое-что, — прервал молчание Гrimm.

И произнес слова, которые полностью перевернули для меня мир.

Шум машин на улице, где несмотря на поздний час движение было весьма оживленным, где еще и дамочка за рулем кабриолета устроила настоящий концерт, гудя на все лады автобусу-«фольксвагену», остановившемуся во втором ряду и перекрывшему движение, — шум на улице, казалось, вдруг усилился. Прижимая мобильник к уху, я быстрым шагом свернула в первый попавшийся переулок, подальше от проезжей части. Оказалось, оживление царит и там, но я хотя бы могла расслышать то, что говорил Мирко.

— Извини, пожалуйста, — крикнула я в трубку. — Что ты сказал? Можешь повторить? Тут очень шумно.

Мирко выругался.

— Я сказал, что я вообще-то не такой. Что я вообще-то не особенно ревнивый. И уж точно я не рвусь отомстить, — говорил он. — Честное слово, спроси у кого угодно.

— Знаю, знаю, — ответила я. — Конечно, я это знаю.

Я прислонилась спиной к кирпичной стене дома, у которого стояла с телефоном, там в подвале размещалась прачечная. Молодые и красивые люди шли

Мелани Раабе

мимо меня, устремляясь в модные бары или клубы, для меня такие уже лет десять, не меньше, никакого интереса не представляют. Вот парочка, идут рука об руку, переходят на другую сторону улицы, где в полу-дреме сидит какой-то попрошайка, выставив на тротуар старую и драную шляпу, одной рукой почесывая своего шелудивого пса.

— У меня в кармане уже было кольцо наготове! — сообщил Мирко.

Мороз по коже. Вот проклятие. Разве я могла это знать?

— В последние месяцы все шло отлично. Можно сказать — все шло великолепно...

Он говорил и говорил, и я не сразу сообразила, что Мирко вдрызг пьян и лыка не вяжет.

— В смысле — мне было все ясно. Я думал, ну да, у нее сын от первого брака. Ну да, она все так и будет спрашивать, что там такое случилось с ее мужем.

Я понимала, кого он имеет в виду под словом «она».

— Но я, как только пришел в школу, пришел в первый раз и ее увидел в первый раз, я сразу понял: между нами что-то есть. Я сразу почувствовал. Сразу. Красивая, молодая, одна воспитывает ребенка, это ж надо, какие успехи в триатлоне. Такая сильная и такая беззащитная.

Конечно, при других обстоятельствах от самого надрыва в его голосе у меня тоже разорвалось бы сердце. Но я лишь невнятно ответила:

— Мне очень жаль, Мирко.

А ведь это правда. Мне было очень жаль, что в тот момент я ничего не чувствовала. И уж точно — ничего не чувствовала к Мирко. Я сразу отметила для себя, что оно именно так, и пришла в ужас. Что я за человек

Истина

такой? Я убила человека на дороге. Я использовала Мирко, чтобы избавиться от Филиппа, а потом просто бросила, потому что больше в нем не нуждалась. Вот просто так. А самого Филиппа...

А самого Филиппа я...

Мирко тотчас заметил, что я мыслями где-то далеко.

— Ты просто оттолкнула меня в сторону, — сказал он. — Вот так легко. Я этого не понимаю. Взяла, да и оборвала все связи, раз и все.

Я не ответила.

— Ни тебе «почему», ни тебе «зачем». Просто перестала к телефону подходить, когда я звоню. — И выругался. И заорал: — А что твой муж возвращается, я вообще только из газеты узнал, из газеты этой проклятой! Дерьмо собачье! Так нельзя делать!

Я молчала.

— Не знаю, что и сказать. Не могу понять, как такое возможно, — повторял Мирко.

Возникла пауза.

— Ты меня слышишь? — спросил он наконец.

— Да.

Больше я ничего не сказала, а что мне было сказать?

Мирко послал меня куда подальше. И разъединился — завершил звонок.

Но я ничего не чувствовала, я слишком устала. Зато моя потребность оказаться рядом с Лео вдруг стала непреодолимой. Ага, наконец-то у меня снова есть цель! К Мириам! И как можно скорее. Я ринулась вперед, а люди, попадавшиеся навстречу, только и косились на меня: мол, очередная сумасшедшая в этом

Мелани Раабе

сумасшедшем городе. На ближайшем перекрестке я свернула налево, пробежала мимо какой-то молодежи, игнорируя их шуточки, и тестостерон, и баночное пиво. Бежала, бежала, бежала.

Несмотря на поздний час, Мириам не спала, когда я оказалась у нее на пороге, она кормила Эмили. Как же я обрадовалась, увидев ее! Да, она не обладает таким влиянием и таким могуществом, как Иоганн, но она на моей стороне, а сейчас это самое главное.

И сейчас я наконец-то посвящу ее во всю эту историю, хотя следовало сделать это гораздо раньше.

— Дорогая моя! — воскликнула она, открывая мне дверь с малышкой на руках. — Как же я тебе сочувствую...

Я поначалу и не поняла, что она имеет в виду, но потом догадалась. Она решила, будто я приехала из-за всех этих комментариев в Интернете, но какое мне до них дело? Нужно вернуться к моей собственной жизни, и кроме этого меня сейчас ничто не интересует. А Мириам все болтала, она передала мне на руки Эмили, поставила воду для чая. Рассказывала, как вчера устроили гриль в саду, как дети помогали Мартину и до отвала налопались мясом да всем прочим с решетки, да еще картофельным салатом. Мне и словечка не удавалось вставить. Малютка Эмили с интересом разглядывала мое лицо, невольно и я улыбалась ей в ответ. Даже показалось, что Лео всего месяц-другой назад был вот таким же крохотным... Прочь, сентиментальность! Я села за обеденный стол, Мириам забрала у меня малышку и приложила ее к груди, та с жадностью глотала молоко. А я вдруг засомневалась: подходящий

Истина

ли сейчас момент для моих признаний? Посреди ночи, когда она кормит грудью ребенка? С другой стороны, она ведь совершенно не удивилась, увидев меня на пороге своего дома.

— Мне нужно сказать тебе кое-что, — вдруг вырвалось у Мириам.

И лицо ее тотчас стало каким-то виноватым, а я встревожилась.

— Дело в том, что я разговаривала с Филиппом, — продолжала она.

Я почувствовала, как краска отхлынула от моего лица.

— Мы оба очень беспокоимся о тебе, — добавила Мириам.

— Что? Почему?

— Ты такая странная в последнее время...

Мне становилось все хуже и хуже.

— Позволь мне быть откровенной до конца? — не унималась Мириам.

Я не издала ни звука, Мириам сочла это за согласие. Откашлялась и произнесла следующее:

— Волей-неволей я вспомнила, как ты мне рассказывала про смерть матери... — И добавила: — Про ее самоубийство.

Мне просто не верилось, что я слышу такое.

— Ты рассказывала, как тебя это сразило, и как тебе потребовалась специальная помощь.

Лучшая подруга меня предала.

— Ну и вот... Может, в нынешней ситуации есть что-то похожее. Может, тебе снова требуется помочь. Нет ничего постыдного в том, чтобы такую помощь принять. Филипп считает...

Мелани Раабе

Так, хватит! Я подскочила на месте, а Мириам стала хватать ртом воздух. Тут же разоралась и Эмили. Я потребовала ответа:

— Вы говорили обо мне за моей спиной?

Мириам только открывала и закрывала рот. Я даже не стала дожидаться ее слов, я мигом выскочила из кухни.

— Зара! — кричала Мириам мне вслед. — Зара, подожди! Ты куда?!

А я помчалась по лестнице вверх, на второй этаж, где у них детские комнаты. И думала об одном: забрать Лео. И прочь отсюда.

Наверху я тихонечко открыла дверь в комнату Юстуса. Смотрю, а обе кровати пусты! Я было испугалась, но потом разглядела, что посреди комнаты установлена большая палатка. И я чуть не расплакалась, вот ведь какая идиллия, вот ведь как здорово, должно быть, спать в этой палатке. Но странным образом мне вдруг вспомнились заодно и дохлые шмели под липовыми деревьями. Осторожно я расстегнула «молнию», заглянула в палатку. Увидела, что и Мартин там спит, а Юстус к нему прижался всем телом. Просто сердце разрывалось. До чего же они похожи, Юстус — уменьшенная детская копия Мартина, своего отца. Я наблюдала открывшуюся мне картинку, разглядывала горный ландшафт из одеял и спальных мешков в поисках Лео — еголичика, его ноги, его руки. И вдруг — словно удар. Нет тут никакого Лео. Нет нигде.

И вновь у меня в голове зазвучали произнесенные тем человеком слова.

Ты все потеряешь. Своего ребенка. Всю свою жизнь.

Истина

...В панике я метнулась назад, вниз, а на нижней ступеньке лестницы меня уже ждала Мириам.

— Где Лео?! — налетела я на нее.

А она, только и взглянув на меня, вяло ответила вопросом на вопрос:

— Разве он не там, наверху?

Промчавшись мимо, я оказалась уже почти у двери, но резко остановилась со словами:

— Мне нужна твоя машина!

— Да что с тобой такое?

— Ключи сюда, немедленно! — завопила я.

Мириам двигалась как-то заторможенно, но ключи мне все-таки дала.

— Куда это ты собралась? — крикнула она мне вслед, а малышка у нее на руках плакала, и плакала, и плакала. Ее плач отдавался у меня в голове, когда я запрыгнула в машину, завелась и тронулась с места.

Незнакомец

Я стою на пороге. Сумка через плечо. Вглядываюсь в темноту. Пытаюсь принять решение.

Я совсем не такой плохой человек, думаю я. Совсем не такой плохой.

Повторяю эти слова так долго, что сам начинаю в них верить.

«Когда ты знаешь противника и знаешь самого себя, тебе нечего бояться исхода даже сотни сражений». Разве не так говорится в «Искусстве войны»?

Я действовал бы совсем по-другому, если бы мне все было известно!

Зару я оценивал совершенно неверно, но уж себя самого я знаю.

Я закрыл дверь.

Поставил сумку на пол.

Я не могу отсюда сбежать.

Луна сияла ярко-оранжевым светом и казалась такой близкой, словно висела не на небе, а прямо тут, по соседству, готовая к тому, что случайныеочные гуляки вот-вот ее сорвут. Мне виделось в этом недобро предзнаменование. Вроде того, какое сулит ворон, мертвые шмели или кроваво-красный месяц.

Улицы пустынны, и тем не менее я продвигалась недостаточно быстро, заставляя себя останавливаться на светофорах, хотя так не терпелось проскочить на красный. Я не забывала ни на секунду про лежавший в кармане мобильный телефон и постоянно думала о том, что вот-вот раздастся звонок, и на другом конце откликнется Мириам и скажет, что Лео снова нашелся, что с ним все в порядке, он просто решил поиграть в прятки, не понимая серьезности положения, просто хотел мне отомстить — и все в таком же духе. Но мобильник молчал.

Я словно попала в туннель и больше не замечала, что происходит слева и справа от дороги. Полосы перемежались светом и тьмой, и я ехала. Тормозила, выжимала сцепление, трогалась, надавливала на педаль газа, останавливалась, снова приводила машину

Мелани Раабе

в движение и рассекала темноту. А потом свернула на нашу улицу.

Чувство, будто против меня все и вся, усилилось, стало чуть ли не всеобъемлющим и до того интенсивным, что стоило только протянуть руку — я почти была в этом уверена — и вот-вот сорвешь его как созревший ядовитый плод. Легкая головная боль давала о себе знать всю неделю, а теперь сделалась почти нестерпимой, как будто голову мою зажали в тиски, пытаясь выдавить глаза из орбит. Боль воспринималась как наказание.

Из-за нее я испытывала дефицит сна, из-за нее нервы были на пределе, кусок не лез в горло, и еще из-за боли мир вокруг казался химеричным, как будто произошло смещение реальности, и теперь из-под нее выглядывала только копия, хоть и довольно точная, но все-таки не совершенная, в которой все представлялось немного по-иному — чернее, глушше, неопределеннее, непонятнее, опаснее.

Передо мной протянулась улица — это по ней я бежала, когда спасалась от чужака. Я двигалась вдоль заборов, ограждавших участки с виллами, пока не нашла свой, притиснулась как и тогда, через дырку, выпрямилась.

Дом угрожающе возвышался передо мной. Как замок с привидениями. Только в комнате для гостей горел свет.

Он там.

И он не спит.

Ждет меня?

Я прошла в сад, оставив сарай по левую руку, какой-то хрустящий звук нарушил тишину и заставил

Истина

меня вздрогнуть. Я повернула голову и заметила — кто-то крадется. Наверное, кошка. А может, лиса? Я почувствовала, как побежали по телу мурашки, и двинулась дальше. По направлению к дому, к двери на террасе — она лишь притворена. Бесшумно ее открыла и проникла внутрь. Очертания комнат настолько хорошо знакомы, что включать свет не было надобности. Я двигалась с уверенностью лунатика. Прислушалась. Но не уловила ни звука.

Судя по всему, незнакомец находился в комнате для гостей. На секунду я вспомнила об оружии, которое еще лежало где-то в доме. Но уже в следующую — подумала о большом блоке ножей на кухне. Но с игрушками покончено. Я несколько раз сделала глубокий вдох, выдох, затем прочесала подвал, бесшумно поднялась по лестнице, инстинктивно пропустив скрипящую ступеньку, остановилась ненадолго на площадке между пролетами, обратилась в слух. Заглянула в коридор, который ведет к комнате для гостей, но не увидала ничего, кроме сплошной темени. И тут ухо мое различило как будто глухой удар. Я почувствовала, как волосы на затылке встали дыбом, как учащенно забилось сердце. Нет. Это только нервы. Тишина. Я шла вдоль коридора, приближаясь к комнате для гостей. Остановилась перед дверью, собралась с духом. Нажала ручку и резко распахнула дверь. Я увидела погруженную в темноту комнату, включила свет и зажмурилась. Перевела дыхание. За долю секунды все стало понятно: комната пуста. Где же он?

Я снова, повинуясь инстинкту, взяла курс на кухню, думала дождаться там, ведь рано или поздно он вернется. Собралась уже зажечь свет, но вдруг обмерла

и остановилась на полпути. Чужак восседал за кухонным столом. В кромешной тьме. Он смотрел на меня и не шевелился. Я щелкнула выключателем.

— Вот наконец ты, — сказал он.

Человек встал, подался в мою сторону и замер прямо передо мной, его темные глаза поблескивали, словно на мокром месте.

Я отступила на шаг, подальше от этого типа, и спросила:

— Где Лео? Где мой сын?

— Зара, — сказал он. — Спокойно. Лео здесь нет. Он у Мириам.

— Я только что от нее, — вставила я.

Мое заявление сбило его с толку.

— Да, но... — начал было он, но добавить ничего не смог.

Я видела, как усиленно работал его мозг.

— Звонила Мириам, — сказал он. — Лео нашелся.

Я горько рассмеялась.

— Зара, послушай, — снова начал человек. — Я совершил ужасную глупость. Пожалуйста, давай все трезво обсудим.

На секунду я пришла в замешательство. Этот человек как хамелеон. За каждой маской скрывается новая.

— О чём конкретно вы собираетесь поговорить? — спросила я. — Об убийстве моего мужа или о похищении сына?

Он вдруг напомнил мне рыбу, выброшенную на сушу.

— Идите, — потребовала я.

— Куда?

Истина

— Туда, где по вашей милости находится сейчас Лео.

— Но здесь его нет, клянусь вам.

— Тогда где же он?

— Я не знаю!

— Или он у Иоганна?

Незнакомец наморщил лоб.

— У Иоганна?

Главное — не сорваться и держать себя в руках.

— Послушай, — предложил он. — Давай сядем и здраво обо всем поговорим.

Что мне прикажете делать?

— Зара, — сказал он. — Зара, пожалуйста, выслушай меня. Лео не у меня. Он у Мириам. С какой стати мне похищать Лео?

— Чтобы превратить его в средство нажима. Средство нажима на меня, — отвечала я.

— В этом нет никакого резона, Зара, — сказал он. — Только прикинь все хорошенько. Если бы я задумал понукать тобой с помощью Лео, я бы никогда не сознался в том, что он у меня, поняла?

Он прав. Но вся ли это правда?

— С какой радости я должна вам верить, пусть даже отчасти? — спросила я.

— С той радости, что это правда. Я никогда не причиню мальчику зла. И то, что я сказал, правда. Мириам действительно звонила сюда до того, как ты появилась. Она нашла Лео. С ним все хорошо.

— Вы убили моего мужа, — сказала я.

— Нет, — возразил он. — Я этого не делал.

— Вы сами признались.

— Я только хотел спровоцировать тебя, вскользнуть!

Мелани Раабе

— Очень мило!

Я горько рассмеялась.

— Это правда!

— Всколыхнуть, но ради чего?

Чужак открыл было рот, но что-то его остановило.

— Ты же видишь: Лео здесь нет, — наконец произнес он. — Он у Мириам!

— Тогда она бы мне позвонила! — сказала я.

— Она и звонила. Но сразу сработал автоответчик. Наверное, сел аккумулятор.

Я почувствовала, как глаза мои сузились до щелок. Не выпуская чужака из поля зрения, нашупала в заднем кармане джинсов мобильник. Левой рукой достала телефон и мельком взглянула на дисплей.

— Зара, мне очень жаль, — сказал чужак. — Я очень обо всем сожалею!

Он шагнул в мою сторону, я невольно отпрянула, но он продолжал наступать, настиг меня и притянул к себе. Стало трудно дышать, я оттолкнула его, сделала шаг назад и оказалась у кухонной стойки, я больше не думала, только действовала, выудила нож из блока, вытянула перед собой, но...

Не понимаю, как он это провернул: движения его неестественно быстры, я и глазом не успела моргнуть, а он уже стоял подле. Схватил меня за запястье, попытался завладеть ножом. Мобильник упал на пол, я изо всех сил сопротивлялась и мне удалось вырваться. Чужак, тяжело пыхтя, отпрыгнул назад. Я не стала медлить ни секунды: размахнулась и наотмашь полоснула его по груди. Он испуганно вскрикнул, попятился назад, рубашка на месте пореза повисла клочьями, сочившаяся из раны кровь пропитала ткань красным.

Истина

Я зажмурилась. Тоже отступила назад. Чужак прижал руки к ране, но было поздно.

Я все увидела.

И в ту же секунду испытала озарение.

Мир разрушился. И неожиданно мне открылось, что соткан он не из атомов, но из неисчислимых нитей, давным-давно поистрепавшихся. Потянем за одну из них, и вся действительность начнет распускаться, пока не подкатится к моим ногам эдаким спутанным клубком шерсти.

Нож выпал из моих рук.

Оставалось только одно, что я могла бы сделать, что надо было сделать. Собрав последние силы и последние капли решимости, я снова подошла к чужаку.

Он не отстранился и не занял оборонительную стойку.

Схватив его за рубашку, вернее за то, что от нее осталось, я сорвала ее и — увидела его. Оно было там, под неглубокой раной, которую я нанесла. Оно было там.

Родимое пятно Филиппа.

Я мечтала об этом долгие годы. Снова и снова.

Ночь. Мы стоим друг напротив друга. Мир выметен подчистую, и кроме нас — никого. Адам и Ева. Реки, горы и озера, луга и леса, дороги и поля, фруктовые сады, цирковые шатры и моря — все только для нас.

Мелани Раабе

Я не осмеливаюсь повернуться, даже ничего сказать не решаюсь, — боюсь, что чары разрушатся, что кокон, окружающий нас и сдерживающий мир вовне, даст трещину. Я чуть не вздрогнула, когда Филипп поднял руку и нежно, очень нежно коснулся моей щеки. Как будто хотел убедиться, что я тоже настоящая. Я закрыла глаза. Пыталась осознать, что стою здесь, и Филипп гладит меня по щеке. Так, как он делал уже сотни раз. Снова открыла глаза. Чары рассеялись.

Филипп отводит руку словно ребенок, вспомнивший вдруг о том, как опасно соваться между железными прутьями клетки.

Я неподвижно смотрела на Филиппа, Филипп смотрел на меня, я чувствовала, что качаю головой, говорю что-то, сама не знаю что. Крепко уцепилась рукой за спинку дивана, чтобы не упасть в бездонную пропасть, граница между сном и действительностью размылась, все определенности исчезли, я ничего не понимала, но в то же время знала все.

Я инстинктивно подалась назад. Сделала шаг, еще один. Сдавленный крик вырвался из моей глотки, я хотела обернуться, убежать, но не могла пошевелиться, так прочно сковал мои члены ужас.

— Зара! Прошу тебя, останься! — сказал мошенник, он же Винсент, он же мой муж, незнакомец, чужак, Филипп и схватил мою руку, но я вырвалась.

Взгляд мой скользнул по мобильнику, валявшемуся на полу, я наклонилась, подняла его, в то же время понимая, что действие это совершенно ненужное, но управлять ситуацией уже не могла. Как одержимая я принялась нажимать на кнопки, чтобы снять блокировку, но дисплей не зажигался. Неужели действи-

Истина

тельно сел аккумулятор или телефон приказал долго жить после того, как я уронила его на паркет.

— Зара, — сказал Филипп.

От его взгляда мне стало больно. Чужак. Он просто невыносим. И тут я как будто что-то вспомнила, вспомнила самое важное. Бросила мнимого Филиппа и, подстегиваемая внезапно пришедшей мыслью, машинально пошла, словно в моей спине повернули воображаемый ключ. Теперь нужно действовать наверняка. Действовать наверняка. Наверняка. Лео. Наверняка.

На негнущихся ногах я вышла из кухни, чувствуя затылком его взгляд, побрела в гостиную, схватила телефон, набрала номер Мириам, услышала прерывистые гудки и в полном замешательстве стала моргать им в такт. Нажала «отбой», уставилась на телефон в моей руке, подавила потребность еще раз набрать Мириам, не хотела занимать линию, давая подруге шанс перезвонить. Я сосчитала до десяти, но телефон молчал. Я выругалась и опять набрала. С облегчением вздохнула, когда раздался гудок «свободно». Один, другой, третий, никто не подходил.

Потом трубку сняли, и я услышала захлебывающийся в слезах голос Мириам.

— Зара, слава богу. Я так волновалась. У тебя все в порядке?

Я не могла вымолвить ни слова, словно в каком-то трансе.

— Куда ты вдруг сорвалась, и что это все означало — с Лео?

Лео.

— Он у тебя? — прохрипела я.

Мелани Раабе

— Что? Конечно, он у меня. С ним все хорошо. Я о тебе беспокоюсь!

На несколько секунд мир как будто остановился.

— Скажи это еще раз, — потребовала я.

— Лео в полном порядке, — повторила Мириам. — У него все хорошо. Но что происходит с тобой?

Я закрыла глаза. От сердца отлегло и на несколько секунд я забыла обо всем.

— Мириам? — спросила я. — Где он был?

— Да в ванной он сидел, что тут такого!

«Он сидел в ванной», тупо повторила я.

— Тебе разве Филипп не передал? Я ведь ему уже сказала. Зара, с тобой все в порядке? — спросила Мириам. — Ты же знаешь — если я тебе нужна, ты можешь всегда на меня рассчитывать.

— Спасибо, Мириам, — ответила я и положила трубку.

Еще не совсем оправившись от услышанного, я обернулась и увидела его. Он стоял в дверях, как ни в чем не бывало. Филипп. Не тот мужчина из воспоминаний, но мой муж. На семь лет постаревший, за семь лет изменившийся. Я понимала — это он (родимое пятно служило очевидным тому доказательством), и, тем не менее, по-прежнему его не узнавала.

Филипп. Я увидела, как мы, еще совсем юные, стоим посреди людского моря и «Radiohead» играет для нас песню, разгар лета; мы сидим на берегу ночной Эльбы, рука Филиппа утопает в моих мокрых волосах, и губы наши встречаются; мы на пляже, Филипп падает на колени и я изображаю удивление; тучный имитатор Элвиса поет в нашу честь «Love Me Tender»;

Истина

а еще я вижу Филиппа, его лицо, когда говорю ему, что опять беременна и что на этот раз все получится, я вижу, как он проверяет сумку, собранную для больницы, камеры и аккумуляторы как будто на целую группу, вижу, как держит на руках Лео; как мы ссоримся и как миримся и...

Передо мной — чужак.

Передо мной — мой муж.

Ночь.

Прошлого больше нет, и нет будущего.

Только мы.

И этот момент.

Нужно что-то сказать, непременно, но слова не приходили, повсюду кровь, и боль, и чувство вины, и мертвые шмели ковром.

— Я тебя не узнала, — молвила я, когда почувствовала, что способность речи вернулась, и голос показался мне по-старушечки сиплым.

Я не представляла, что еще добавить.

Героически подыскивала слова.

— Позабыла, — призналась я.

— Я знаю.

Мы смотрели друг на друга, но не узнавали.

Однажды, подумала я, злобный тролль изготовил зеркало, в котором все красивое искривлялось до неузнаваемости, а в то же время все дурное, отражаясь в нем, становилось еще хуже — таково уж было его свойство. Но в один прекрасный день зеркало разбилось вдребезги и понаделало множество бед. Потому что осколки его разлетелись по белу свету, и кому попадет такой осколок в глаз, тот видит все навыворот и

Мелани Раабе

замечает в любой вещи только дурное. А некоторым людям осколки заколдованного зеркала попадали прямо в сердце, и тогда сердце у них замерзло, превращаясь в кусок льда.

Я размышляла о героях «Снежной королевы», которая так нравилась Лео. О Кае, в чьем сердце застрял такой вот осколок, после чего оно превратилось в лед, о другой льдинке, поразившей глаз, после чего он не узнавал даже любимую сестру Герду. О Герде, которая искала Кая и прошла ради него полмира. А когда в конце концов его встретила, тот остался холоден как лед и отвернулся от сестры.

Сколько раз читала я Лео эту сказку? Пятьдесят? Сто? Раньше я часто мечтала о том, чтобы жить как в сказке. Почему-то даже не задумывалась, как часто сказки все-таки жестоки.

Мы стояли так еще долго, и я чувствовала сильное желание преодолеть ту дистанцию, которая между нами установилась, но я знала — нам никогда не сблизиться. Ибо каждый должен пройти половину этого расстояния, но и тогда дистанция не будет преодолена, потому что оставшуюся половину тоже придется сокращать вдвое, и новую, и последующую за ней, но, сколько бы мы ни пытались, в действительности нам никогда друг к другу не прийти.

Лето 2015

Он направлялся в Гамбург. Самолет шел на посадку. Земля стремительно приближалась, и в какой-то миг ему показалось, что посадки не будет, что самолет разобьется. Мысль эта его не пугала. Он по-прежнему неподвижно сидел и смотрел, как все больше и больше становились дома и деревья и все, из чего там внизу складывался мир.

Последние дни он переживал как нечто ирреальное. Слишком уж стремительно развивались события. Освобождение, прощание с товарищами. Свобода. Из грязного сырого лагеря, который стал ему домом, в больницу, оттуда в лимузин, в лобби гостиницы — на всю переброску ушло часов двенадцать. Он пытался осознавать все с ним происходящее. Пытался почувствовать счастье. Но не мог выкроить ни минуты. С ним постоянно что-то обсуждали, от него постоянно чего-то хотели. И только сейчас, в самолете, наконец-то ненадолго остались в покое. Люди, сопровождавшие его, словно воды в рот набрали. Земля приближалась, и они глазели в окошки иллюминаторов или читали ежедневные газеты. Он смотрел, как несется навстречу родной город, прежняя жизнь, ко-

Мелани Раабе

гда-то любимые люди. События разворачивались с быстротой молнии, еще только несколько часов назад он находился в лагере, вместе с товарищами, там, где царили грязь и влажность. Он не знал, что ждало его дома. И есть ли этот дом вообще?

Всякий раз, когда он думал о доме, ему неизменно вспоминался один день, — почему, он и сам толком не понимал.

Это был субботний день в разгаре лета, сад утопал в цвету, а черные стрижи давали прощальный концерт. Зара предложила устроить пикник, и вот они втроем сидели в тени старой вишни. Лакомились клубникой и ванильным мороженым, поглядывая на шмелей, которые время от времени вальяжно пролетали мимо. Лео лежал между нами на одеяле, довольно лопотал и не открывал глаз от света, пробивавшего крону деревьев, и от черешни, которой Зара обычно угождала соседских ребятишек, пока еще урожай не собрали, и ягоды искрились на дереве как маленькие помидоры. Лео время от времени уползал и скрывался в траве в поисках приключений, ловил руками бабочек, заливался смехом, когда травинки щекотали его голые ручки и ножки. Иногда один из них вставал и возвращал малыша обратно на одеяло.

Волосы Зары собраны в пучок на затылке, она боликом, в бледно-желтом летнем платье и с распухшей левой ногой. Она наступила на пчелу, Филипп вытащил жало из ноги и принес лед, чтобы охладить. Зара сидела, скрестив ноги, с книгой на коленях и читала. Ему не терпелось узнать, что это была за книга, но он не хотел отвлекать, боялся, что момент улетучится как вспугнутая птица, если он сделает одно неверное дви-

Истина

жение. Лео ползал на животе, охотясь за особо упитанным шмелем, тот скрылся за кустом шиповника, словно вращающийся боевой вертолет, но потом, громко жужжа, снова поднялся и исчез в небесной синеве. Филипп удивился: какой же проворный малыш, с поддержкой он уже мог сделать несколько осторожных шагов. Зара подняла глаза, отложила книгу, Филипп увидел, что это Хемингуэй, — наверное, к урокам, к которым она скоро вернется. Зара сделала несколько шагов к ребенку, подняла его высоко над головой, и тот захохотал. Филипп сорвал для Зары маргаритку. Она приняла ее с благосклонной улыбкой и отправила в рот, а он рассмеялся.

Чуть позже Зара пошла в дом, чтобы приготовить ужин, а Филипп еще какое-то время сидел в саду и угощался крыжовником с куста. Вдруг в траве что-то зашелестело, и вскоре после этого прямо перед его носом вынырнула рыжеватая пестрая кошечка, а вслед за ней — другая, с коричневыми пятнышками. Они остановились в ожидании чуть поодаль и стали пристально его изучать. Филипп улыбнулся.

— Ну, что? — сказал он, глядя на парочку. Кошки засеменили в его сторону, потом снова попятались назад, остановились, тихо мяукнули, в конце концов, побороли нерешительность.

Кошки, похоже, были из одного помета. Ошейников они не носили, глаз у одной заплыл, и Филипп предположил, что, скорее всего, они ничейные.

— Милашки, правда? — послышался вдруг голос со стороны забора откуда-то сверху.

Маленькая рыжеволосая девочка с хвостиком глядела на него через забор. Короткие штанишки и спортивная футболка.

Мелани Раабе

— Это твои? — спросил он.

Девочка замотала головой.

— Они очень пугливые, — сказала она. — У одной нет глаза. Похоже, с ней жестоко обошлись.

Филипп с серьезным видом кивнул.

— Давай назовем их как-нибудь? — предложил он.

— У них наверняка уже есть имена.

— Но мы же не знаем какие, — сказал он.

После того как они придумали для котят имена и девочка ретировалась, Филипп направился к дому, где хозяйничала жена. Когда он вошел в кухню, Зара выпрыгнула из-за угла и осыпала его сгоревший на солнце лоб дюжиной поцелуев. Они, смеясь, опустились на пол.

Таким помнился ему дом.

Но сохранилось ли это место?

Сегодня мой четырнадцать тысяч четыреста сорок первый день на этой земле, подумал он. Четырнадцать тысяч четыреста сорок один раз проснуться. Открыть глаза. Прожить целый день и снова завалиться в кровать. Четырнадцать тысяч четыреста сорок один раз лежать и видеть сны.

Он не прерывал счет. Он так часто спрашивал себя, доведется ли еще когда-нибудь увидеть свободу. И если да, то в который день своей жизни и сколько их предстоит прожить? Тринадцать тысяч? Двадцать тысяч?

Он выглянул в окно и спросил себя, на каком этапе существования он сейчас пребывает, но ответа не находил. Все, из чего когда-то складывалась его жизнь, что составляло его «я», отодвинулось в недостижимую даль. Детство. Отрочество. Любовь. Учеба. Свадьба.

Истина

Отцовство. Работа. Последние семь лет он провел как будто в чистилище, где он ждал и вел постоянную борьбу за выживание.

Когда в колумбийском отеле он в первый раз за долгое время увидел себя в зеркале, то здорово испугался. Не отрываясь, смотрел он на свое отражение и не находил ни малейшего сходства с прежним «я». Нет, заключил он, наконец, это больше не я. Ни в какой, пусть даже в малейшей степени. Такого даже родная мать не узнает. Беспечный идиот, каким он когда-то был, исчез. Только внутренний мир отражался в его внешности.

Он вспомнил, как, очутившись на свободе, принимал свой первый душ. Как стоял потом, разложив перед собой необходимые для бритья принадлежности, и разглядывал свою бородатую физиономию. И как не мог заставить себя побриться. Так долго прятался он за этой бородой, почти семь лет. Он не находил в себе сил расстаться с ней. Следовательно, лучше не ослаблять вожжи, это, пожалуй, разумнее всего.

Одна его половина хотела, чтобы его просто оставили в покое. Психолога, предлагавшего свою помощь, он отправил восвояси. Он вообще никого не желал видеть — ни Зару, ни сына. Но как дать понять это другим? Вряд ли это вызвало бы у людей сочувствие. Он отклонил предложение связаться с ней по телефону или по скайпу и попросил передать, чтобы она не приводила в аэропорт сына, и уже тогда они смотрели на него как на умалишенного. Если человек хочет, чтобы его оставили в покое — неужели это так трудно понять? Да.

Мелани Раабе

Судя по всему, понять это очень трудно. Судя по всему, его поведение было ненормальным. А значит, держаться стойко — единственное, что остается. Теперь он умел это, и очень даже неплохо. Гнуть свою линию и действовать. Не затевать бесплодных дискуссий. До самого возвращения домой. Но только до тех пор.

Борода осталась. Осталось и желание уединиться в своем доме, и в одиночестве попытаться понять, кто он и как жить дальше.

Он представлял себе все совсем не так. Да, вышло не как в кино: жертва похищения возвращается, заключает родных в объятия, и наступает счастливый конец. Все оказалось не так просто.

Прежде всего, ему нужен один ответ.

И возможно, кое-что другое: месть.

Семь лет его мучил вопрос: а что если похищение было заказное, и заказал его тот, кого он любил и кому доверял.

Три человека значились в его списке, и у него имелось предостаточно времени, чтобы возненавидеть всех троих. Однообразные потраченные впустую дни и бессонные, полные сомнений, ночи. Чем-чем, а временем он в заключении располагал. Он поклялся, что если когда-нибудь выберется из этой дыры на божий свет, им придется за все ответить. Он желал им смерти — в зависимости от того, кого считал виноватым в данный момент: одного, другого, или же всех сразу.

Первый из этой троицы — Иоганн Кребер, старый друг отца. Это он уговорил его поехать, мол, командировка пошла бы ему на пользу. Хоть небольшая, а передышка от Зары, *distance makes the heart grow fonder*, сказал он тогда. Иоганн, с видом весьма и весьма озабоченным, до сих пор стоял у него перед глазами.

Истина

Можно подумать, его и впрямь интересовали супружеские проблемы Филиппа.

Другая кандидатура — Бернд Шредер. Ведь это он должен был находиться в машине, которая везла его, Филиппа, на встречу и из которой его похитили. Но в последнюю минуту Бернд заболел и не мог выйти из гостиницы. Во всяком случае, он так утверждал. Чтобы такой человек, как Бернд, снедаемый честолюбием, пропустил важную встречу из-за обычной простуды? В это верилось с трудом.

Да уж. И наконец, Зара. Неужто в итоге мать оказалась права? Вдруг Зару интересовали только его деньги? Он сожалел, что ни разу не заговорил с ней о том, на что мать постоянно намекала — якобы Зара готова за деньги с ним расстаться. Он всегда ей слепо доверял. Раньше.

Конечно, в их отношениях был и счастливый период, но память о нем по большей части поблекла, как фотографии в старых газетах, слишком долго пролежавшие на солнце. В плену ему вспоминались только ссоры и гадости, увы, обоюдные. Во всяком случае, под конец никакой любви уже не было. Были только кровь и слезы. Неужели их любовь разбилась окончательно в ту самую, страшную ночь? Или тогда только вылезло на поверхность все то, что уже давно бродило в тайных глубинах? И они слишком разные, чтобы по-настоящему любить и понимать друг друга. Он вспомнил, как заклинал Зару ему довериться. Как от отчаяния наговорил все эти глупости, какие обыкновенно говорят в кино. Женщины.

«Пожалуйста, откройся мне...»

«О чём ты думаешь?»

«Я больше не в силах выносить твоё молчание».

Мелани Раабе

«Если ты хоть когда-нибудь меня любила, то...»

Неужели это все из-за той ужасной ночи? Или же их брак распался бы так или иначе? И был ли он вообще? Эти вопросы всплывали снова и снова, и он снова и снова ломал над ними голову. Порой он отчетливо слышал голос Зары, доносившийся еще с тех добрых времен, порой все перекрывал строгий голос матери. С каждым годом он все больше и больше дистанцировался от них с Зарой брака и под конец даже не мог воскресить в памяти лицо жены. Он уже ни в чем не был уверен. Все стало возможно.

Охранники на ломаном английском твердили ему, пожалуй, даже слишком часто: «Ты сгниешь здесь, богатый человек. Никто не собирается за тебя платить».

И слова эти еще больше разжигали его ненависть.

Только после освобождения он узнал отластей, что никто никогда не требовал за него выкуп.

И вот он сидел в самолете, который с минуты на минуту должен приземлиться, но не продвинулся в своих догадках ни на миллиметр.

Его жена. Как-то странно пусть даже мысленно называть так человека, когда-то сильно желанного, но потом превратившегося в объект возмездия, какое ты вершил в своих фантазиях. Она была чужой.

«Женщина». Именно так он ее называл, когда говорил о ней.

Свидание после семи лет. От Барбары Петри, сопровождавшей его весь полет, он узнал, что женщина приедет его встречать в аэропорт. А как же иначе.

Никто из официальных лиц пока не мог сообщить никаких подробностей о мотивах его похищения. Харальд Гrimm, представившийся контактным лицом, в сложившейся ситуации попросил запастись терпени-

Истина

ем. Ему и его команде, а также южноамериканским коллегам предстоит спокойно и основательно во всем разобраться. Именно Гримм мог сказать, приложила ли его собственная жена руку к похищению или нет. И скоро это выяснится.

Просто невероятно — ты возвращаешься домой и по-прежнему не знаешь, по чьей милости выпали тебе все испытания.

Неужели Зара и впрямь хотела от него избавиться? Неужели она на такое способна — по ее ли это характеру, да и по уму ли?

Да, много чего случилось. Да, после самоубийства матери Зара несколько недель провела в психиатрической клинике, потому что утратила связь с реальностью. Но все это в далеком прошлом. Да, психика ее и прежде не отличалась устойчивостью, да, она склонна к эксцентричному поведению. Но низость? Разве Зара была способна на низость?

Мысли его по-прежнему вертелись по кругу, как золотые рыбки в слишком маленькой банке. Но одно отличие от последних семи лет все-таки было.

Сейчас он свободен. У него есть возможность действовать. Он встретит их всех. Иоганна. Бернда. И ее. Эту женщину.

Еще несколько минут. И тогда он заглянет ей в глаза. Он увидит ее лицо и все поймет.

Вдруг вспомнилась свадьба.

Лас-Вегас, мерцающая фата-моргана посреди пустыни.

Мелани Раабе

Уже перед самым венчанием Зара ни с того ни с сего оробела.

В ожидании своей очереди они жарились на солнце перед маленькой белой капеллой с непомерных размеров вывеской, на которой было написано: *Wedding Chapel. America's Favorite Since 1940* — «Венчальная капелла. Самое посещаемое место в Америке с 1940 года». Только что оттуда выплыли новоиспеченные молодожены, погрузились в огромный розовый «кадиллак» и умчались восвояси.

Он был полон радостного предчувствия и сильно волновался, атмосфера этого странного, шального, шумного, кричащего города захватаила и его.

— Ты в порядке, принцесса? — спросил он.

Заре нравилось, когда он ее так называл, но теперь она не отвечала.

— Тебя что-то тревожит?

Зара провела рукой по распущенными волосам, ниспадавшим на белое платье. Потом покачала головой.

— А что если мы станем такими же, как все остальные супружеские пары, — спросила она наконец. — Если будем без конца ссориться?

Он понял: недавняя размолвка за несколько дней до этого еще не забыта, хотя он уже и не знал, с чего все началось.

— Значит, будем ссориться, — ответил он.

Он улыбнулся, погладил Зару по щеке, провел рукой по ее волосам. Она посмотрела на него с сомнением.

— И стараться как можно скорее обо всем забыть и любить друг друга дальше, — сказал он. — Вот и все.

Но эти слова ее как будто мало удовлетворили.

— Мы любим друг друга. Этого достаточно, — заверил он.

Истина

— Хм. — В ее голосе звучали нерешительные нотки. — Все пары, стоящие перед алтарем, любят друг друга. И, тем не менее, далеко не всем удается оставаться вместе.

На миг она запнулась.

— Проблема в том, что если мы ругаемся так, как делали это третьего дня, то я совершенно забываю, что люблю тебя или что ты меня любишь, — сказала она наконец. — И ведь даже повода серьезного не было. Если мы уже сейчас готовы загрызть друг друга из-за какой-то ерунды, то что же будет потом? Когда у нас появятся дети или когда... — Зара говорила медленно, словно выдавливалась по каплям каждое слово. — Когда я в такой ярости, как третьего дня, мне уже все равно, я на все способна, — завершила она.

Он смотрел на нее и молчал, не зная, что она хочет от него услышать.

— Это меня пугает.

— Что тебя пугает?

— Когда мы такие, — сказала она. — Когда мы настолько забываем друг о друге.

— Ты никогда не забудешь о том, что я тебя люблю. Этого я не допущу, обещаю.

Взгляд Зары омрачился.

— Не обещай того, что не в силах исполнить.

Внутри капеллы зазвучала музыка. Предыдущее венчание подходило к концу.

— Ну хорошо, у меня есть идея, — тут же откликнулся он. — Давай заключим договор. Придумаем какую-нибудь фразу или слово. И если когда-нибудь так же сильно повздорим, как позавчера — а ведь это абсолютно не исключено, — и если ты усомнишься, люблю ли я еще тебя, ты просто скажешь это слово.

— Кодовое слово или вроде того, — подтвердила она.

Мелани Раабе

— Точно. И услышав от тебя это слово, я тут же вспомню наш разговор и свое обещание. И тогда мы сразу перестанем ссориться и будем... любить друг друга дальше.

Зара засмеялась, а потом хмыкнула.

И ее хмыканье означало безоговорочное согласие.

— Но только слово должно быть особое, которое в обычной жизни мы никогда не употребляем, — предложила она. — Чтобы не затаскать его.

Некоторое время они размышляли.

— Мамихлапинатапай, — наконец провозгласил он.

— Как ты сказал?

— Мамихлапинатапай, — повторил он.

— На каком же это языке? — спросила Зара.

— Понятия не имею. Но я где-то читал, что это одно из самых трудных на земле слов для перевода.

— Да что ты говоришь!

Зара оскалилась. Она часто и в охотку посмеивалась над своим сверхумным женихом.

— И что оно означает?

— Оно описывает обмен взглядами между двумя людьми, которые хотят одного и того же, но при этом каждый из них уповаает на то, чтобы другой взял инициативу на себя.

— Вот это то, что надо, — согласилась Зара.

Он улыбнулся.

— Мааих... как там еще раз?

— Лапинатапай, — закончил он.

— Мне никогда в жизни не запомнить, — сказала Зара и рассмеялась.

Двери капеллы открылись, и имитатор Элвиса, которого они наняли, чтобы тот подвел Зару к алтарю и во время церемонии исполнил «Love Me Tender», попросил их войти.

Истина

...Как сильно мы изменились, подумал он. За время, прошедшее между свадьбой и нашим натянутым расставанием. Перед ним словно в режиме киномонтажа развернулась вся история их отношений. Знакомство. Первое свидание на берегу Эльбы. Первый поцелуй, первая ссора. Предложение — тоже на берегу Эльбы, «на нашем месте» — свадьба, ребенок. Распад.

Сцена прощания не выходила у него из головы на протяжении всех этих семи лет. Означала ли она, что жена больше его не любит? Неужели она устроила ему все это? Или он напрасно на нее наговаривает? Любит ли она его по-прежнему? Будет ли ждать?

Семи лет оказалось недостаточно, чтобы проникнуть в тайну этой мистерии.

Мой четырнадцать тысяч четыреста сороковой день на земле, подумал он. День, когда я вернулся домой, если, конечно, дом этот вообще есть.

Потом события развивались с невероятной скоростью. Приземление. Толпа народа. Филипп чувствовал себя как крот, которого силком вытащили на свет.

Но он решил не отступаться.

Так или иначе — сейчас его интересовал только один человек. И наконец появилась возможность внести ясность. Увидеть глаза Зары и все понять. Рада она ему? Или как раз наоборот. Вот это сейчас и выяснится.

Истина выйдет наружу.

Филипп сидит напротив меня и молчит. Мы на кухне. Я от него на расстоянии вытянутой руки, не больше, но все равно он кажется мне бесконечно далеким.

Мы чужды друг другу настолько, насколько чужды могут быть друг другу два человека. В его голове настоящая вселенная без конца и края, и понять ее мне не дано даже близко.

На подоконнике стоит старая фотография. На ней мы, до смешного юные и счастливые. Теперь же вид у него такой, как, наверное, и у меня. Будто он вот-вот загнется от усталости. Я обвела глазами кухню. Пестрые цветы на столе опустили головки, шарообразная лампа висела над ними как полная безучастная луна.

Мы сидели так уже давно. Мне требуется время, чтобы все переварить. И для начала соединить в одно образ чужака и Филиппа.

Я чувствовала себя квелой и хрупкой как пустой домик улитки. Подняла глаза на Филиппа. Попробовала подыскать слова, но не находила.

Я думала о том времени, когда Филипп еще никуда не исчезал. О ссоре в день его отъезда, о ссоре нака-

Истина

нуне этого дня, и в день, ему предшествующий. Я больше не помнила, из-за чего эти ссоры разгорались, не помнила притянутых за уши аргументов. Да и дело было не в них, дело было в том, чтобы поругаться, отстоять свою правоту, победить, ранить другого.

Было время, я рыдала каждый день, и это доводило Филиппа до белого каления. Вот только одно ему было невдомек: плакала я не от грусти, не потому, что чувствовала беспомощность и смятение, чувствовала собственную незащищенность от его нападок. Я рыдала от ярости. Рыдала, доведенная до такого бешенства, что иногда сама себя не узнавала, что испытывала только одно желание — схватить что-то тяжелое и запустить ему в голову.

Гневалась я не потому, что больше не любила Филиппа, а как раз наоборот — потому что все еще любила его, и в тот момент, когда я это поняла, он исчез.

Жизнь моя нежданно-негаданно превратилась в водоворот из одних лишь надежд и тревог и всех этих вопросов: Где ты, Филипп? Почему ты нас покинул? Что с тобой случилось? Ты еще жив? В порядке ли ты? Вспоминаешь ли еще о нас: обо мне, твоей жене, о сыне? Что с тобой случилось? Тебя убили? Похитили? Произошел несчастный случай? Сердечный приступ? Кровоизлияние в мозг? Инфаркт? Или ты встретил смерть в богом забытом месте, где тебя никто никогда не найдет? А может — и такой вариант рисовался мне особенно красочно — ты потерял память? Или ты сбежал? И теперь скрываешься? Может, начал новую жизнь? В каких краях ты? Счастлив ли? Будь ты еще жив, я бы чувствовала это, ведь так? Но и о твоей

Мелани Раабе

смерти сердце бы меня уж точно известило? Где ты, Филипп? Где? Ты когда-нибудь вернешься?

Ты не оставил следов — возможно ли такое? Возможно ли, что человек уходит бесследно? Ты сделал это умышленно? И теперь залег на дно? У тебя есть тайна? Тот ли ты человек, которого я знала? Или есть вещи, мне совершенно неведомые? Вещи, о которых я не подозреваю, которые связаны с вашим богатым, старинным семейством, с вашим семейным концерном? Кто твой враг? А чей враг ты? Ты завел любовницу? Был у тебя кто-нибудь, кого ты любил больше, чем Лéo и меня? Поверь, я бы все поняла, это дело житейское. Я просто хочу знать. Я просто хочу знать, что с тобой стряслось?

Что с тобой?

И как быть теперь?

Я мечтала только о том, чтобы Филипп вернулся, и долгое время это желание казалось мне самым сокровенным. Но сейчас я вспоминала слова своей бабушки, которая все время твердила: «С желаниями, смотри, поосторожнее. Они ведь могут исполниться».

Мы молчали. Тихонько гудел холодильник. В саду кричала ночная птица. И половицы поскрипывали, как будто старый мудрый дом, где мы находились, хотел взять на себя тяжесть нашего молчания. Я отвела взгляд от лица Филиппа, принялась разглядывать столешницу, водила пальцем по древесному узору, не зная, что теперь думать, что делать, что говорить. Умом я понимала, что человек на аэродроме, в машине, в моем доме, тот человек, который меня преследовал и которого преследовала я, тот человек, на которого я накидывалась с кулаками и на которого кричала, который

Истина

мне угрожал и которому угрожала я, — это Филипп. Умом я понимала это, но принять к сердцу не могла.

Настолько это невероятно, что я чувствовала себя героиней театральной постановки, как будто стоит только стукнуть, и окажется, что стол, на который я опираюсь, и кухня, и мой дом, и весь мой мир — все сделано из папье-маше, все сплошь декорации.

Я подняла взгляд, наши глаза встретились. Легкая улыбка появилась на губах Филиппа, и вдруг он стал выглядеть почти как раньше. Но тень пробежала по его лицу — и вот опять он выглядит как тот чужак, что вчера — или это было позавчера? — вышел из самолета.

Морщины на его красивом лице за последние дни стали еще глубже.

Волей-неволей мне вспомнились слова Герхарта Гауптмана, мы недавно читали его на уроке немецкого: «Нет ничего страшнее отчужденности людей, знающих друг друга».

Когда я справилась с собой, голос мой прозвучал хрипло:

— Я никак не могла... Никак не могла узнать в тебе моего мужа.

— Ты не могла меня узнать? Или ты не хотела? — спросил Филипп.

Я не ответила. Я не знала ответа.

Но зато я все помнила. Семь лет, прожитые без него. Солнечное затмение, и тайные ночи с Мирко, и мое прощание. А затем — вот этого странного мужчины с жестким взглядом, вдруг прилетевшего на самолете и ворвавшегося в мою с трудом налаженную заново жизнь. Ощущение примерно такое же, как семнадцать лет назад, когда я обнаружила свою мать

Мелани Раабе

повесившейся в кухне. Изменившиеся краски, пронизывающий до костей холод, и чувство, будто ты в коконе из ваты.

— Я оказалась к этому не готова, — прошептала я, пытаясь подобрать правильные слова. — Слишком много, просто слишком много всего...

Я оказалась к этому не готова.

Лучше я не могу объяснить.

Это правда. Это — истина.

49

Лицо у Филиппа очень красивое. Я всегда так считала. Темноволосый. Бледный. Большие карие глаза, а иногда, если он чему-то радовался, в глазах его появлялось какое-то чуть ли не детское выражение. А вот брови он поднимал треугольником, точно как Мефистофель в классической постановке «Фауста» Гете. Губы у Филиппа узкие, но изгиб у верхней губы такой красивый, что я тотчас в него влюбилась тогда, много лет назад.

Если приглядеться, все это можно распознать и сейчас. Когда знаешь, что нужно искать.

Как странно, думала я, что все мы выглядим по-разному. Земной шар населяют больше семи миллиардов человек, и у каждого свое лицо. А мы умеем воспринимать каждое лицо как особенное.

Да, обычно умеем.

Филипп поднял взгляд, заметил, что я его рассматриваю, и я отвела глаза.

Истина

Слишком много вопросов у меня в голове, так много, что мне никак не удавалось сосредоточиться на одном.

Филипп долго ничего не говорил. В конце концов, тишина показалась мне невыносимой, и я заговорила сама:

— Ты подумал, должно быть, что я все это нарочно! Нарочно делаю вид, будто тебя не узнала.

Филипп кивнул.

— Да. Да, я именно так и подумал: ты делаешь это нарочно. Конечно, я собирался поговорить с тобой наконец обо всем. И совершенно растерялся, когда ты отказалась со мной что-либо обсуждать. Просто поверить не мог, что ты собираешься продолжать в том же стиле, на котором мы закончили — со всей грубостью, отталкивая друг друга. И я был просто вне себя. Подумал, что ты пытаешься оговорить меня из расчета. Подумал, что ты преследуешь какую-то цель. А именно — окончательно избавиться от меня.

— Но зачем я стала бы это делать?!

Он пожал плечами.

— Понятия не имею, Зара. Семь лет — большой срок. Откуда мне знать, как прошли для тебя эти годы, о чем ты думаешь, чего ты хочешь и на что ты ради этого способна?

— А когда же ты понял?..

— Понял, что ты действительно меня не узнала, да? Я кивнула.

— Не знаю точно... Наверное, когда ты шла за мной по городу. Мне показалось это странным. Я такого не ожидал.

Филипп задумался.

— А, еще когда ты притащила сюда мою маму.

Вспомнив об этом, я как будто получила удар подых.

— Именно ее, мою маму. Вот тогда я и понял, — продолжал он.

Рукой он коснулся того места на груди, которое я задела ножом, а я вспомнила про разговор с Барбарой Петри и спросила:

— Но я ведь сразу потребовала, чтобы ты показал свое родимое пятно, отчего же ты этого не сделал?

Филипп, заметив свое непроизвольное движение, опустил руку.

— Я подумал, что с твоей стороны это очередная попытка меня унизить, — объяснил он. — В тот момент мне и в голову не приходило, что ты действительно меня не узнала.

Некоторое время мы оба молчали. Наконец он промолвил:

— Думал, что у тебя совесть нечиста. Что ты поэтому не желаешь меня узнавать. Думал — это *ты сама*...

Меня как холодом обдало.

— Я *сама* — что именно?.. — задала я вопрос, хотя уже догадывалась.

Филипп посмотрел мне в глаза. И тут я все поняла окончательно. Ненависть, ярость, язвительность, жестокость — вдруг все обрело смысл. Но все же я едва не потеряла дар речи. Как он смел такое подумать?

— Ты считал, что я замешана в деле с твоим похищением? — спросила я почти беззвучно.

Он не ответил.

А мне вспомнилось время перед тем, как он исчез, и наши ежедневные ссоры, и сказанные друг другу гадости.

И та проклятая ночь, после которой ничто уже не было как прежде, ночь, окончательно разбившая наш

Истина

союз и позже благополучно вытесненная мною из памяти.

— Вот, значит, что ты думал... — прошептала я. — Семь лет подряд?

Филипп покачал головой:

— Но я действительно не знал, что думать.

— А теперь что ты думаешь?

Он как будто поперхнулся, но все-таки начал говорить:

— Что мне просто не повезло. Что я оказался в нужное время в ненужном месте.

— Ты уверен?

Филипп кивнул.

— Да, и я только что получил этому подтверждение.

Пауза.

Долгая.

— Не понимаю, зачем ты сделал то, что ты сделал, — заговорила я наконец. — Вообще ничего не понимаю.

— Мне ничего не нужно было, кроме истины, — начал он объяснять. — И тогда...

Вместо продолжения он пожал плечами. А я продолжила за него:

— И тогда ты просто воспользовался моим смятением. Чтобы спровоцировать меня, вскользнуть! Чтобы я испугалась и пришла в отчаяние!

Он нерешительно кивнул. Снова зависла пауза, но потом он повторил:

— Я думал — это ты сама... Как только я спустился с трапа и подошел к тебе, мне сразу стало ясно: ты совсем не рада меня видеть. Совсем наоборот! Ты была просто в ужасе.

Мелани Раабе

Я ничего не ответила.

— А когда я попытался вывести тебя на чистую воду... Когда я спросил, помнишь ты худшее из того, что сделала в своей жизни... Когда я сказал, что тебе следует наконец признаться — вина так и была написана на твоем лице.

— Так ты имел в виду похищение! — только теперь догадалась я.

Филипп кивнул.

— А я подумала, что ты говоришь про ту ночь. Про несчастный случай. Про бегство с места происшествия. Про человека, которого я убила. Которого мы вместе убили.

Слезы выступили у меня на глазах.

Холодильник все гудел, напевал нам свою мелодию.

Вытерев слезы, я неожиданно для самой себя сказала:

— А что ты делал в городе?

— В городе?

— Ну да. Эта твоя странная прогулка по Гамбургу...

Кривая усмешка исказила лицо Филиппа.

— Именно это и делал, — ответил он. — Гулял по Гамбургу.

— М-м...

Мы помолчали.

— Ну и как? — поинтересовалась я.

— Что значит — как? — не понял Филипп.

— Прогулка по родному городу. Через столько лет.

Он улыбнулся и вдруг стал рассказывать.

— Что меня особенно поразило, так это разные мелочи. В плену у меня было много времени на раз-

Истина

мышления. Так вот, мысленно я совершил по родному городу долгие прогулки, пытался вообразить себе его с абсолютной достоверностью, точно воскресить в памяти все мельчайшие детали.

Казалось, он на миг погрузился в воспоминания. Затем продолжил:

— Во многом мне это удалось. Но мне не хватало десятков, сотен, даже тысяч мелких деталей. Какого цвета стулья, которые летом выставляют на улицу в итальянском ресторане на углу? Черные или темно-зеленые? Сколько ступенек ведут к дому наших соседей? Какие деревья стоят на нашей улице, отбрасывая густую тень? Липы, вот в этом я был уверен. Липы, потому что летом из-за них стекла припаркованных рядом автомобилей становятся такими клейкими. Но разве нет там и нескольких буков? Или буки растут только на параллельной улице? А какого цвета у нас мусорные баки? Я, наверное, миллион раз что-то выбрасывал в эти баки, а вот цвета их не помнил. Может, они оранжевые, может — синие или серые с металлическим отливом. Не мог вспомнить. — И он взглянул на меня. — Но вот вчера я на них посмотрел, а они, оказывается, красные.

Мы молчали. По улице, громыхая, проехала машина, и снова наступила тишина.

— А тот человек? — спросила я.

— Какой еще человек?

— Ну, тот, возле автомата со сладостями. Я видела, как он что-то тебе сунул в руку.

— Не было никакого человека.

Я моментально встревожилась, но Филипп сказал:

Мелани Раабе

— А, погоди-ка. Тот, в футболке «Санкт-Паули»? Он попросил меня разменять ему банкноту, десятку.

Как все просто, как банально!

— Гм. А телефонный террор? А злобные комментарии в Интернете?

— Что-о?

Филипп наморщил лоб. И повторил за мной:

— Злобные комментарии?

Тут мне стало ясно, что я исходила из ложной предпосылки.

И сразу мне на ум пришел Мирко, с его настырностью, с его напором в последние месяцы, я вдруг поняла, что все эти звонки с неизвестного номера, злые смс-сообщения, возможно даже кошмарные онлайн-комментарии могли исходить от него. Нет, это не заговор против меня, это не кампания. Это просто оскорбленный мужчина, которого я на недолгое время пустила в свою постель и которого не очень-то деликатно изгнала из своей жизни. И еще мне стало ясно, сколько дров я наломала, сколько мне еще предстоит в ближайшие недели и месяцы объяснять, спасать, налаживать. Но в ту минуту мне хотелось только одного — спать.

— Ладно, забудь. Это не имеет значения, — сказала я, вдруг почувствовав навалившуюся усталость. — Я устала, как собака. Пойду-ка прилягу.

— Мне нужно тебе кое-что сказать, — не замедлил с ответом Филипп.

Я только взглянула на него:

— А до завтра это не подождет?

— Нет. До завтра не подождет, — заявил он, вставая.

Истина

На возражения у меня не хватило сил. Я тоже встала и поплелась за ним, но замерла на месте, когда поняла, что он намерен выйти из дома.

— Ты куда-то собрался? Сейчас?

Он кивнул со словами:

— Так надо.

Под глазами у Филиппа залегли тени, такие темные, что они казались чуть ли не фиолетовыми. Но он в отличие от меня, я ведь едва держалась на ногах, даже пошатывалась — двигался уверенно и четко. В нем есть что-то от солдата, подумала я. Как будто его натренировали.

Было еще темно, но наступающий новый день уже заявил о своем приближении. Филипп сел за руль моей машины, я заняла место рядом. Филипп завел двигатель, но при попытке тронуться с места машина заглохла. Филипп тихонько выругался, и со второй попытки мы все-таки поехали. Мне сразу стало ясно, куда мы направляемся, и очень захотелось повернуть назад. Остановиться и посидеть в машине, пока солнце не взойдет и не разгонит тени. Филипп, со стороны бросив на меня взгляд, явно прочитал мои мысли, но не сказал ни слова.

Улицы были пусты, и уже через полчаса с небольшим мы выехали из города. Тишина. Только шум мотора и звуки, которые издавал автомобиль, метр за метром пожирая асфальт. Дорога, поблескивающая чернотой, как лакрица. Я двигалась прямиком в сердцевину моего ночного кошмара.

Филипп выехал из города, Филипп свернул на узкую лесную дорогу, а я мыслями унеслась далеко-далеко.

Ночь много лет назад. Ночь, ставшая сюжетом всех моих кошмарных снов.

Мы возвращаемся из домика на озере. В городе что-то случилось с Лео, и мы тут же сели в машину. И разумеется, переругались. Настолько, что утратили контроль над собой.

Я по-настоящему пришла в бешенство. На секунду отвлеклась от дороги, покосилась на Филиппа, на его самоуверенное лицо, проорала какую-то чушь, и он ответил тем же, а затем вдруг воскликнул: «Смотри вперед, чтоб тебя!» И тут раздался глухой удар, я инстинктивно выжала тормоз, резко остановилась, автомобиль дернулся и замер на месте, и вдруг стало очень, очень тихо. Сбила или наехала, думала я. Взглянула на Филиппа, а тот таращился на меня широко распахнутыми от ужаса глазами.

«Может, это косуля?» — спросила я.

«Не знаю. Я не видел дорогу».

Посмотрела в зеркало заднего вида, но не разглядела ничего. Вылезла из машины. Услышала, что и Филипп вылез следом за мной. Обогнула машину, и тут увидела его. В красноватом свете задних фонарей.

Человек. Мужчина. И сразу поняла — этот человек мертв.

«Боже мой, — запричитал Филипп. — Боже мой, боже мой, боже мой».

И еще спросил:

«Он умер?»

Собрав все свое мужество, я подошла к лежавшему на земле. Стояла темень, и лицо мужчины лишь угадывалось, глаза закрыты. Одет он был в темное, лежал

Истина

на боку. Казалось, стоит только приблизиться, как он меня схватит, но он не шевелился. Я попыталась нащупать пульс — ничего. Совсем ничего. И только убрав руку, заметила, что она вся в крови. Смотрела на руку, смотрела, а потом вытерла ее о штаны. И услышала стон. Взглянула на Филиппа, но тут же догадалась, что этот стон издала я сама.

Отошла на несколько шагов от страшного темного куля и подтвердила:

«Да. Он умер».

Это я его сбила на дороге.

«Откуда он вдруг взялся?» — В голосе Филиппа слышалась паника.

«Не знаю. Вот так просто появился, и все».

Стала присматриваться к лесу по обе стороны дороги. Разглядела, что там есть тропа, вот отсюда он и вышел. Зачем, зачем я ехала с такой скоростью?

«Надо звонить в службу спасения», — сказала я и сама заметила, как пронзительно прозвучал мой голос.

Филипп вытащил было мобильный телефон, но вдруг засомневался:

«Ты уверена? Мы ведь оба выпили».

А человек все равно уже мертв, подумала я.

Я колебалась. Но в конце концов скомандовала:

«Давай, звони».

Филипп принялся нажимать на кнопки своего мобильника. Кажется, целую вечность он то подносил телефон к уху, то опять нажимал на кнопки и, наконец, сообщил:

«Нет сети».

«Как?!»

«Вот так. Мертвяк».

«Ты что, идиот? Думаешь, это смешно?»

Мелани Раабе

«Сорри, я просто...»

«О'кей, — сказала я. — Тогда мы едем домой. Полицию и «Скорую» можно вызвать и оттуда».

Мы вновь забрались в машину, и пока мы удалялись от злополучного места, я старалась не смотреть в зеркало заднего вида. Побег с места дорожно-транспортного происшествия, — стучало у меня в мозгу. Авария со смертельным исходом. Под влиянием алкоголя. Побег с места происшествия. Пока ехали через лес, нам навстречу не попалось ни одной машины. Лишь ближе к городу движение стало более оживленным.

Приехали домой, а Лео уже стало значительно лучше. Ложная тревога. Я его укачала, он уснул. А я, сев на диван, поглядывала то на телефон, то на спящего Лео, то опять на телефон. Наконец, встала, держа малыша на руках.

«Прошу тебя, не звони, — послышался голос Филиппа, и я обернулась. — Он мертв. Этого ты не можешь изменить».

Молча я вышла из комнаты, положила Лео в его кроватку. Почувствовала, что Филипп, последовав за мной, стоит теперь позади. Почувствовала его руку на спине, между лопатками. Ох, как же хотелось ее оттолкнуть. Это что, жест мне в утешение? Если бы он меня не отвлекал, так ничего бы и не случилось.

«Все домик этот проклятый, — заговорила я. — Вот уж дурацкая идея. С самого начала у меня было недоброе предчувствие из-за того, что мы оставили Лео».

«Ага, это я, значит, во всем виноват? — вспылил Филипп. — Я тебя не заставлял напиваться под завязку».

«И все-таки я была трезвее, чем ты! — закричала я. — Иначе я ни за что не села бы за руль».

Истина

«Однако именно ты села за руль! И я подумал, естественно, что ты способна вести машину!»

«Так оно и было! Но никто на свете не может следить за дорогой, если рядом сидит другой и поливает его грязью! И как это типично, что ты пытаешься спихнуть всю вину на меня. Какая же ты тряпка, в конце-то концов!»

Ну, и так далее. Лео плакал, мы ругались. До самого рассвета.

А наутро продолжили. И Филипп повторил то, что сказал еще в машине, мол, мама его была права, я его не люблю и никогда не любила. В ответ я сообщила, что он не ошибся, если я и любила его когда-то, так это давным-давно прошло, и лучше уж сразу умереть, чем любоваться на него и дальше. Каких только гадостей не наговорили мы друг другу, но одного мы не сделали: не обратились в полицию.

С той самой ночи все пошло по-другому. Все предметы вокруг меня как будто ожили, стали плести заговоры за моей спиной, чтобы усложнить мою жизнь и наказать меня — избежавшую справедливого наказания, каждую секунду напоминать о том, что я совершила, и о том, что отныне я нахожусь во враждебном окружении. Ящики высекали из стола прямо мне на ноги, корни вырастали из-под земли, чтобы я споткнулась, каштаны падали с деревьев непосредственно мне на голову.

В ванной поскользнулась на крошечной лужице геля для душа, нарочно собравшейся на дне, чтобы я свернула себе шею. Бритвой порезала икру, потом пребольно ударила большой палец ноги о край душев-

Мелани Раабе

вой кабинки, которая почему-то стала шире на несколько сантиметров, чем раньше. В общем, я все-таки выбралась живая из ванной комнаты и, на грани слез, все так и видя перед глазами безжизненный куль, встретила в коридоре Филиппа, и тот спросил меня, что случилось, а я ответила: ничего.

Потом мы — ради Лео, как говорили мы оба — помирились, и нам обоим стало ясно, что по прошествии столь долгого времени с той роковой ночи мы уже не позвоним в полицию, мы попросту уже не можем позвонить в полицию, и я заявила Филиппу, что не желаю больше говорить о случившемся. Он возражал, считая необходимым возвращаться к этой теме как можно чаще, ибо по-иному вести себя было бы ненормально, и вообще, дескать, он устал от моей жесткости, от молчаливости, он уже не раз задавался вопросом, на ком он женат — на женщине или на устрице в ракушке.

— Так мужчины себя ведут, — добавил он как будто бы в шутку, но я не доставила ему удовольствия — не рассмеялась. Я настаивала на том, чтобы ни слова больше мы не произнесли об этой проклятой ночи, об этом треклятом лесе, об отвратительном стуке, о глухом ударе, и Филипп сдался. Я молчала, и он молчал вместе со мной.

Несколько недель подряд, пока не наступил тот самый вечер. Когда Филипп вошел в кухню, я как раз собиралась кормить Лео.

— Знаю, знаю, что мы договорились об этом не вспоминать, но... — начал он, между прочим, со мной даже не поздоровавшись.

Я вздрогнула, бросила на него исполненный злости взгляд.

Истина

Встала и с Лео на руках пошла вон из кухни:

— Больше не желаю об этом ничего слышать.

— Остановись хоть на секунду!

Но я не остановилась. Не хочу, не могу, я просто его не выношу!

Еще дважды он попытался завести этот разговор, уж не знаю, зачем. Как он утверждал, не вспоминать об этом — ненормально. Как я считала — чтобы меня помучить. Так или иначе, но я его не слушала.

Он пришел в ярость. Ну и пусть, мне все равно.

Вскоре он сообщил, что на несколько дней улетает в Южную Америку, вот уж я обрадовалась.

...Внезапно я вернулась к реальности: Филипп притормозил, поехал со скоростью пешехода, затем остановился. Мы находились на уединенной дороге посреди леса. Куда ни глянь — никого, мы совершенно одни. Я повернула голову — а рядом со мной чужак! Адреналин ударил мне в кровь, мне мигом стало ясно, что я совершила смертельную ошибку! Никто не знает, что я нахожусь здесь. Никто меня не найдет. У меня нет оружия. Ни пистолета, ни ножа, ни баллончика с перцем, могущих меня спасти. Чужак повернул голову. Филипп посмотрел на меня. Прочитал ужас на моем лице.

— С тобой все в порядке?

Я вдохнула и выдохнула. Мне понадобится еще много времени, чтобы соединить того человека, который наводил на меня страх и ужас в последние дни, и моего мужа. Мне понадобится еще много времени, чтобы привыкнуть к тому, что он вернулся.

Я осмотрелась.

Да, именно здесь это произошло, подумала я.

Мелани Раабе

Почему он поступает так жестоко, зачем он привез меня сюда?

Неужели он снова и снова будет заставлять меня каяться?

Филипп вылез из машины. Я последовала за ним. Эхо захлопнутых дверей отдавалось у меня в голове пистолетными выстрелами. Желудок свело. Луна освещала лесную опушку бледным светом, но ему не удавалось выхватить из темноты размытые силуэты. Лес тихонько шумел. Филипп направился прямо по лесной тропе, и уже через несколько метров тьма поглотила его. Я заторопилась вслед за ним.

Вдруг рядом послышался шорох и хруст, я вздрогнула, повернула голову вправо и чуть не завопила, увидев два больших и блестящих глаза, уставившихся на меня из-за деревьев. Я замерла на месте, точно как косуля, которая стояла там на тонких своих ногах и печально на меня смотрела, а потом исчезла где-то в подлеске. Шум деревьев, крики сов, шуршание каких-то птах в траве — как все зловеще, темно, близко. Кровь стучала у меня в ушах, окрашивая ночной лес темно-красным цветом, деревья словно нашептывали что-то свое, и мне приходилось сдерживаться, чтобы не зажать уши ладонями, как делают испуганные дети. Я едва не натолкнулась на Филиппа, который неожиданно остановился.

— Вот здесь это было, — произнес он. — Лесная тропа. Мы думали, он вышел отсюда — человек, которого ты сбила. Ты помнишь?

В знак согласия я кивнула. Так оно и было.

— Ты зачем привез меня сюда?

Истина

— Здесь все началось, — объяснил он. — Здесь мы потеряли друг друга.

Я опять кивнула, хотя не была уверена, что оно так. Я часто задавала себе вопрос, когда начались все наши проблемы. После свадьбы или еще до нее? Когда мы въехали в этот слишком большой и слишком дорогой дом, который я по правде никогда не любила, или раньше? После первого выкидыша? После второго? Из-за язвительной Констанции? Вместе с рождением Лео? Намного позже? Значительно раньше? Или действительно здесь? Ответа я не знала.

— Что мы тут делаем, Филипп?

— В последние годы я особенно сильно ощущал свое одиночество, — заговорил он, не глядя на меня. — Иногда я тебя проклинал. Чаще всего я по тебе тосковал. По нам. По тому, как оно было прежде. Иногда я думал, мы могли бы вновь обрести то, что потеряли.

Неужели он из-за этого привез меня сюда?

— Я завидую нам, прежним.

Неужели он думает, что мы можем начать все снова?

— Но как же все непросто... — произнес он. — Только теперь я это понял.

— Ты об этом хотел мне сказать?

Филипп отрицательно покачал головой. Набрал побольше воздуху в легкие. И задал вопрос:

— Ты хорошо помнишь ту ночь?

Слишком хорошо, подумала я.

— Ты помнишь, как тот человек вдруг появился на дороге?

— Нет, — выдавила я из себя. — Как же мне помнить, когда я не смотрела на дорогу? Мы ведь в очередной раз поругались.

Мелани Раабе

И едва не расплакалась.

— Я тоже не видел, как он возник перед нами, — сообщил Филипп.

Ну и что? Что все это значит? Мне невыносимо здесь находиться, прочь отсюда!

Филипп продолжал:

— Я тоже его не видел. Мы думали, что не видели его, так как он вышел на дорогу по этой вот тропе. Но это ошибка. Он не выходил из леса и не выбегал на дорогу. И по дороге он не шел нам навстречу. Он уже лежал там.

Я наморщила лоб.

— Что?!

— Когда мы его переехали, он уже был мертв.

Колени у меня подогнулись.

— Ты лжешь.

Филипп покачал головой.

— Норман К., 41 год, не женат. Незадолго до того потерял работу. В тот вечер, когда мы были в домике на озере, он покинул свою квартиру и пошел вот по этой дороге, видимо, намереваясь покончить жизнь самоубийством. Его сбила машина, он погиб. Водитель скрылся с места происшествия.

— Да, это была я!

— Нет! — воскликнул Филипп. — Не ты. Говорю же, когда ты на него наехала, он был уже мертв. Ты наехала на мертвое тело.

— И откуда тебе это известно?

— Мне попалась статья в газете, там говорилось, что водитель, скрывшийся с места происшествия, заявил об этом в полицию. Я никак не мог успокоиться при мысли о том, что мы в ту ночь не позвали на помощь и поддались обстоятельствам. Моя вина здесь не меньше твоей, как я постепенно осознал. Мы взяли

Истина

да оставили этого несчастного лежать на дороге. С этим я не мог просто так смириться. И когда мне стало ясно, что речь идет о том самом человеке, о нашей жертве, я решил провести дополнительное расследование. И выяснилось, что водитель, который сбил и оставил лежать на дороге Нормана К., проезжал здесь за полчаса до нас, или даже больше. Через пару дней он явился в полицию. Однако наказания не понес, поскольку нашлись доказательства того, что по телу Нормана К. проехали несколько автомобилей...

Вся эта информация, все его слова будто летели в меня камнями. Филипп давно уже замолчал, а я так и стояла, не двигаясь с места. В полном шоке. Стояла и плакала.

— Но почему же ты раньше ничего мне не сказал? — заговорила я наконец.

— Я пытался... — Филипп вздохнул и беспомощно развел руками. — Пытался сказать раза два или три, но ты не желала ничего слышать про ночь, как ты выражалась. Я был в ярости. А потом подумал: нет, так нет. Ну и поживи еще несколько дней с сознанием того, что ты убила человека. Я хотел причинить тебе боль. Хотел наказать тебя. Хотел наказать и себя. Нельзя, неправильно было просто поехать дальше. Нельзя было не обратиться в полицию.

Я закрыла глаза.

— Ну, а потом я улетел в Южную Америку, — продолжал Филипп. В лесу что-то громко хрустнуло. — Я собирался тебе все это сообщить, — тут Филипп опустил глаза, — после моего возвращения.

Мне казалось, тело мое онемело полностью. Мы сидели в машине на пути домой, Филипп был за рулем, я в оцепенении глядела на дорогу.

Мелани Раабе

Дорога. Молчание. Конус света от передних фар. Опушка леса, разные оттенки серого. Шум мотора. Тяжелые веки. Рассвет.

— А кто это — Винсент? — вдруг спросила я.

— Друг, — ответил Филипп. — Мой лучший друг в лагере.

Я кивнула.

Дорога. Молчание.

Про себя я подумала, что Винсента, может, нет в живых, но спрашивать ни о чем не стала. Пусть Винсент станет темой разговора в другую ночь.

— Почему ты настаивал на том, чтобы я не обращалась в полицию? Я просто опозорилась бы, да и все.

— Не хотелось привлекать внимание. В первую очередь в этом дело. Ну, и еще — а вдруг ты после стольких лет заявила бы о побеге с места аварии? Можешь себе представить, какая шумиха бы поднялась?

Это я приняла к сведению, но спросила другое:

— А два дня? Ты все время говорил про два дня.

Тут я наконец на него взглянула. Ответ прозвучал так:

— Мне сказали, что через два дня станет известно, было похищение организовано и оплачено в Германии, или нет.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы разобраться в смысле этих слов.

— Значит, ты рассчитывал через два дня узнать, замешана ли я в этом деле.

Филипп кивнул.

Вопрос так и вертелся у меня на языке, но я сдержалась. Не хочу я знать, как поступил бы он, если бы ему сообщили, что я всему виной. Вместо этого я спросила:

Истина

— А почему мама называет тебя Зеленушкой?

Филипп вздохнул:

— Это долгая история. Расскажу как-нибудь в другой раз.

— Ты каждый раз так говоришь!

Он, криво усмехнувшись, произнес:

— Позволь и мне тебя кое о чем спросить.

— Ну, да...

— Мы сидели в саду, и ты вспоминала про свои выкидыши да про то, как идеально вел себя твой муж. Помнишь?

Я неуверенно кивнула.

— Но ведь все было по-другому, — продолжал Филипп. — Хотел бы я так себя вести, но — увы.

Вдалеке показался город.

— Почему ты так сказала?

Гамбург уже совсем близко.

— Потому что тебе так запомнилось?

Мы едем к себе домой.

— Или тебе просто хотелось, чтоб так оно все и было?

Вместе — после стольких лет.

— Или и то, и другое?

Я не ответила.

Мы едем дальше, молчим.

Встает солнце.

Незнакомец

Я готов к выступлению. Двигаюсь тихо, ни в коем случае не хотелось бы разбудить Зару. Мне надо уйти отсюда, надо побыть одному. Еще не знаю, куда направлю путь. Исчезну в людских толпах Токио? Найду уединение в канадских лесах? Стану в Таиланде смотреть на море? Второй ключ я положил на стол в кухне, где прошлой ночью мы сидели вдвоем с Зарой, стал искать бумагу для записи, в ящике нашел блокнот и карандаш. Сел за стол и осмотрелся. Замер, увидев детские рисунки Лео, прицепленные к дверце холодильника, и быстро отвел взгляд. Сколько времени потеряно, и нет никакой надежды его вернуть.

Я начал писать.

Вскоре я уже стоял у входной двери, дорожная сумка на плече, дернул было за дверную ручку, но вдруг снова передумал, пересек весь нижний этаж и вышел через другую дверь в сад. Еще раз — в сад. Шел по высокой траве. Зара позволяет траве расти, как придется. Наклонился к кусту смородины, сорвал несколько красных блестящих ягод и весь скривился, почувствовав их кислый вкус во рту. Такая тишина,

Истина

такой покой, кажется, весь мир принадлежит мне одному. Жара оставила город. Вернулся ветер, и Гамбург снова стал Гамбургом.

Присел ненадолго в траву, поежился от холода, когда влажные стебельки коснулись моих голых рук. Мне и дела нет до этой влаги, до темных пятен, которые сразу появились у меня на джинсах, я наслаждаясь покоем.

Хотелось бы вот так просто здесь посидеть, да нельзя, надо уходить.

Вернуться домой после стольких лет отсутствия, после этого похищения — поистине сверхъестественный опыт. Как будто ты умер лишь ради того, чтобы потом восстать из мертвых и убедиться в том, что земной шар и без тебя продолжает вращаться. Что твоего отсутствия никто по-настоящему и не заметил. Что ты здесь не только ненужный, но даже лишний.

А вообще-то просто не может быть такого. Чтобы я ее по-прежнему любил? Наверное, чувство, которое я испытываю, — лишь отголосок прошлого. Как пятно, оставшееся на сетчатке глаза, если долго смотреть на солнце. Пора идти отсюда.

Но только я собрался уходить, как со мной заговорила соседка. Мы обменялись несколькими словами, и я с удивлением отметил, что эта немолодая дама по-прежнему изъясняется только в рифму, похоже — это у нее долгосрочный проект. Мне тут же вспомнились школьные годы, тогда мы с Эриком, моим лучшим другом, тоже довольно долго так развлекались. И как тут не заметить, что я утратил всякую способность к острозвонию. Наконец, соседка Тайс ушла к себе в дом.

Мелани Раабе

...Я направился к дыре в заборе, через которую столько раз лазил туда и сюда в последние дни, и вдруг почувствовал, что за мной наблюдают. Огляделся — никого. Хорошо бы только не встретить соседа Лautербаха, он при первой нашей встрече после стольких лет рассмеялся мне в лицо, услышав, что я — Филипп Петерсен.

Я нагнулся, осторожно пролез в дыру, выпрямился. Посмотрел на дорогу. Пойду вперед до главной улицы, а там остановлю такси. Сделал несколько шагов, глубоко вдохнул аромат старых лип и опять почувствовал, что за мной наблюдают. Опять остановился и огляделся, на сей раз повнимательней. Подумал было, что все-таки ошибся, и вдруг — вот она! Приметная пятнистая кошка сидела на обочине дороги и пристально наблюдала за мной. Инстинктивно я присел на корточки и протянул руку, чтобы ее погладить. Но кошка, чуть поколебавшись, все-таки не подошла, а робко двинулась в сторону от меня, вдоль забора. Я попробовал к ней приглядеться, но на расстоянии не мог различить, кто это — Шнапс с одним слепым глазом и рыжеватыми пятнами, или же Шницель — с двумя здоровыми глазами и коричневатыми пятнами.

Отвернувшись, я продолжил путь. Поздоровался с рыжеволосой девушкой, та шла мне навстречу,озвращаясь, наверное, с какой-то вечеринки.

— Вас преследуют! — сказала девушка, нет, почти девочка, и рассмеялась.

Взглянув туда, куда смотрела она, я понял, что кошка идет следом за мной.

— Раньше они всегда бегали вдвоем, — сообщила девушка. — Наверное, они из одного помета, во всяком

Истина

случае — они были очень похожи друг на друга. Но вторую в прошлом году задавила машина.

Я ничего не ответил, только смотрел на нее, потому что вдруг понял, что мы знакомы и вместе когда-то придумали клички этим кошкам. А девушка лишь покачала плечами и пошла своей дорогой.

Присев на корточки у обочины, я дожидался, пока кошка, наконец, отважится ко мне приблизиться.

— Эй, Шнапс, — сказал я, когда она подошла совсем близко, и я сумел погладить ее рыжеватую пеструю шерстку. — Очень жаль, что так получилось со Шницелем.

Кошка ластилась к моим ногам, каталась передо мной пузом кверху по асфальту, позволяя себя гладить, сколько хочешь, потом перевернулась и опять стала ластиться к ногам. Так, как будто приветствовала своего старого друга.

Что-то изменилось, я почувствовала это сразу, едва открыла глаза, прошло однако несколько секунд, прежде чем я сообразила, что же это: холод в костях, неизменно сопровождавший меня все последние дни, ушел. Другими красками засветился мир, словно, наконец, сняли фильтр, какой все это время был наложен на мои глаза. Я нахмурилась, когда через откинутое окно услышала голоса из сада.

— Доброе утро, — произнес мужской голос.

Ему ответил старческий женский, но что — я не могла разобрать. Прислушалась.

— Очень приятно видеть вас снова, — сказал Филипп.

— Какая радость, что вы вернулись. Вот и женушке вашей с сыном ангелы улыбнулись.

Филипп и соседка Тайс, догадалась я.

— Прошу прощения, я не припомню вашего имени, — донеслись до моего слуха слова Филиппа. — Я очень забывчив, право, досадно — ну и ладно, — невовко срифмовал он в ответ.

Потом ненадолго воцарилась тишина.

Истина

Я бы многое отдала, лишь бы увидеть сейчас выражение лица госпожи Тайс. Старушка не привыкла к тому, что люди так с ходу подхватывают ее игру в рифмы.

— Моя фамилия Тайс, — сказала она, снова овладев собой. — Вы можете называть меня Маргарет. Но вот мой совет: жаловаться на память негоже. Тренировка — единственное, что вам поможет. Я тренируюсь на рифмах, по деньгам это дело посильное, на мой взгляд, в рифмах есть что-то стильное.

— Отличная идея, не возражаю, — вторил ей Филипп. — Но вопросов так много... что я замолкаю. Кажется, некий Вебер тут жил. Когда он храпел, дом ходуном ходил.

Я повернулась на другой бок, пока соседка объясняла Филиппу, что дом достался ей несколько лет назад, когда господин Вебер отошел в мир иной, после чего Филипп выдал очередную неуклюжую рифму.

Сама того не ожидая, я засмеялась. А потом провалилась в сон без сновидений.

Когда я проснулась и вышла в коридор, то сразу поняла: в доме никого нет. Я прислушалась к тишине, к ее многоголосью. Подумала, что события последних дней, если не все, то почти все, — наверное, сон. И сейчас настало время возвратиться к действительности.

В первый раз за много недель я зашнуровала кроссовки.

Солнце стояло еще достаточно низко, когда я пустилась по своему привычному маршруту. Ветер оевал мои оголенные ноги. Я затрусила по тротуару и на бегу отметила, что хвост на затылке больше не болтается туда-сюда. Я глубоко вдыхала запах лип,

Мелани Раабе

погубивший полчища шмелей, лето достигло зенита, и было ясно — первые вестники приближающейся осени не за горами. Свернув в сторону парка и оставив за спиной соседские виллы, я обрела свой темп: левой, правой, левой, правой. Залаял доберман, оберегавший своего хозяина, я промчалась мимо, не обращая внимания на его назойливое тявканье. И вдруг передо мной — сплошная зелень. Я бежала все быстрее и быстрее, через лужайку, к деревьям, перешла на спринт. Чувствовала, как приливают силы. Наслаждалась, слыша биение сердца, казалось, ощущала, как течет по жилам кровь, все мысли наконец-то улетучились.

Запаренная и измученная я вернулась домой почти через час и первым делом направилась в кухню попить. Уже входя, я сразу заприметила на столе записку. Налила стакан воды, сделала глоток, другой, перевела дух. Потом села за стол. Ноги дрожали, трудно сказать отчего — то ли от напряжения, то ли от волнения.

Когда я еще был маленьким мальчиком, лет пяти-шести, мне вдруг вздумалось есть только зеленое. И кроме этого больше ничего. Мама никак не могла заставить меня, ни ласковые уговоры, ни угрозы — ничто не помогало. Я не брал в рот картошку и мясо, помидоры, рыбу, колбасу, морковь, не прикасался к бананам и шоколаду. Но зато ел такие продукты, к которым большинство других детей испытывали отвращение. Салат и шпинат. Брюссельскую капусту. Да что угодно, главное — зеленое. Зеленые яблоки, зеленые тянучки, капусту, эвкалиптовые леденцы.

Истина

Понятное дело, это была только фаза. И длилась она самое большее недели две, от силы месяц. Но за этот каприз меня в семье прозвали «зеленый юнец». Или как выражалась мама, с детства знавшая низненемецкий, — «зеленушка». Я не любил это прозвище, потому что в детстве, случись мне совершить какую-нибудь провинность, отец частенько меня поколачивал до синюшно-зеленых синяков, и прозвище это напоминало скорее о порке, чем о невинном чудачестве пятилетнего ребенка.

Я осушила стакан, потом перевернула листок и увидела приписку.

P.S. Я действительно обманул тебя тогда, с девичьей фамилией.

Я невольно улыбнулась. Знаю, подумала я. А я обманула тебя, когда мы выбирали имя нашему сыну.

Стоя под душем, я отчаянно натиралась мочалкой, пока кожа не покраснела, и наблюдала за тем, как вода смывает слезы, грязь и груз последних дней. Я чувствовала легкость, когда, закутанная в белое полотенце, стояла перед зеркалом и вытирала насухо свои короткие волосы.

Потом отправилась по делам.

Купила на рынке фрукты, овощи и букет подсолнухов, для Мириам. Я попросила у нее прощения, поблагодарила, обещав, что скоро мы обо всем спокойно поговорим. Может, как-нибудь за завтраком у меня. Я еще посмотрела, как искусно ставила она цветы в вазу из зеленого стекла, а потом ретирова-

Мелани Раабе

лась, поцеловав на прощание. Я застала Лео вместе с Юстусом в их секретном штабе, устроенном на ветвях дерева, тот, конечно, никуда не хотел идти, но я пропустила мимо ушей недовольное ворчание сына и просто забрала его домой. Потом позвонила Иоганну и объяснилась с ним, изложила все как могла. Извинилась, он тоже извинился, я знала, он ничего не понял из того, что я сказала, но мы ограничились тем, что есть.

С тяжелым сердцем села я за компьютер и стала искать статью о самоубийце, который несколько лет назад на проселочной дороге кинулся на встречную полосу. Я прочесывала архивы региональных газет. Но ничего не находила. Неужели Филипп солгал из жалости ко мне? Я закусила губу.

Позвонила Барбаре Петри. На другом конце никто не отвечал. И это неудивительно. Мне стало стыдно, и я положила трубку. Потом собралась с духом и снова набрала, подождала, пока включился автоответчик, и оставила сообщение. Связалась с домом престарелых и узнала, что Констанция чувствует себя прекрасно, до сих пор с восторгом вспоминает чаепитие, на котором побывала, и сегодня утром заказала завтрак в стихах.

Я снова поговорила с Мирко. Тот признался, что не только телефонный террор, но и некоторые из грязных комментариев в Сети его рук дело. Каждый из нас произнес слова извинения. Мы оба чувствовали неловкость. Молчали в трубку. Потом пообещали, что останемся друзьями, очень хорошо понимая, что этого не будет.

Я снова села за компьютер. Готовиться к первой неделе после школьных каникул.

Истина

Попутно начала готовить томатный соус.

Я сняла обручальное кольцо, завернула его в бабушкин носовой платок, какими нынче уже не пользуются, и спрятала в комод.

Продолжила поиски статьи. Наткнулась на страничку в какой-то местной газете, которую ранее упустила. Пришлось зарегистрироваться, чтобы пользоваться архивом. Сгорая от нетерпения, создала аккаунт, логин: Radioheadfan1978, пароль: karmapolice. Набрала в поиске ключевое слово, кликнула тут, кликнула там. И — не прошло и пяти минут — нашла статью.

Филипп говорил правду.

52

Семь лет назад мой муж бесследно пропал.

Потом он вновь появился и почти на три дня вошел в мою жизнь только затем, чтобы опять исчезнуть.

От пыли защекотало в носу, и я чихнула. Здесь, под крышей стояла гнетущая жара, за день чердак нагревался и хранил накопившееся тепло до глубокой ночи. Послание потомкам. Пот мгновенно выступил у меня на лбу. Я открывала коробку за коробкой, но пока безрезультатно. Отодвигала в сторону и продолжала поиски.

Где же теперь Филипп?

Вернувшись после нашей ночной вылазки, мы снова оказались в кухне. Сконфуженно смотрели друг на друга. Оба не знали, что сказать. Два совершенно чужих человека. Сама не зная почему, я надеялась, что Филипп обнимет меня. И чувствовала, что он этого

Мелани Раабе

хочет. Спрашивала себя: может обнять его первой — просто шагнуть к нему и прижать к себе. Как это говорится: когда оба хотят одного и того же, но каждый надеется, что другой возьмет инициативу на себя? Некоторое время мы так и стояли, потом Филипп сказал, что ляжет в комнате для гостей, а утром уйдет. Ему нужно побывать одному. И мне наверняка тоже. Я не возражала. Наши глаза снова встретились.

Потом он удалился. А наутро его уже не было.

Вот она, коробка, которую я искала. Большими буквами на ней выведено «Сентиментальное». Я открыла коробку. Сверху лежали фотоальбомы. Фотографии нашей поездки в Лас-Вегас, нашей свадьбы. Первые месяцы после рождения Лео. Даже снимки с той самой вечеринки, где мы жарили на гриле всякие вкусности — один из приятелей вызвался все документировать. Я держала альбомы в руках, хотела вообще-то спуститься с ними вниз и устроиться на диване.

Но вместо этого, не раскрывая, сложила все обратно в коробку и закрыла. Настоящее — только оно у меня есть, и оно останется со мной навсегда. Я спустилась с чердака, вошла в гостиную, села на диван. Мой взгляд упал на коллекцию пластинок, я опять поднялась, подошла к полке, долго искала желанную пластинку, достала ее из конверта, положила на проигрыватель, приобретенный Филиппом незадолго до исчезновения, — дескать, звук на грампластинке гораздо лучше, чем на диске, что мне показалось обычновенной блажью. Я снова опустилась на диван, музыка набирала силу, это была песня Ника Кейва и «Bad Seeds» «Любишь ли ты меня».

Истина

И вдруг я вспомнила то самое длинное слово на «М», которое искала, и в то же мгновение меня осенило: вот какое слово произнес тогда чужак, в надежде, что я, наконец, его узнаю. Это было накануне, в гостиной. Не «Мани, лабил...».

Мамихлапинатапай.

Я вспомнила, что мы вкладывали в это слово и в чем хотели признаться, когда ситуация казалась уже абсолютно безнадежной: «Я все еще тебя люблю, любишь ли ты меня?»

Почувствовала, как стеснило грудь, но стерпела. Я дышала.

Я огляделась по сторонам и подумала о том, сколько же всего в этом доме мы с Филиппом пережили. Я думала о той тьме-тьмущей разногласий, через которые нам пришлось пройти. О ранах и подлостях, о любви, и пока я все это перебирала, Ник Кейв пел для меня. Мысли мои метались, а певец задавал вопрос всех вопросов, «любишь ли ты меня», я увидела перед собой лицо Филиппа и почувствовала, как сердце заныло от тоски.

Я поднялась, чтобы избавиться от нахлынувших воспоминаний, подошла к низкой полке, где стояли мои любимые книги, закрыла глаза, вытянула одну из них и взглянула на обложку.

Джонатан Сафран Фоэр. «И все осветилось».

Я всегда помню о том, что сказала однажды моя мудрая бабушка: «Быть счастливым или не быть — решашь ты сам». А вдруг, подумала я, с любовью точно так же. Вдруг любовь — это мое решение?

Мелани Раабе

Во-первых, много лет назад на концерте «Radiohead» меня чуть не ударило молнией.

Во-вторых, я уже трижды участвовала в триатлоне.

В-третьих, я окончательно переболела Филиппом.
Одно из них ложь.

Я шагаю по улице, под старыми липами. Деревья спят, и от их снов исходит аромат влюбленных шмелий и давно прошедших лет. С каждым сделанным шагом я чувствую, как прибавляются силы. Сейчас ночь. Одно засыпает, другое пробуждается. Я пытаюсь представить, что в какой-то части мира сейчас солнечный день. Я представляла себе это уже тысячи раз, в самые темныеочные часы. Представляла, что где-то на земле в эту минуту светло. Где-то всегда светло.

Я знаю, что нужно делать. Знаю, куда идти. И если все сходится, то Филипп тоже будет там.

53

Ночной вид на Эльбу, открывающийся отсюда, за все прошедшие годы почти не изменился. Я бежала, а теперь, пытаясь выровнять дыхание, глядела на реку. В темноте она кажется громадной экзотической змеей. Вода черная, как нефть, и лишь там, где ее поверхность отражает свет, виднеются размытые желтые пятна. Никого здесь нет, кроме меня. Я стою на нашем месте. Вот тут это было. Именно тут. Наше первое настоящее свидание. И предложение руки — годы спустя.

Истина

...Первое свидание я и вспоминаю. Ночь много лет назад. Новолуние. Мне оно не нравилось. А Филипп считал, что новолуние — это супер. Так звезды видны лучше. Пикник на ночном пляже у Эльбы и пьяная Зара, которой показалась превосходной идея поплавать в реке. Филипп счел затею безумной, но Зару удержать не смог.

«Только не заходи далеко! Здесь сильное течение».

«Да что ты, я только ноги намочить!»

Вот течение я и помню, и свои замедленные реакции. Но лишь когда я перестала чувствовать дно под ногами, ушла под воду и снова вынырнула, отфыркиваясь, меня охватила паника. В холодной воде я немедленнопротрезвела, но было поздно. Ячувствовала, как меня куда-то затягивает, а я не хочу, чтоб меня затягивало, хочу вырваться отсюда, из этого водоворота, хочу на берег, но уже поздно. И попала я не в какую-то быстрину, нет. Это было настоящееглубинное течение, смертельное течение, медленно и терпеливо уносившее меня от жизни. Страх. Тишина.

И тут он вынырнул. Сначала звал откуда-то издалека. Испуганно, раздраженно. А потом каким-то образом оказался рядом. Схватил меня сзади. Тянул и дергал. Барахтался и пыхтел. Мы вместе вступили в борьбу с течением, по чуть-чуть, кряхтя и фыркая, и холодно было, уж так холодно, ячувствовала его руку, но до того устала, просто не могла больше, сама уже не знала — то ли бороться, то ли сдаться, но понимала, что утону не одна, а вместе с ним, и, сделав последнее, предельное усилие, почувствовала дно под ногами. Течение все же подхватывало и затягивало меня, но я не сдавалась. Я боролась. До тех пор, пока вода не стала мельче, пока вода не перешла в берег, куда

Мелани Раабе

нам удалось выбраться и упасть. Дышали. Успокаивались. Лежали. Бледное лицо Филиппа в лунном свете, темные глаза, темные волосы. И ямочки на щеках. Филипп, который любил футбол и серфинг, что вызывало у меня восторг. Филипп, который любил старые фильмы про гангстеров, что вызывало у меня восторг. Филипп, который был вегетарианцем и любил слушать «Radiohead», а еще Леонарда Коэна, Ника Кейва и Тома Уэйтса, что также вызывало у меня абсолютный восторг.

«Еще бы чуть-чуть...» — прохрипел он, когда снова обрел дар речи.

«Да, еще бы чуть-чуть...» — отозвалась я.

«Не лучшая идея — здесь искупаться».

«Да, совсем не лучшая», — согласилась я.

Мы смотрели друг другу в глаза, и что-то такое произошло со мной, сама не знаю — что. Мгновение как будто растянулось, расширилось и охватило все, что когда-либо происходило и когда-либо произойдет, а я как будто обрела дар прозрения. Увидела миллиарды случайностей, обстоятельств и событий, которые привели к тому, что мы существуем, что мы именно такие, как есть, что мы нашли друг друга, что мы находимся здесь, вместе и именно сейчас, в этой бесконечной вселенной, изо всех мест и всех времен — мы именно здесь, именно сейчас и вместе. Я видела нас сверху, какие мы крохотные и притом громадные, я чувствовала все изнутри, я знала все, что позади нас, я знала все, что еще произойдет, я знала, что сейчас все именно так, как должно быть, на один краткий миг я обрела абсолютное познание, я видела все и все понимала, я видела триллионы клеток, из которых со-

Истина

стоит Филипп, в своей беспрестанной и неуемной пляске сделавших его таким, какой он есть, и ничуточки не другим. Это невообразимо, думала я. Восхитительно и невообразимо. А потом лицо Филиппа оказалось рядом с моим лицом. Потом наши губы встретились. И я уже ни о чем больше не думала.

Наша первая ночь — сколь драматичной она была. Вокруг нас вода, над нами звезды, мокрые мои волосы покрывалом на моих плечах. Чужой юноша, капли воды в его волосах, тишина, лишь наше дыхание, темнота. Мир вдруг съежился, стал крошечным, так что места в нем хватало только для нас двоих. Кокон из тишины и звезд. И наконец, когда-то — осторожно-осторожно — я ощутила руку на моей голове, в моих волосах.

Я вздрогнула, услышав позади шорох. Филипп! И я обернулась.

Но там никого не было.

Вернувшись домой, я поблагодарила соседку Тайс, которая сидела с Лео в мое отсутствие, рас прощалась с ней и стала готовиться ко сну. Только я улеглась в кровать, как раздался стук в дверь.

В испуге я села в кровати, отозвалась:

— Да?

Но ничего не произошло.

— Да, кто там?

И тут дверь стала открываться, невыносимо медленно открываться. За дверью стоял Лео.

— Деточка! — воскликнула я изумленно. — Что случилось, ты не можешь заснуть?

Мелани Раабе

Лео кивнул.

— Ну, тогда иди сюда.

Он избегал моего взгляда.

— Лео, что случилось? Ты хочешь спать здесь, у меня?

Он, отрицательно покачав головой, спросил:

— А где тот человек? Он вернется?

— Давай мы завтра все обсудим, договорились?

Лео кивнул.

— Пойдем, я уложу тебя спать.

Лео, наконец, задремал, и я некоторое время еще понаблюдала за ним, спящим. А затем отправилась в комнату для гостей и тоже улеглась. Глубоко вдохнула.

Запах у подушки такой же, как прежде.

У меня заломило в груди.

Я потеряла свою любовь.

Но, может, бывают штуки и посильнее, чем любовь?

Страх. Боль.

Время.

Но у меня ведь есть друзья, подумала я. У меня есть этот замечательный ребенок. Я здорова. Я жива. Я свободна. Свободна от прошлого, свободна от всех тайн. *И все осветилось.*

А земной шар продолжал делать то, что он делал всегда.

Земной шар вращался.

Эпилог

Вода соблазнительно поблескивает. Едва выйдя из машины, я слышу ее манящий зов. Берег Эльбы. Снова этот берег Эльбы.

И новолуние.

Задержусь здесь ненадолго.

Наверное, надо заканчивать с этим, хватит сюда приходить. Не могу же я каждый вечер просить соседку Тайс сидеть с Лео, не могу же я изо дня в день являться в школу смертельно усталой из-за того, что я ночами шатаюсь тут на берегу.

Да и вообще все это просто смешно.

И все же по-другому у меня не получается.

Осматриваюсь. Я здесь одна. Как и каждый вечер. Он не пришел. Какой идиотизм с моей стороны — предполагать, что он придет.

Сегодня я здесь в последний раз, говорю я себе.

И тут я — против сложившейся своей привычки — отправляюсь в другую сторону. Прочь от воды, вперед к асфальту, к людям, к улицам. Иду все дальше и дальше, город несет меня через всю свою систему, инстинктивно я двигаюсь к центру, улицы становятся все оживлен-

Мелани Раабе

нее, я петляю, порой задумываюсь, как же мне теперь отыскать свою машину, ах, да ладно, я иду и иду. Каждый шаг помогает мне привести мысли в порядок, избавиться от тяжести. Прорываюсь сквозь тьму. Время от времени из темноты на улице передо мной появляются ночные гуляки, пошатываясь, бредут мимо — то одиночные волки, то парочки в обнимку, то — это уж обязательны — шумливые компании. Вдруг в темноте забрезжил свет. Подняла глаза, а это пивная. Эмблема пива «Астра» указывает мне путь. Мне уже не раз попадались сегодня пивные, но желания зайти туда не возникало. А эта пивная — какая-то другая, сама не знаю, почему. Может, мне понравилось, что она пуста. Захожу внутрь.

За стойкой изящная женщина моего возраста, бледное лицо, волосы выкрашены в огненно-рыжий цвет. Улыбается, кивком подзывает меня, я усаживаюсь к стойке, заказываю пиво. Она подает. И спрашивает:

— Тяжелая почка?

Глотаю пиво. Отвечаю:

— Бывало и похуже.

Делаю еще глоток.

— Но вообще-то — да. Тяжелая почка.

— Мужчина?

Пожимая плечами, пью пиво. Нет у меня желания вести разговоры. А она продолжает:

— Я вот думаю, до чего мы были бы прекрасны, если бы нам постоянно не мешала эта любовь. Если бы всю энергию, которую мы тратим на то, чтобы найти партнера или его удержать, вкладывали бы в другие дела. В проекты какие-нибудь, или в искусство, и еще куда.

Я повнимательнее присмотрелась к женщине за стойкой. Она моложе, чем мне подумалось на первый взгляд. Может, студентка, подрабатывает здесь, чтобы платить

Истина

за учебу. Просто голос у нее хриплый, вот и кажется старше своих лет. Рассматриваю татуировки, покрывающие ее руки. Мне нравится татуировка. А Филипп татуировку ненавидел. Ради него я рядом с бабочкой у себя на бедре никакой другой татуировки не сделала.

— А есть она вообще? — спрашиваю я. — Эта самая любовь?

Женщина за стойкой смотрит на меня, подняв брови.

Делаю следующий глоток пива, наслаждаясь его горьковатым вкусом.

— Вот мы думаем, что кого-то любим... Но любим ли мы его, другого человека? Или мы любим то чувство, которое он у нас вызывает?

Коротко поразмыслив, она отвечает:

— Я считаю — и то, и другое.

— Но ведь тогда мы не можем разлюбить! Если мы действительно любим не только то чувство, которое вызывает в нас определенный человек, а любим его самого... Тогда разве можно разлюбить его лишь за поступки, хотя они нам не нравятся?

Женщина за стойкой пожала плечами и отвернулась. Может, она каждую ночь ведет такие разговоры и это ей прискутило.

Мне это тоже прискутило.

Беру бутылку и сажусь к окну. За немытым стеклом открывается вид на ночную улицу. Спрашиваю себя, есть ли там где-то Филипп. Спрашиваю себя, правда ли, что я все еще люблю Филиппа. И есть ли она вообще, любовь?

Спрашиваю себя, что бывает с нею, когда мы разлюбили. Сгорает ли она в холде вселенной? Просачивается ли в наши клетки, изменяя наследственность?

Мелани Раабе

Думаю я о Филиппе, и опять у меня это чувство в животе, как будто я на американских горках, и глаза мои наполняются слезами, и я понимаю: черт побери — да. Все еще и несмотря ни на что.

Расплатившись за пиво, возвращаюсь на берег Эльбы. Ложусь на песок, удивляясь, что он такой холодный. Мне необходимо полежать, откинувшись назад. Чуточку поглядеть на звезды вверху, ни о чем не думая, просто дать отдых глазам здесь, у воды. Просто дождаться в темноте, в предрассветных сумерках, что река унесет отсюда все мои переживания, всю мою боль к следующей излучине, где они исчезнут из виду. На некоторое время я зацепилась за эту мысль. Мне кажется, тело мое весит целую тонну. Я просто не могу встать. Я устала, я разбита, я слишком тяжела.

Но затем я сказала себе, что еще не вечер. Что скоро взойдет солнце. И всегда можно что-то сделать. И жизнь все равно продолжается. И лучшее, что я могу сделать — встать. Что бы ни было, а надо встать. И вот я встаю. Отряхиваю от песка и боли свою одежду, свои ладони. Отвожу взгляд от реки, поворачиваюсь к ней спиной. И прямо перед собой вижу Филиппа.

Мы смотрим друг на друга и молчим.

Я думаю, что любовь — это не состояние и не чувство. Любовь — это живой организм. Любовь испытывает голод и жажду. Это живое существо, способное расти и уменьшаться, болеть и выздоравливать, способное заснуть и умереть.

А значит — любовь можно возродить к жизни.

И в эту секунду птицы запели.

Благодарности

Как всегда, прежде всего, хотелось бы поблагодарить мою семью, в особенности маму, папу, брата и мою любимую, и самую замечательную бабушку Хильде.

Также хотелось бы выразить благодарность потрясающей команде издательства «btv» — и в первую очередь Регине Каммерер, которая оказала неоценимую помощь в становлении «Истины». Иметь в помощниках такого редактора настоящее счастье!

От всего сердца благодарю и удивительное трио в лице Георга Замандера, Катерины Кирстен и Лизы Фолл (Grazie mille! Что бы я без вас делала?)

И, конечно же, всех читателей, распространителей книг, организаторов и друзей литературы — это вам обязана я тем, что могу заниматься любимым делом. Спасибо!

Отдельную благодарность отсылаю друзьям, вдохновлявшим меня при написании книги. Особенно склоняюсь я перед Йорном, Соня, Франк, Алекс, Лукас, Лаура, Мария, Йорн, Хайнер, Анне, Саша — спасибо всем!

А еще группе «Radiohead». За Саундтрек.

*Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.*

Литературно-художественное издание

16+

Серия «На грани: роман-исповедь»

Мелани Раабе

ИСТИНА

Роман

*Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»
Зав. группой М. Сергеева*

*Руководитель направления И. Архарова
Ответственный редактор Ю. Нагточей
Корректор Е. Савинова
Компьютерная верстка С. Клещёв*

*Подписано в печать 25.07.2017 г. Формат 84×108 1/32.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 2000 экз. Заказ № 40627.*

*ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар,
д. 21, строение 1, комната 39
E-mail: zhanry@ast.ru*

*Баспа Аста деген ООО
129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru*

*Қазақстан Республикасында дистрибутор және енім бойынша арыз-талаптарды
қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3 «а»,
литер Б, оғис 1.*

*Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksмо.kz
Өнімнің жарандылық мерзімі шектелмеген.*

*Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған*

*Отпечатано в соответствии с качеством предоставленных издательством
электронных носителей в АО «Саратовский полиграфкомбинат».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59. www.satpk.ru*

Мелани Раабе родилась в 1981 году в маленькой деревне в Тюрингии, изучала медиаведение и сравнительное литературоведение в Бохуме. Пройдя стажировку в Кельнском городском журнале, она успела поработать актрисой, интервьюером, театральным и киносценаристом. Сейчас она ведет свой собственный блог и является обладательницей нескольких призов за сценарии и рассказы.

Во время командировки в Южную Америку бесследно исчез богатый бизнесмен Филипп Петерсен. Его жена Зара семь лет ждала хоть каких-то известий о нем. Однажды ей звонят из Министерства иностранных дел и сообщают, что ее муж жив и возвращается в родной Гамбург. Зара очень взволнована, вся она — комок нервов. Как они встретятся? Что будет дальше? Где был Филипп все эти годы?

...По трапу самолета спускается большая делегация. Зара напряженноглядывается в лица. Но среди них она не видит своего мужа. К ней подводят незнакомого мужчину. И Зара понимает, что это — не Филипп.

Кто этот незнакомец, что ему нужно? И почему он угрожает ей?

Новый роман Мелани Раабе очень драматический. С изощренной тонкостью в нем описано психологическое состояние женщины, борющейся за свою жизнь.

F

«Истина», по сути, — это история о доверии в семейных отношениях из которой получился настоящий триллер. Сюжет книги держит в напряжении настолько, что хочется поскорее дочитать эту книгу до конца, во что бы то ни стало.

ISBN 978-5-17-103120-6

9 785171 031206